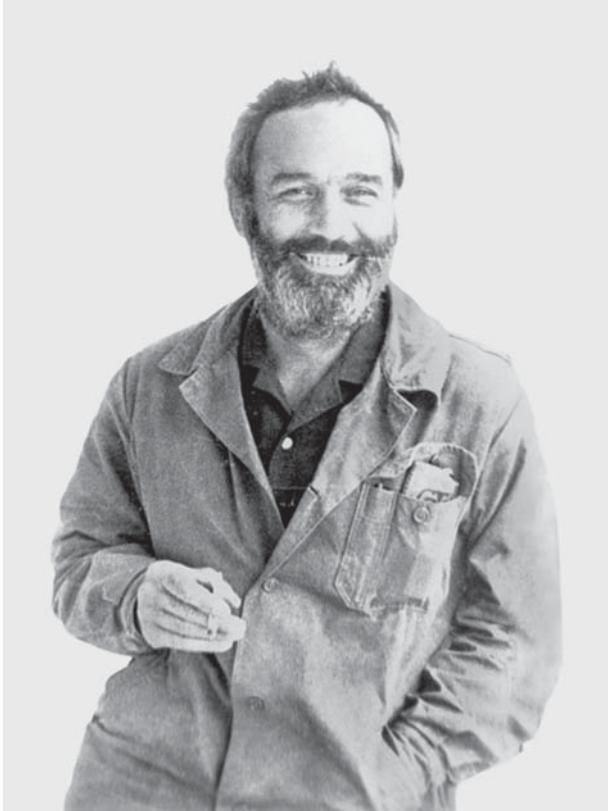

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИЗМАИЛ НУХОВИЧ ГЕМУЕВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.В. Бауло

ЭКСПЕДИЦИИ
ИЗМАИЛА ГЕМУЕВА
К МАНСИ

Этнокультурные исследования
в Нижнем Приобье

Том 2: 1986–1990 годы

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *А.В. Головнёв*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2017

УДК 39(571.122)(=511.143)+910.4(=1-81)

ББК Т52(251.1=Xa2)+Т5г(251)

Б291

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Рецензенты

доктор исторических наук *А.И. Соловьёв*
кандидат исторических наук *А.А. Люцидарская*

Б291 **Бауло А.В.** Экспедиции Измаила Гемуева к манси: Этнокультурные исследования в Нижнем Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 2: 1986–1990 годы. – 224 с.

ISBN 978-5-7803-0279-7

Издание посвящено «мансийскому» периоду экспедиционной деятельности И.Н. Гемуева – российского этнографа, изучавшего самобытную культуру само-дийцев и обских угров. В книге представлены экспедиционные дневники и фотографии сотрудников Приполярного отряда ИИФФ СО АН СССР, отражающие многолетние междисциплинарные исследования: археологические раскопки, этнографические сборы, демографические, социологические, архивные, фольклорные и религиоведческие изыскания в районах проживания северных манси.

Книга адресована этнографам, историкам, культурологам, музеям работникам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой малочисленных народов сибирского Севера.

УДК 39(571.122)(=511.143)+910.4(=1-81)

ББК Т52(251.1=Xa2)+Т5г(251)

ISBN 978-5-7803-0279-7

© Бауло А.В., 2017

© ИАЭТ СО РАН, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Второй том посвящён публикации экспедиционных материалов Приполярного этнографического отряда ИИФФ СО АН СССР 1986, 1989, 1990 годов.

В 1986 г. в экспедиционных поездках И.Н. Гемуева сопровождали фотограф ИИФФ СО АН СССР (он же механик экспедиционного катера) А.И. Логинов и художник Б.В. Крюков, а в 1989 и 1990 гг. – директор средней школы № 194 г. Новосибирска А.В. Бауло.

Дневники участников экспедиций представляют собой записи в обычныхученических 86-листовых тетрадях. Для настоящего издания они набраны без указания номеров страниц дневника. В ряде случаев в тетрадях отсутствуют даты и названия населённых пунктов. Составитель счёл нужным указать название деревни перед фамилией информатора. В квадратных скобках курсивом даны смысловые добавления составителя, а комментарии вынесены в подстраничные сноски.

Экспедиционные записи в нашем издании приводятся с сохранением последовательности изложения, стилистики, а также сокращений авторов. Там, где записи неразборчивы, не указаны размеры, составителем поставлено многоточие в треугольных скобках.

Фотографии в 1986 г. выполнены А.И. Логиновым, а в 1989 и 1990 гг. – А.В. Бауло.

Студийные фотографии сделаны А.В. Бауло (см. рис. 84, 88) и В.Н. Кавелиным (см. рис. 87).

ГЛАВА 1

ЭКСПЕДИЦИЯ К МАНСИ 1986 ГОДА

Летом 1986 г. Приполярный этнографический отряд продолжил работу в Берёзовском районе ХМАО, в бассейне Северной Сосьвы, в посёлках Верхнее Нильдино, Сосьва и Анеево, а также деревнях Новинские (Лапорская протока) и Верхние Нарыкары (р. Малая Обь). Отряд составляли: И.Н. Гемуев, художник Б.В. Крюков, механик экспедиционного катера и фотограф А.И. Логинов (рис. 1–6). Материалы экспедиции по религиозно-обрядовой практике манси частично опубликованы¹, а записи по материальной культуре и обрядам жизненного цикла – нет.

ТЕТРАДЬ № 1 ЗАПИСИ И.Н. ГЕМУЕВА

[*Верхнее Нильдино*], Таратова Анна Кузьмовна

Я с 10 лет охотиться стала с братом. Маленько снег гребу [*на лыжах*]. С ружьём. С 12 лет сама стала ходить. Далеко не отпускали. Белку добывала ещё лучше мужчин. В день по 2–3 соболя добывала.

Вчера мы лук собирать ходили. *Сайм-нум* – лук. Всегда лук собирали. Посолим, порубим. Мясо, рыбу пожарим – с луком. В это время (конец июня). В уху тоже добавляем.

[*Верхнее Нильдино*], Таратов Пётр Сергеевич

В Няксимволе были два пастуха. Всё у них продукты кто-то из нарт забирает. Потом старые люди сказали: «Надо стол ставить». Бочку вина поставили. «На стол поставьте два стакана с вином. Они попробуют, потом им понравится, сами начнут пить, опьянеют, тогда их можно поймать».

Поставили бочку, стол, закуску, налили вино в стаканы. *Менквы* пришли, муж с женой, они тоже семьями живут. Он говорит: «Что за вода в стаканах? Попробую». «Вкусно, пей и ещё нальём». Налили, закуску взяли. Полбочки выпили. Опьянели, заснули. Люди пришли с цепями, с кандалами. Руки-ноги цепями стянули, так и привезли в деревню. Там посадили в дом с железными дверями, окна железом закрыты. Они стучатся: «Есть хотим». Дверь открыли. Они ходят

¹ См.: [Гемуев, 1990а, б].

Рис. 1. А.И. Логинов и И.Н. Гемуев на экспедиционном катере.
Фото Б.В. Крюкова.

Рис. 2. Б.В. Крюков и И.Н. Гемуев в каюте экспедиционного катера.

Рис. 3. И.Н. Гемуев на фоне экспедиционного катера.

Рис. 4. Экспедиционный катер у берега возле пос. Сосьва.

Рис. 5. Экспедиционный катер у берега возле пос. Сосьва.

Рис. 6. Экспедиционный катер на Северной Сосьве.

кругом по деревне, пищу берут, едят. Так жили. Потом опять в лес ушли. Мужики в дерево ножи воткнули – пусть *менкв* увидит, знает – опять придёт, кончат его.

Один мужик на охоту пошёл, потом обратно пошёл, луна светит. Вдруг слышит: «Тира-тира, тира-тира». Что такое? Ближе подходит, заметил: великан сидит и сапог зашивает. «Дай я его убью». Пошёл, лесину в болоте взял и подкрадывается. Когда «тира-тира» – идёт, потом стоит. Подкрался и [ударил] по голове этого великана *менкв*. Тот побежал. Мужик утром пошёл, смотрит: стоит рюкзак, собака стоит, а самого нет. Видно, как бежал – деревья лежат.

Другой мужик тоже в Сартынье великана убил. Великан продукты таскал. Мужик топор точит, сено положил на топор – не режет. Снова точит, сено положил – разрезается. Он в дом зашёл, стал караулить. *Менкв* идёт, глаза светят, как фонари. Он за дверью стоит, *менкв* зашёл, он топором по голове, по шее. Великан упал, всю избу завалил собой. Мужик в деревню пришёл, говорит старикам: «*Менкв* убил». Не верят. Ребятишки поехали, увидели, испугались, убежали. Потом уже старики пришли, посмотрели: «Да ты охотник сильный». Раньше-то крепкий народ был (рис. 7–14).

**[Верхнее Нильдино, дом В. Островова,
племянника А.К. Таратовой] Имда**

В избе слева, впереди от входа (на *пубы-норма*), за занавеской, на оленевой постели, одна на другой [лежат] две специальным образом сложенные шкуры медведей². Каждая из шкур сложена вдвое и согнута в «поясе» так, что впереди – морда и лапы. Шкура каждая (нижняя часть) закреплена на специальном каркасе (привязана к нему). К каркасу же привязано кольцо медное. На шее у верхней шкуры – бусы. Нижнюю медведицу убил дед А.К. Таратовой, верхнюю – отец. «Мы их считаем как мать и дочь»³. Такие «засущенные» медведи – *имда*.

Сверху на *имда* – более 10 различных *тор* (платков). «Потому что бабы они».

Сбоку – мешочек с *арсынами*. «Если бы мужики были – *тор* бы не было, только *арсыны*». *Тор* и *арсын* кладёт мужчина, убивший медведя, или его наследник, старший в доме.

Отец передал «заведывание» А.К. Таратовой, но это – исключительный случай. «Я как мужик». Когда устраивается застолье, медведям ставится чарка.

Когда мы пришли в избу, А.К. сначала зажгла чагу, налила чарку «им», себе и мужу. Сняв с *пубы-норма* шкуры и, положив их на стол, она просила медведей не сердиться, «и чтобы мы не болели». После этого выпили. Убрали всё на место, опять зажгла чагу. Когда заболеют, просят у *имда* здоровья и обещают *арсын*. Когда выздоравливают – кладут *арсын*.

Каркас у *имда* из черёмухи (*лям-ив*). Каркас – *ана*. Лыко тоже из черёмухи. Делает мужик, который убил медведя.

² Фотографии этих шкур, выполненные в 1985 г., помещены в первом томе нашего издания (см. рис. 306–309).

³ Комментарии А.К. Таратовой.

Рис. 7. Экспедиционный катер у берега возле д. Верхнее Нильдино.

Рис. 8. Усадьба П.С. Таратова.

Рис. 9. Анна Кузьмовна и Петр Сергеевич Таратовы.

Рис. 10. П.С. Таратов.

Рис. 11. В доме П.С. Таратова (неизвестный мальчик, А.К. Таратова, И.Н. Гемуев, П.С. Таратов)

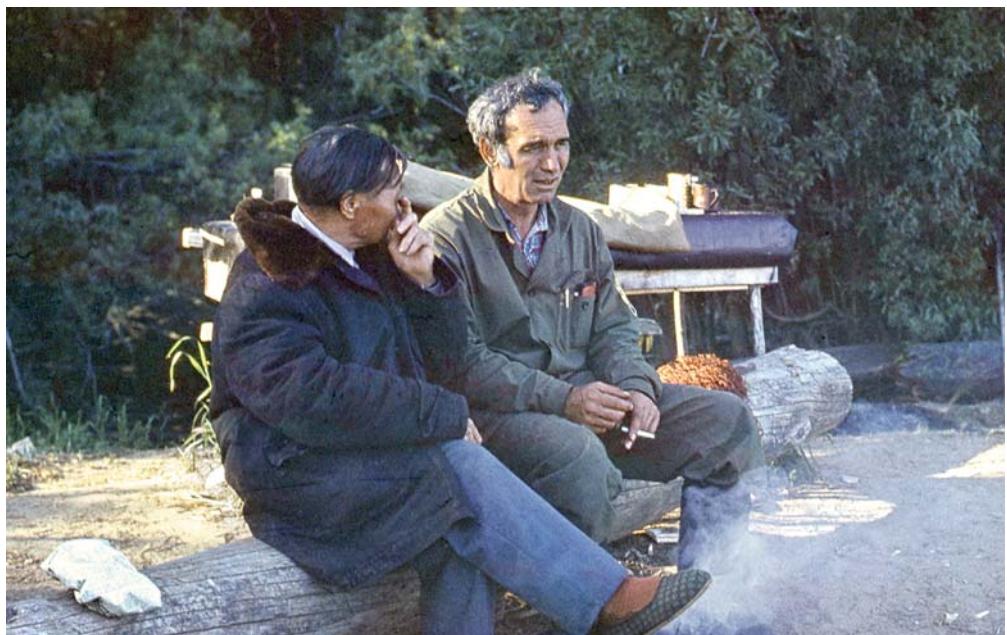

Рис. 12. Разговор за старину. П.С. Таратов (слева) и И.Н. Гемуев (справа).

Рис. 13, 14. И.Н. Гемуев с жителями д. Верхнее Нильдино. Слева направо: И.Н. Гемуев, А.К. Таратова, бабушка Вынгелева, П.С. Таратов.

А.К. разлила водку и поставила стопки на подоконник – солнцу. Солнце – бог. Одновременно зажгла чагу, чтобы этот дым солнце видел. Солнце – *хомал*. Луна – *этпос*. *Этпос-пыг. Хомал-эква*.

Старые люди говорят: «Солнце в нарте сидит, а конь нарту тащит». Женщина. Месяц сын – парень – *пыг*. Он вырастет и кончается. Потом снова вырастет. Потом на охоту пойдёт и лося палкой ударит, с глазами что-то делается, себе в глаз попадает, потом болеет и кончается.

Мать говорит: «Всё время тебе в глаз ударится, лучше ты будешь луна». На солнце двумя глазами смотреть нельзя – одним глазом смотрит, другой прищурен.

Солнце говорит: манси – плохой люди, *сампал суппал* – некрасивый люди. А месяц говорит: «Ты сам так светишь, а я свечу – люди смотрят, я вижу – хорошие люди».

У нас женщина вверху не ходит. Только брёвна на палки ставят. Потом верёвку через дом перекинут, брёвна завяжут и с другого конца тянут.

[*Верхнее Нильдино, П.С. Таратов*]

Опоры у костища с личинами – *менкв-пырииц* (сын *менква*)⁴. Они караульщики: кашу или мясо караулят. Мясо, когда вынут, поставят на стол, в *ура* поставит шаман. В котёл сыпят муку или крупу. Один крутит – мешает. Когда сварится, ставят на стол, в *ура* и огню. И из этой чашки, что огню, мажут рты *менкв-пыриицу*.

Павлын-ойка. Ходили в зимнее время и лошадь там забивали. Тарелка⁵ – *Полум-Торум*, лежал в ящике – *Полум-Торум*⁶.

Говорят: «*Полум-Торум*, приходи, тебе лошадь забьём». Лошадь (или корову) в деревне убивали и только мясо туда тащили. И вино. Раньше старики без вина ходили, только мясо-кашу варили. Лошадь убивали у столбика (*анквыл*). Привязывали. Покрывало клали, потом в доме хранили на *пубы-норма*. Когда в другой раз лошадь забивали, опять его клали. Лошадь любой масти. Оленя дома убивали. Оленя – *Павлын-ойке*. Оленя [убивали] топором в шею.

Здесь в *ура* не *Полум-Торум*, а *Полум-Торум-пыг*. А сам *Полум* – в Оби, в Новинских юртах. В Вежакарах – *Чохрынь-ойка* и *Ялпус-ойка*.

Наша тарелка – *Полум-Торум-пыг*. Когда поднимают *Мир-сусне-хума* с тарелкой – это чтобы сердце, печень [были здоровы].

Когда забивали лошадь *Полум-Торуму*, открывали ящик, вынимали антропоморфное изображение и «тарелку», ставили на землю. На тарелке – война *Полум-Торума с менквами*: когда хон не был, вода хуль не был, люди не был, бог землю начинал.

Павлын-ойка так появился. Однажды мужик видит: лосиный след идёт из леса, вокруг дома лось обошёл, и тут след кончился. Шаман сказал: «Посмотри

⁴ Речь идёт о священном месте возле деревни [Гемуев, Бауло, 1999, с. 107–120].

⁵ Серебряное блюдо со сценой осады крепости. В одном из изображённых на нём всадников манси опознавали *Полум-Торума*.

⁶ Речь идёт об антропоморфном изображении из белой бронзы [Гемуев, Бауло, 1999, с. 109].

на чердаке». Мужик на чердак полез, видит: в мужской одежде лежит. И сказал: «Мне эта речка нравится, Яны-я. Мне здесь ура ставьте» (общее устье – *Павлын-я*).

*Тортул*⁷, если в наш дом зайдёт, он долго не живёт, помирает. Его высушит, потом в шёлковую тряпку заворачивают. Если он залетит – медведя убьёшь осенью. У него ухи, как у медведя.

На Пырсиме – *Ай-ас-торум* (Неремовы юрты?). В Перегрёбном Костин Прокопий – *Ялтус-ойку* держал в Вежакарах.

Эква-пырищу Нуми-Торум говорит: «На *пале*⁸ три бочки стоят. Не трогай, сынок». Сын думает: «Отец на охоту пошёл, почему мне на *пал* не посмотреть».

Он одну бочку открыл – там такая вода, если выпить – мясо и кости кончаются и умираешь. Вторую открыл – кипит, он едва успел закрыть. Люди стоят живут, и бог их опускает и утопляет. Третью бочку открывал – там земля, красивая. Потом слышно – отец идёт.

– Сынок, зачем плачешь, я говорил – не трогай бочку.

– Я не трогал.

– А на ладони что лежит? (бочки – дыры).

– Вода из бочки.

Сын просил на землю отпустить. Отец: «Там ходить плохо, всё царапает» (шиповник?).

– Ничего.

Отец пошёл в кузницу, золотой *ана*⁹ делал (ванну). Опустил в неё. Северный ветер пойдёт – на север [*люлька*] качается, южный – на юг.

– Хватит, сынок?

– Нет, на землю отпусти.

Отец ему *ёрн-кол* (чум из лосиной шкуры) сделал. *Эква-пырищ* ходит, охотится, потом видит тропинку, пошёл, собаку видит, она лает. Внутрь зашёл. Великан сидит: «Ой, зять пришёл». Дочь сидит – *сахи шьёт*. «Дочь, тащи *кисы*, *ваи*, рубашку, покушать». И давай ложиться вместе, и спали.

А утром дочь говорит: «Завтра мой отец играть хочет. Он пойдёт, маскироваться будет, а ты ищи. Он на лиственницу заберётся. Ты возьми лук и прямо в нос ударь ему». Великан заходит – нос в крови.

Вторую ночь ночевали. *Менкв* идёт в сумьях. Дочь говорит: «Там топор лежит, ноги ударь *менкву*». Великан заходит – ноги рубленые, короче.

Третий день. *Эква-пырищ* говорит: «Мне домой надо». *Менкв* говорит: «Идите, я сам живу. Только сзади не смотрите». Приехали в *ёрн-кол*. Парнишка родился.

[*Верхнее Нильдино, Таратова А.К.*]

Выделка шкуры ондатры. Перекладывают шкуры мхом, завязывают в тряпку, кладут под гнёт. Держат 4–5 часов. Мнут. Потом обсыпают мукою. Дают подсохнуть. Мнут снова.

⁷ Летучая мышь.

⁸ Верхние нары.

⁹ Люлька.

Оленью шкуру обрабатывали. Сначала мажут составом. Варят оленью (коровью) печёнку, жуют, выплёвывают в чашку, муку добавляют, мешают, мажут; ночь лежит, потом *новтупом*, потом руками минут.

Лайлын-кер – висячий скребок, зырянский вариант.

Седельник кер – русский вариант.

Доска горизонтально, если лапа большая, шкура наклонно.

Новтуп – скребок (рис. 15–22).

Самсай-ойка – тоже от болезни помогает, ему *пурлахтын* делают, вина ставят. *Хуль-отыр* и *Самсай-ойка* одной породы, оба чёрные.

Полум-Торум белый арсын хочет.

На [левой] *пубы-норма* [в доме П.С. Таратова] – икона Богоматери. Это *Торум-щань*; на Паскин день¹⁰ свечи зажигаем, вина поставим, поминаем. Это Анны Кузьмовны – она принесла.

Рис. 15, 16. А.К. Таратова показывает приёмы обработки шкуры разными инструментами.

¹⁰ На Пасху.

Рис. 17, 18. А.К. Таратова показывает приёмы обработки шкуры разными инструментами.

Рис. 19, 20. А.К. Таратова показывает приёмы обработки шкуры разными инструментами.

Рис. 21. А.К. Таратова показывает приёмы обработки шкуры разными инструментами.

Рис. 22. Инструменты для обработки шкур.

На правой *пубы-норма* у П.С. – *Mир-сусне-хум* (из ткани). Поминаю редко, вино на стол поставлю – ему. Головой кланяется три раза. Это отцовский остался, мы не делали¹¹.

Дом

Старики, когда дом делали, брёвна тесали. Лес готовили весной, летом выслушит, возит домой, на второй год начинает рубить. У кого родня есть – помогали рубить, некоторый – один. Богатые нанимали. *Сахи*, малицы, *ваи*, деньги – плата.

«Курица»¹² – *вакрип* – крючок.

Охлуп – *нор*.

Дверь – *ави*.

Окно – *иснаас*.

Пол – *колкан*.

Прогон – *колала нор*.

Потолок раньше не делали, но делали *норму*. Там хранили сундуки (3–4). Там хранились мужские вещи. Женская одежда и спальные [принадлежности хранились] на *пал*.

На *норме* (в доме без потолков) хранили мужскую одежду, продукты (сахар, муку, крупу) и хорошую посуду. *Няры*, *ваи* – вешали в углу. Летом – в *сумьяхе*, иногда в избе. Мужскую и женскую обувь вешали отдельно. Мужчины – в правом углу, женщины – в левом.

Мань-норма – на улице; когда лошадь убьёшь, мясо варёное туда ставят. На наружной *норме* хранились мясо, оленяя кожа, шкуры. В летнее время – сухое что-нибудь положат, одежду могут (рис. 23–28).

Раньше собак запрягали [*в нарту по*] 4–5. Тогда специально учили. Сначала лёгкий груз положим, потом тяжёлый. Нарта – *мань сун*.

Ручная нарта – на охоту пойдёшь – палатка, котелок, хлеб, припас – *хартне сун*. Это осенью, олени на Урале ходят, нет их, сам пойдёшь с *хартне сун*, конец октября – конец ноября. С конца ноября – олени. Февраль–март – тоже *хартне сун*.

Снег глубокий, олень не может. До дороги тащим, например, лося, на *хартне сун*, потом перегружаем на оленя.

Слопцы. Глухарей (*чопр, манзин*) давили слопцами (*няль*). Когда снег падает, в это время ловят. Когда снег завалит – слопцы положат на место.

Копалуха – *хан сань*.

Косач – *ятри*.

Рябчик – *кисула* – ружьём.

Октябрь (конец) – ноябрь (конец) – за белкой с *хартне сун*.

Ноябрь–декабрь охотятся, приходят в Новый год.

Потом уходят опять, приходят в марте (конец).

В апреле оленей уже угоняют на Урал. Охотиться с оленем в Урал ходили. Там соболей много: 2–3 в день. Старики, 4–5 человек, вместе пойдут, одной

¹¹ Обычное восклицание П.С. Таратова: «Мы-то не знаем, мы-то не держим...».

¹² Жердь с загнутым крюком.

Рис. 23, 24. Старые дома в д. Верхнее Нильдино.

Рис. 25. Хозяйственный амбарчик в усадьбе Таратовых.

Рис. 26. Железная печь в доме Таратовых.

Рис. 27. Кухонный столик в доме Таратовых.

Рис. 28. Священная полка (закрыта занавеской) в доме Таратовых.

дорогой. Вместе ночевать будем, в разные стороны пойдём. Потом пушнину сдают, деньги делят поровну. Если братья есть – с братьями пойдёт. В лесу ночевали – делали навес (*тал кол*): ставили две лесины с развилками, на них поперечину, на неё тонкие стволы, сверху ёлочки, их сверху прижимали брёвнышками. Перед *тал кол* зажигали костёр, на ночь – три бревна, вдоль положенные. Ногами ложатся к костру, предварительно затушив костёр.

Охотиться и рыбачить только мужики ходили. И запор делали, и *гимги* смотрели, и неводили. И ребятишки помогали. А бабы дома.

Запор – *арпи*.

Зимой тоже рыбу ловили – неводом. Лунок 20–30 делают. Большая лунка, через которую вытягивают, делается у берега.

Запор у Нильдино из сетей (мережи), под водой – рукав-фитиль и два садка, откуда рыбу вычерпывают. На лодках подходят чистить мережу. При этом держатся за верёвку, протянутую между берегами.

Берестовая «бочка» – *коссум лахтэн*.

Нарты

Полоз – *сун-памта* (ёлка).

Копылья – *сун-лайл* (ёлка, берёза).

Продольное крепление нащепа – *сун-сайт* (берёза).

Нащеп – *сун-пата* (берёза).

Вязки – *сун-тос* (берёза).

Шпенёк – *сун-тос* (берёза).

Шпенёк – *сун-сай* (берёза).

Передняя перекладина – *сун-неча* (берёза).

Утолщение впереди полоза – *сун-нёл* (ёлка).

Шпенёк – *сун-нёл-ленг* (берёза).

Для загиба стягивают верёвкой концы полоза. В месте загиба вставляют палку и закручивают её, затем ставят вертикально; при этом другой человек ударяет обухом топора по концу полоза. Держат один день (рис. 29, 30).

Лыжи деревянные – *товт*. Делают из ели, колют топором, затем строгают ножом, вырезают ступательную площадку (*товт-яхма, ёса-яхма*).

Камусные лыжи – *ёса*.

Крепление (круглое, из черёмухи) – *тovт-вота, ёса-вота*.

Широкий ремень крепления – *тovт-куалы, ёса-куалы*.

Узкий ремешок, окручающий черёмуховое кольцо, – *тovт паль куалы*.

Загибают: подержат над костром, смочат с двух сторон водой и загибают в сгибочном станке. Клеят рыбьим kleem. Сырьё [для kleя] – чешуя язя, шкура щуки, окуня. Сушат. Потом варить-кипятить. Потом потихоньку вываривать-выпаривать, густой будет. Им клеить.

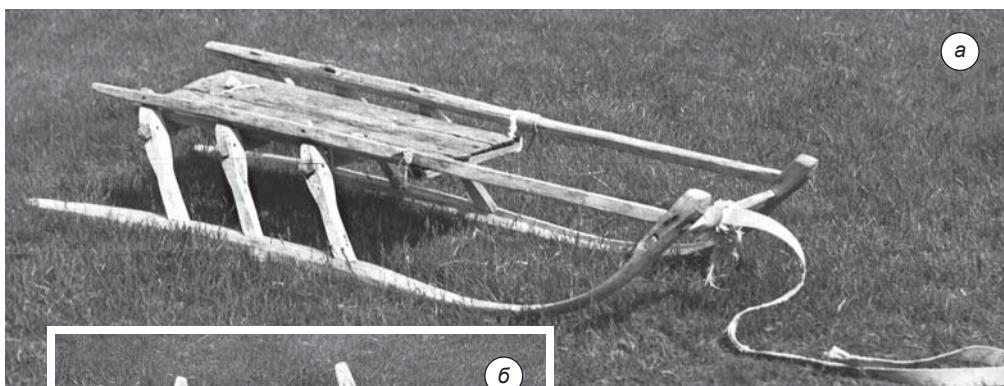
Доска – *нут хат парт*.

Топор – *сайран*.

Точилка – *тикталап* – точильный камень.

Рис. 29. Нарты.

a

б

▲
◀ Рис. 30. Нарта.

Лестэн – оселок.

Тесло – порнэ – лодки делают.

Струг – катым (ручной) ёр.

Дрель лучковая – пасылап.

Коловорот – напар.

Рубанок – ёр.

Калданка – мань кап.

Большая калданка – яны кап, саран кап.

Калданка из двух деревьев: одно расколют и тешут две доски, другое бревно колют, делают дно, из кедра делают. Печорка тоже из кедра. Печорка – 7 досок.

Дерево рубят, потом колют *сайрапом* на толстые доски, потом *порнэ*, потом *катым ёр* (рис. 31–33).

Сильно раньше коров не держали, лошадей редко. Оленей только на Урале доили. Жирное молоко: одну кружку подоишь, вся семья чай выпьет.

Церковь – ялтын кол. Крест – перна.

Рейтартан-уйрищ – маленькая птичка, днём не ходит, вечером после захода солнца или утром. В юртах не бывает, только в лесу или на озере. Крылья сложит и вниз идёт: «Р-р-р». Старики говорили: «Погода хорошая будет».

Когда носом и ртом кровь идёт, надо железо на печке нагреть и туда кровь выплюнуть, тогда перестанет кровь.

Сенных – табак, перемешанный с пеплом берёзовой чаги (*сос*). Добавляют воду и густую массу с тальниковой стружкой, скоблённой зимой, кладут за нижнюю губу.

Ягоду берут: чёрную смородину (*сосы*) (середина августа), клюкву (*санви пил*) (сентябрь, май), бруснику (*сой пил*) (август–сентябрь), морошку (*морох*) (конец августа), голубику (*тах пил*) (конец августа – сентябрь), шиповник (*ины*), чёрёмуху (*лям*) (конец августа). Ходят женщины 2–3. Чёрную смородину варили раньше без сахара. Едят с чаем.

При выпечке хлеба кладут кружком на лепёшку (сырую) и в печь.

Клюкву в мясорубку и потом мешают с сахаром. Раньше давили палочкой. Храли в деревянной бочке без обработки (*ив почка*). Черёмуха тоже не портится, её целиком в бочке хранят. Брусника – аналогично.

Морох кипятят, она не портится. Голубику варят сразу и так едят.

Пайн (солт) делается из одного цельного берестяного полотнища. Складывают вдвое, внизу загибают углы и прошивают вдоль краёв *солта*. У раскрыва прокладывают берестяную ленту-обечайку с внутренней и внешней стороны, прошивают, поверху – черёмуховый обруч. Затем вдоль сшитых краёв прокладывают черёмуховые палочки и прошивают. Всё прошивается оленьей жилкой. Крышка – цилиндр из вдвое сложенной полоски бересты. Поверху накрыта берестяным кругом, окаймлённым черёмуховым обручем. Для жёсткости – узкая обечайка вверху крышки с внешней стороны. Всё сшивается оленьей жилой. *Солт* – внутри белой стороной бересты.

Береста предварительно не обрабатывается. Береста заготавливается в июле на новолуние. Крышка привязывается за пришитый к ней ремешок к заплечным ремням. Концы заплечных ремней продеваются сквозь *пайн ив*.

Pис. 31. Работа с лучковой дрелью.

Рис. 32. Работа с рубанком.

Рис. 33. Работа с теслом.

Солт аналогичен *пайту*, но миниатюрен, без крышки, с ремнём-дужкой.

Запор ставили, когда вода убывает – в июне. Месяца два стоит, пока не высохнет речка, потом снимают, сушат *сайллы* на норме, сделанной возле запора.

Опоры вертикальные – *ун*.

Юнги – *сайллы*.

Горизонтальные опоры – *арпи сир*.

Запор – *арпи*.

Морда – *гимга*.

В конце июля на песках неводом (*толы*) начинают рыбачить, человек 5 таскают, иногда 3. Сетку *хулуп* ставят весной, летом – нет.

Иттерма [делают] через 4 дня, если [умерла] женщина, через 5 – если мужчина. Умоятся, вымывают волосы, пол. Возьмут палочку из венца дома, где жил покойник, возьмут палочку – делают изваяние, надевают платье или рубаху, *сахи* или малицу (рис. 34, 35).

Музей посёлка Сосъва

Медвежий зуб – *вортанут умиц*.

Табакерка берестяная – *саран суп*.

Эти *ана* – ночная люлька. Внизу гнилушки – берёзовые стружки. Поверх – узкая полоска меха от шеи шкуры оленя. Мех можно стирать, сушить. Шьют *ана* женщины.

Перевес (блок) – *патыс кат*.

Хоса аны – на концы корытца кладут куски рыбы, мяса. Уха стекает на середину (дно), туда сыплют соль и макают. Рыбы кости и жабры собирают и минут большой ложкой. Поверх костей наливают уху и едят деревянными ложками (*нялы*).

Нуй сахи – женская суконная шуба.

Колокольчик – *лоухаль сан*.

Летние *ваи* – *совья вай*.

Проклеенные *няры* – *кассум няраг*.

Чижы – *кенсыг*.

Суконный гусь с капюшоном – *кувиц*.

Зимние *ваи* сшиваются оленевой жилой из полосок камуса. Головка – из двух полосок. Подошва из щётки (со «ступней») оленя. Внутрь надеваются чижы – *кенсыг*.

Осси – стружка из тальника (ивы). Её обдирают (скребут) женщины зимой в мороз. Применяют в качестве полотенца, тряпок.

Совья-ваи (летние *ваи* с голенищами). Голенища из ровдуги (цельный кусок). Головка из красной (крашеной) ровдуги. Подошва пришивная из оленевой шкуры (щётки). Спереди и сзади присборена. С каждой стороны подошвы – 3 ремённых петли. Сквозь них протянут ровдужный ремешок для фиксации *ваи* на ноге. Ремешок плотно обтягивает ногу. К голенищу вверху пришит ремешок, которым *ваи* обвязываются вокруг ноги или привязываются к поясу (?).

Копьё ритуальное. Веретенообразное древко, расщеплено вверху, в расщеп вставлено копьё. Расщеп обмотан красным шерстяным шнуром с привязанным к нему медным кольцом.

Рис. 34. Могила на кладбище.

Рис. 35. Таратовы на кладбище.

Подклеенные (проклеенные) *няры* – *кассум няраг*. Летняя (домашняя) обувь. Головка из лосиного камуса. Подошва кожаная, пришита через край. Также пришивается суконное голенище с разрезом. Между головкой и голенищем вшиты 2 петли спереди и одна сзади. Сквозь них протянут ремешок для фиксации обуви на ноге (рис. 36–39).

ХАЛЕВ-ОЙКА¹³ [СВЯЩЕННОЕ МЕСТО]

Гоголев Василий Григорьевич

Сюда приезжали весной по большой воде. Только мужчины, анеевские. Иногда сосьвинские, ляпинские, кто приезжал рыбачить. Привозили жеребёнка или оленёнка и закалывали перед костром с северной стороны. Идол смотрел на север. Мясо варили в котле. Шкуру оставляли (вешали?). Ему ставили мясо – сварят, складут на столик (*пасан*), потом убирают, сами съедают. И огню ставят обязательно. И на стол – отдельно возле костра.

Молодых к *ура* не пускали, только возле костра. От костра идёт дорожка шириной ок. 3,5 м к «идолу». Поперёк лежали лесины с вырезанными по концам

Рис. 36. Деревянные вёсла. Музей пос. Сосьва.

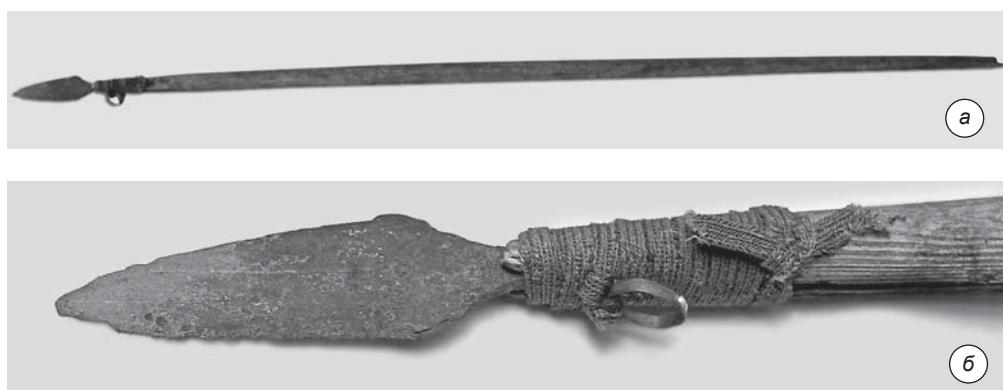

Рис. 37. Ритуальное копьё с железным наконечником. Музей пос. Сосьва.

¹³ См.: [Гемуев, 1990б].

*Рис. 38. Зимняя обувь.
Музей пос. Сосьва.*

Рис. 39. Изготовление деревянной лодки. Посёлок Сосьва.

антиподальными лицами. Когда молодой первый раз идёт к идолу, возле каждой лесины, прежде чем переступить, роняет монету. Те, кто сам не едет, посылают *арсын*, их привязывали к деревьям. Висят *арсыны* белого на идоле белого, красного, пёстрого на кедрах. Раньше идол был серебряный, тяжёлый.

Культовое место находится от Сосьвы прибл. в 5 км по протоке Посол.

От берега ведёт тропа прибл. 300 м в кедровый борик. Культовое место – на длинной поляне-вырубке. На одном конце (север) вкопан отёсанный столб, к нему привязана 7-ю белыми тряпками жердь с навершием, закрытым берестой. Здесь же стоит столик *пассан*. Справа (по взгляду Халева) – *ура*, в ней – Халев-эква. На ней 8 жёлтых и один сине-красный верхний платок, сверху покрыта берестой. К Халеву ведут 7 «ступней»-лесин с антиподальными личинами на концах.

За *ура* Халев-эквы и чуть впереди – остатки *ура*, где были приношения («одежда») Халева.

Справа от Халева – 3 кедра с *арсынами* тех, кто сам не смог прийти к Халеву. Они же посылали и вино.

За последней «ступенькой» – кострище. По бокам – скамейки¹⁴, заканчивающиеся изображениями голов и шей птиц (рис. 40–63).

Есть ещё [священное] место по Нижнему Хулому – приток Сюсконзи.

Тугияны¹⁵ – в протоке 3 статуи наряженные.

[Анеево], Ендырев Г.В.

Когда шли к Халев-ойке, ноги оборачивали берестой. Когда подплываешь к этому берегу, надо весло взять наоборот. И бросить деньги на песок. Женщины кругом (протокой) обезжают это место.

К Халев-ойке ездили, когда кто-то заболеет. За речкой, на кедровом мысу, снимали обувь, обували *сас-няры* и так переезжали на лодках к нему.

Зимой везут скотину, там забивают, или оленя. Плясали, говорят, у костра.

После окончания действия 7 раз обезжают по солнцу на лодках у берега и кричали, подражая чайкам. А потом – гонки на калданках.

Прибл. в 4-х км от с. Анеево по р. Яны-Ань-я, впадающей у Анеево в Сосьву, пройдя через болото, перейдя речку Хулым, можно выйти на место – край кедрового бора. На 4-х кедрах вырублено 5 личин: на одном – две с двух противоположных сторон ствола, на 3-х других – по одной. Две личины сгорели. Одна личина сверху округлая. Недалеко, возможно, на другом мысу – изваяния, вырубленные в пнях. Ориентация личин О–W (рис. 64–71).

Ендырев Илья Иванович – Анеево, Игрик.

Пеликова Анастасия Григорьевна.

Хозумов Калистрат Владимирович – Алтатумп, Анеево.

Санглин Михаил Ильич – Игрик, Люликары.

Вор-махум – лесные люди-хозяева.

¹⁴ Это охлупень крыши амбарчика.

¹⁵ Деревня Тугияны находится на левом берегу р. Оби в Белоярском районе ХМАО-Югры.

Рис. 40, 41. Вход на святилище (снимки с противоположных концов поляны).

Рис. 42. Ритуальная площадка (слева И.Н. Гемуев).

Рис. 43. Ритуальная площадка.

Рис. 44, 45. Священный амбарчик.

Рис. 46, 47. Священный амбарчик.

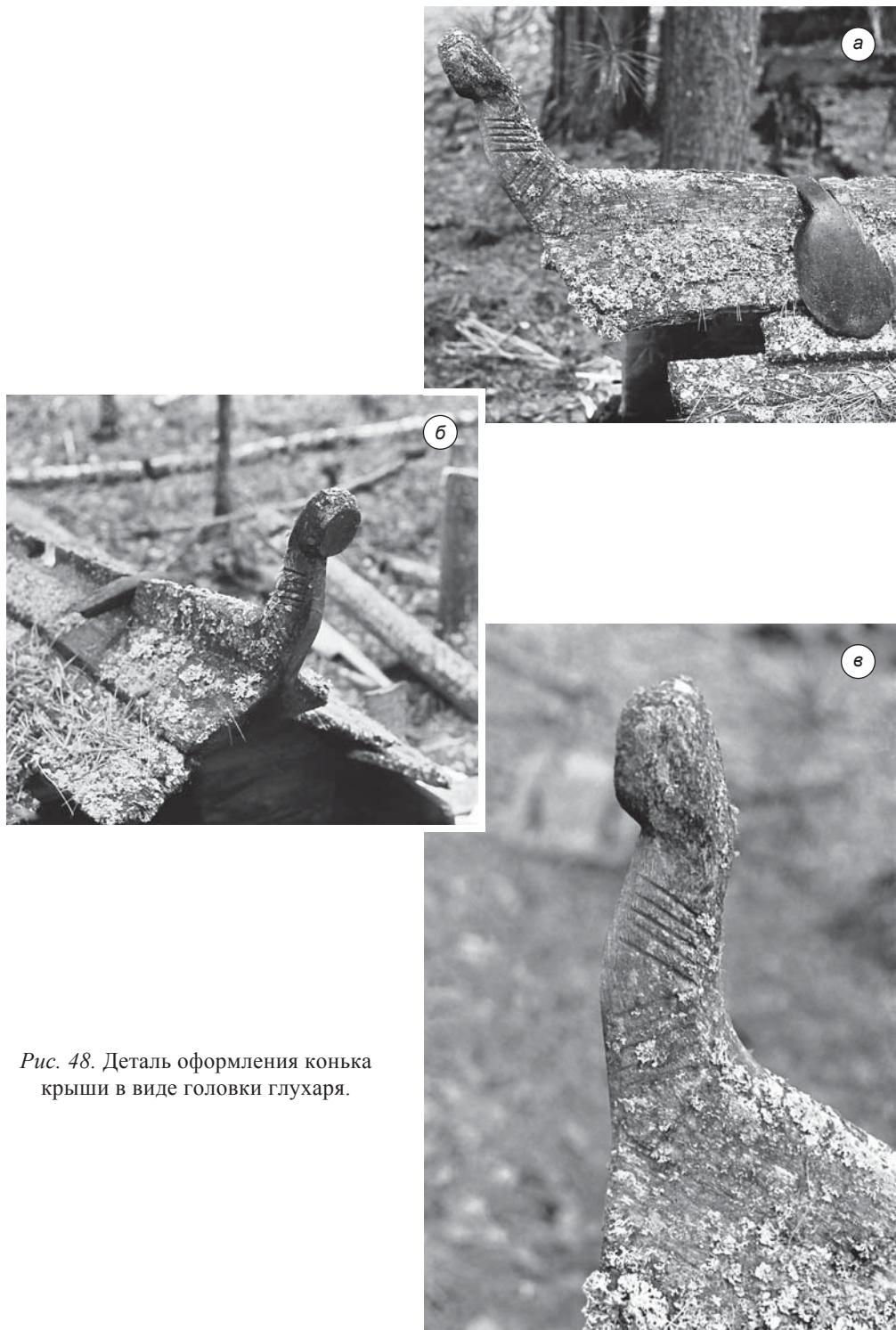

Рис. 48. Деталь оформления конька крыши в виде головки глухаря.

Рис. 49. Тамги мужчин, побывавших на святилище.

Рис. 50. Бревно-скамья для участников жертвоприношения.

Рис. 51. Бревно-скамья для участников жертвоприношения.

Рис. 52. Личина на конце жерди.

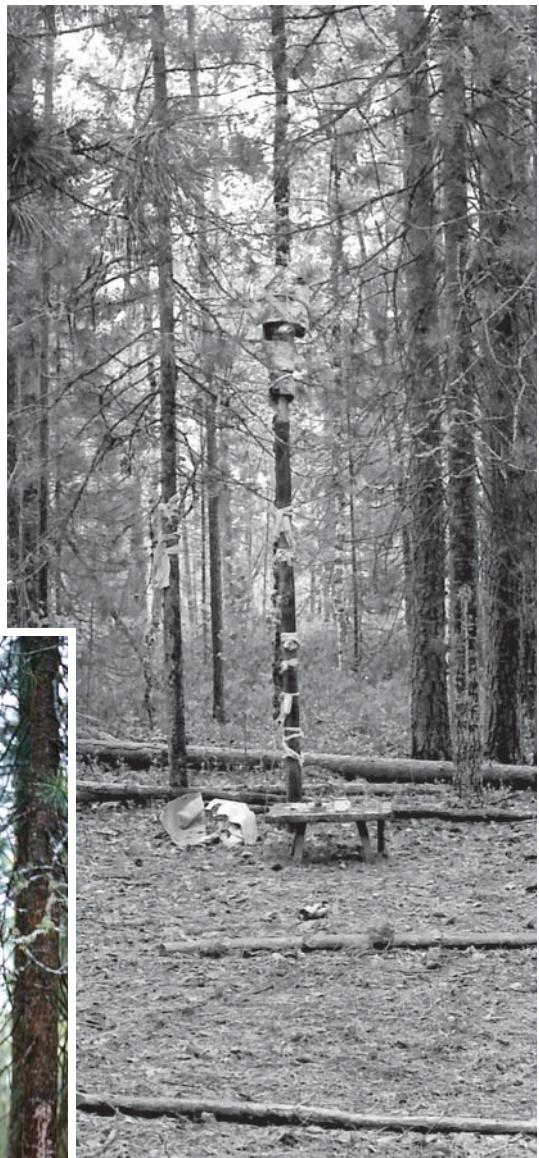

Рис. 53, 54. Личины на концах жердей.

Рис. 55, 56. Деревья с верёвками, на которых вели жертвенных животных.

Рис. 57. Столик и вертикальная жердь ►
(место крепления Халев-ойки).

◀ Рис. 58. Вертикальная жердь
с прикрытой берестой верхушкой.

◀ Рис. 59. Вертикальная жердь с прикрытой берестой верхушкой.

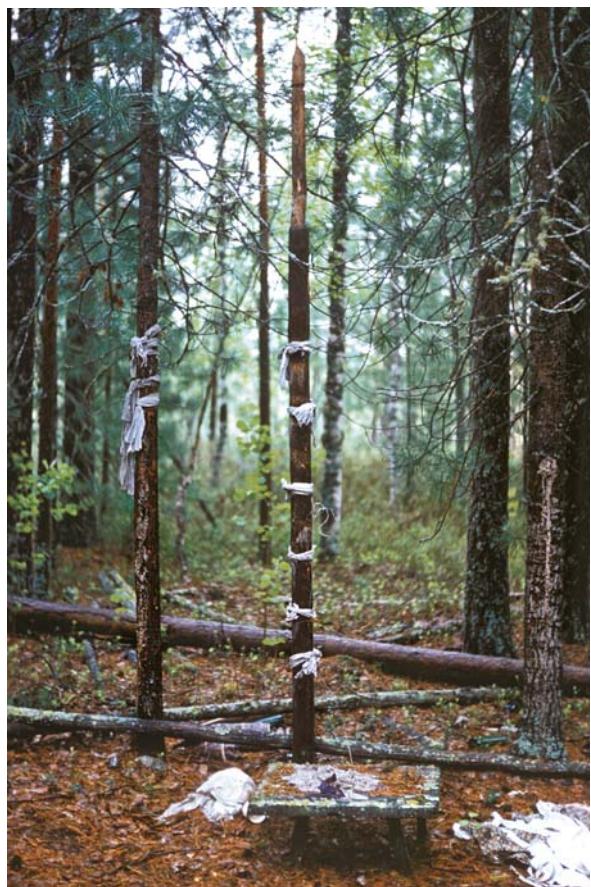

Рис. 60. Вертикальная жердь ►
со снятой берестяной «шапкой».

Рис. 61. Силуэт парящей птицы ► на верхушке жерди.

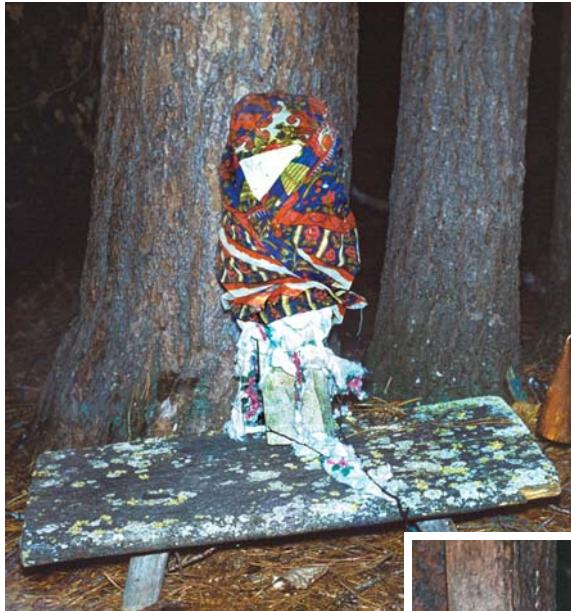

Рис. 62, 63. Фигура Най-отыра. ►

Рис. 64. Посёлок Анеево.

Рис. 65. Экспедиционный катер возле пос. Анеево.

Рис. 66. Экспедиционный катер возле пос. Анеево.

Рис. 67. Деревья с вырезанными личинами духов недалеко от пос. Анеево.

Рис. 68–71. Деревья с вырезанными личинами духов недалеко от пос. Анеево.

Нял хултэн-ойка (стрела, рюкзак из бересты, мужик).

На Нижнем Хулиме вырезаны были хозяева – как человек с луком и колчаком. Им *арсыны* приносили охотники, «чтобы добыть» и вино ставили.

В Хулимсунте я видел *вор-махум* – как снежный человек.

По Сюсконзи, по Верхнему Хулиму фигуры стояли; вино, водку, рыбу сварят, им несут. *Пурлахтын-щахл*¹⁶. Место такое кедровое, ельник, смешанный лес.

Там костёр разложат, сварят рыбу, мясо поставят, 15 мин. посидят. Крикнут лесному человеку: «Приходи, покушай». Попросят немного рыбчика или чебака. Многое не просят. Кто запор ставит, туда рыба – чебак, язь – вверх доходят икру метать. Запор надо успеть поставить, пока икру пошёл метать. Как лёд пронесёт – чебак заходит. В мае (1–10) в чистой воде приходит. Потом сами едят.

Раньше были *ура* возле дома. Женщин не пускали на вышку¹⁷ – испоганят, нельзя выше мужчины.

Огороды давненько стали держать, года с 1942-го – картошку раздобыли на посад. Дед держал скотину – лошадей, коров. Делали творог, сметану (*мис-вой*).

Простокваша – *сумлам* («кислое») *щаквим*.

Молоко – *щаквим*.

Масло – *вой*.

На конях сено вывозили, или куда поехать. На охоту ездили на оленях. Запрягали по 3 штуки. Лесная дорога – запасных 1–2 брали. Прибл. 100 км на корме. Пастушить приезжал старик Таратов Андрей из Нильдино. За это ему платили – шкуру неплюя.

Как оленей пригонят, застынет, с начала ноября (10–15) уезжают до конца марта. Продукты весной на гребнях забрасывают. Белку добывали, соболей мало. По осени и в зимнее время.

Оленей держали по 20–30. Половина важенок. Бычков старых забивали на мясо. Быки жили по 15–20 лет – работали. *Xonm* – холощённый бык. *Нэви салы* – важенка.

Xar – производитель. Телята – *пезы*.

2-х годовалый бычок – *намнюк-хар*.

2-х годовалая важенка – *нэви-сурти*.

Если отпускали оленей, то блудливым надевали на шею на ремне колотушку-бревно. *Салы* (олень) *нор ив*. Забивали зимой оленей. *Няр нёвыль* – сырое мясо.

[Анеево], Ендырева Анна Андреевна

Женщины на себе дрова таскали. Коров заводили доить домой, телят тоже в доме держали.

В подушки стружки набивали, одеяла не было, *сахи* накрывались.

На вышке держали *пуни*. Если женщина ребёнка родила – месяц не моглаходить домой. Если девчонка родится – ещё 10 дней домой не пускали.

¹⁶ Священное место *Щахыл-Торума* [Гемуев, 1990а, с. 131–152].

¹⁷ На чердак.

В мань-коле столбики стояли. Она руками поймается и тужится. Пока ребёнок выпадет.

После родов перед домом поставят котёл с водой, туда раскалённый топор [положат] и паром питаются. И после месячных также.

Люльку делали, когда уже родится. Свой старик [делал].

Я раз (молодая) бельё выстирала, дождик, я [полезла] на вышку. Отец стал мужа бить – зачем взял такую жену, что на вышку ходит, она напоганит вышку. Женщине не положено. Там в ящике *пубы* – куклы. Там сукно хорошее.

В Интепале там святое место. Там когда едут, водку пьют и деньги бросают.

А раньше [духов] держали (до русских) в правом углу. Их только мужчины касались. У женщин своих *пупы* не было.

Богов, что на вышке, называли *пупы-pop*. Они из ткани сделаны. Когда медвежий праздник – *пупи на норме*.

Когда умрёт человек – волосы режут и несут на *эква-пурлахтын-ма* и там жгут волосы. После похорон, когда 9 дней пройдёт. И выпьют, и помянут, и уедут.

Старым здесь щуку нельзя резать, женщине из Сайнаховых. *Халева* тоже бить не будут. Гагару тоже нельзя бить.

[Анеево], Челданов Иван Романович

В устье Ялбыни обязательно бросают деньги.

На культовое место по Налми-Хулиму старики приезжают весной, в мае, когда чебак икру начинает метать в вершине Хулима.

На *Халев-ойка* просят, чтобы всё лето полностью удачное было. Когда хорошую пищу поставят возле огня и *ура*, один старик молитву говорит, остальные слушают, сидят у костра молча, тишина.

Рис.: знаки – фигуры животных (росомахи, медведя, оленя, лося) на деревьях (рис. 72).

На чердаке есть в *пайне* фигура волка. Оленей у отца всё драли [волки]. Не едят, а рвут. А когда из свинца волка вылили, перестали сразу рвать.

Дерево рубят для дома на старый месяц.

Культовое место на Налми (Нижнем) Хулиме¹⁸

Прибл. 10 км по Хулиму, прибл. 50 км по Сюсконзи-я, впадающей в Сосьву прибл. в 7 км от Анеево.

Расположено на продолговатой поляне (вырубке). *Ура* расположен входным отверстием на север. Боковых три венца, с торца два венца и фронтон с 8-ю лучами; прикреплён солярный знак на деревянном шпеньке, входящем в отверстие на фронтоне. По фасаду справа-налево: на шпеньках – антропоморфное изображение, медведь, лось, лошадь. Внутри в беспорядке – набор

¹⁸ Священное место *Щахэл-Торума* [Гемуев, 1990а, с. 131–152].

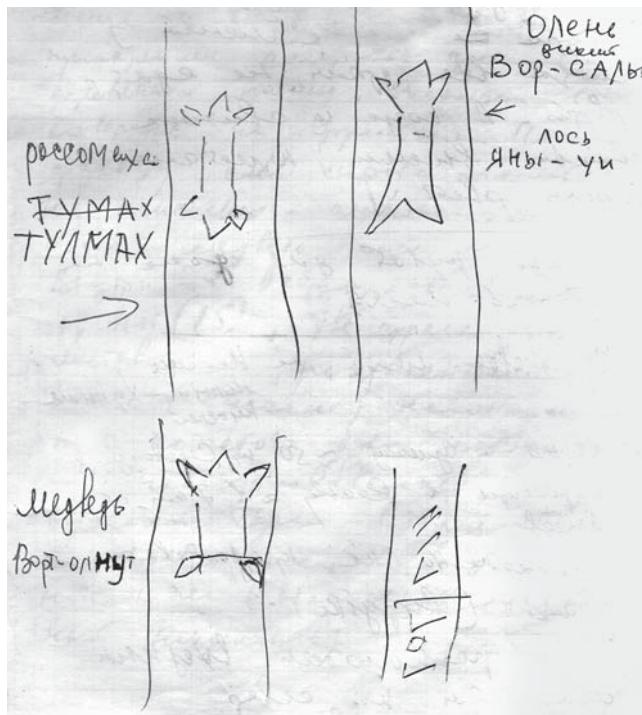

Рис. 72. Знаки-вырубки животных на деревьях.

древков (15), две стрелы – одна с листовидным, раздвоенным на конце (в начале) наконечником – у насечки. Обвязана лоскутом красной ткани. Вторая стрела с наконечником в виде обломанного ножа (обломанный листовидный наконечник).

В амбаре же «близнецы» – сделаны из «вилки», раздвоенного стволика – два антропоморфных изображения.

Там же:

- изображение глухаря;
- деревянное изображение лося;
- собака (выдра?);
- почти антиподальное антропоморфное изображение;
- железное саблевидное изображение Щахл-ойки – молния-гроза сверкает – Щахл-ойка называется;
- два полуладьевидных изображения;
- антропоморфное изображение – птица (?);
- орнаментированное роговидное изображение;
- 5 камней, из них один со следами обработки – рубило.

При посещении культового места был специальный старик, следил за молодыми, чтобы не отходили от костра. На кедре висел раныше (ещё весной) кожаный колчан со стрелами (слева от сумьяха) (рис. 73–84).

Рис. 73. На пути к священному месту. Б.В. Крюков (слева) и И.Н. Гемуев (справа).

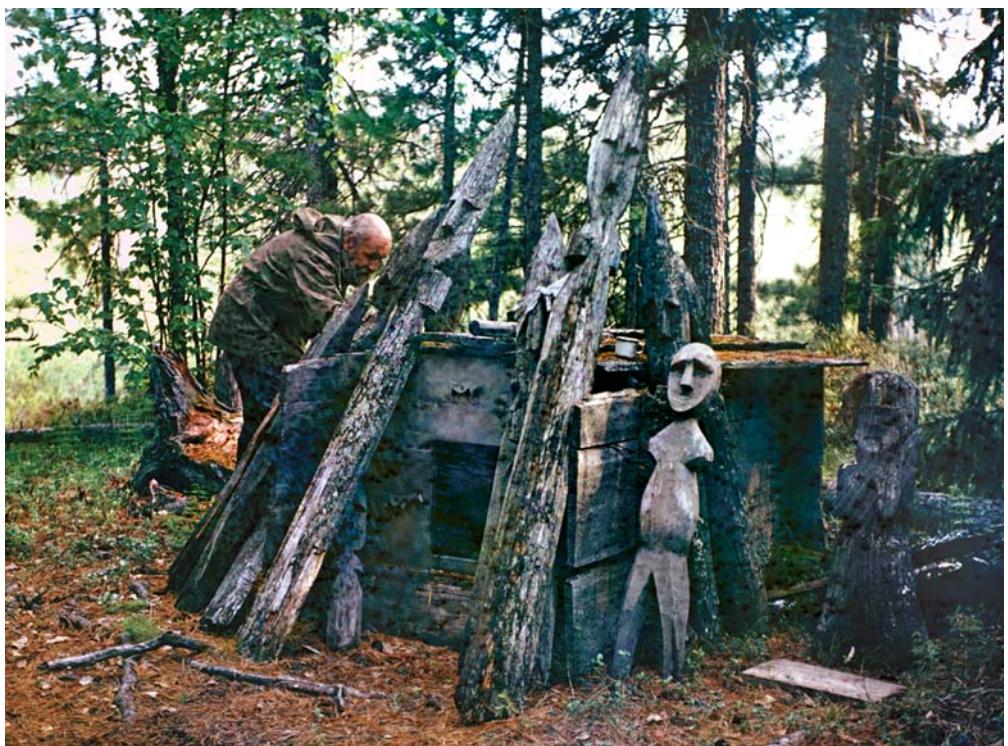

Рис. 74. Б.В. Крюков у священного амбарчика.

Рис. 75, 76. Деревянные изваяния у священного амбарчика.

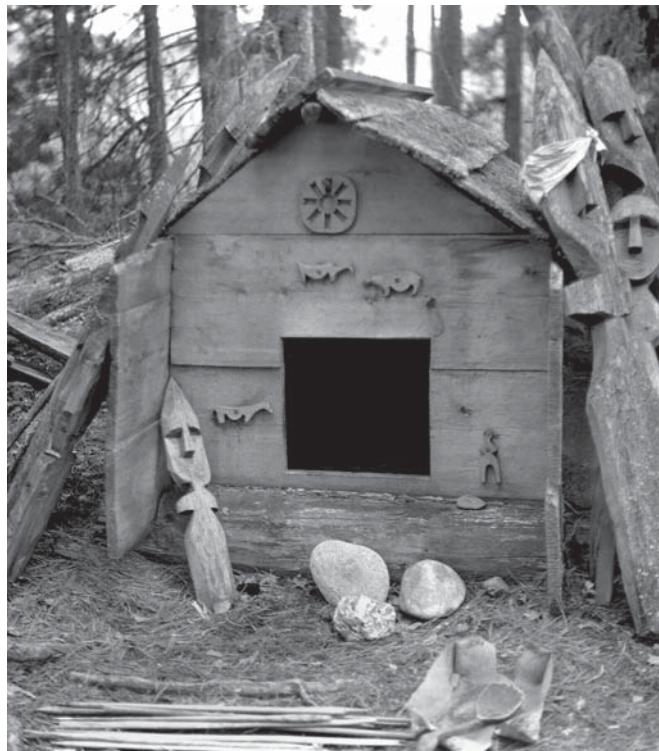

Рис. 77, 78. Деревянные изваяния у священного амбарчика.

Рис. 79. Б.В. Крюков делает зарисовки у священного амбарчика.

Рис. 80. Антропо- и зооморфные фигуры из амбарчика.

Рис. 81, 82. Отжившие свой век деревянные изваяния.

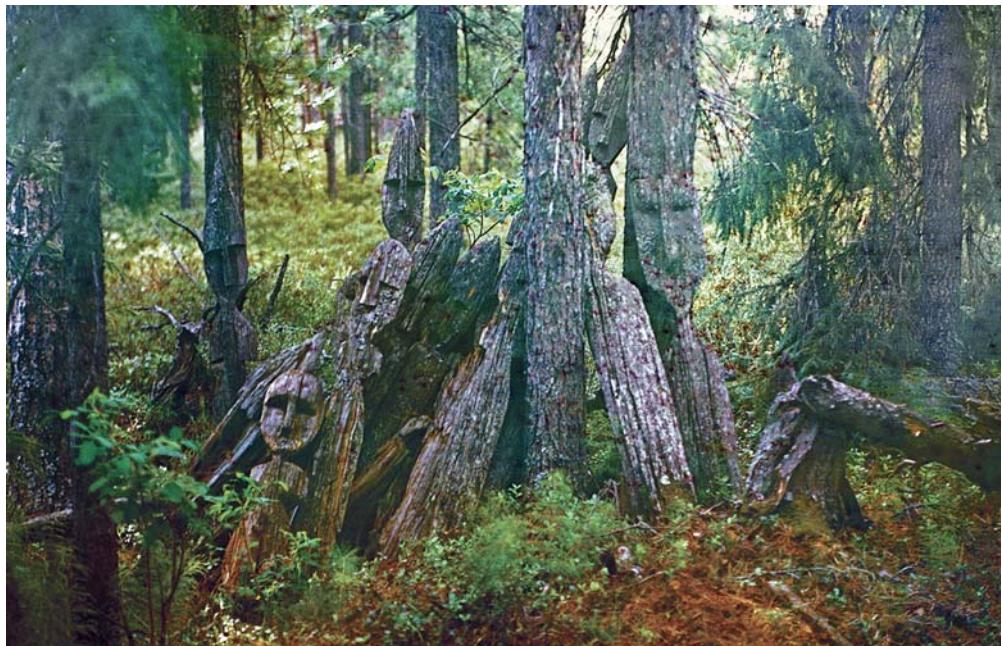
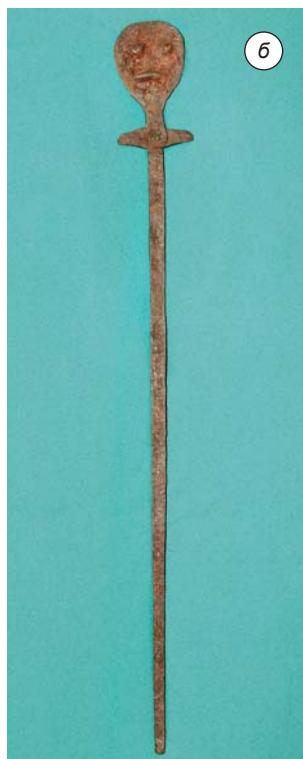

Рис. 83. Отжившие свой век деревянные изваяния.

◀ Рис. 84. Фигура Щахэл-
Торума.

[Анеево], чердак дома Челданова [Ивана Романовича]

В правом, дальнем от входа, углу на прогоне подвешен берестяной *пайп*. В нём фетиш – бронзовая птица. Птица пришита к вороху цветных лоскутов ткани. По ней – масса разноцветных *арсынов*, шкурки белок. В самом низу – серебряная чашка с кольцами (серебро, медь). По верху всё закрыто розовой парчовой тряпкой, затем крышкой *пайпа*; перевязано ровдужным ремешком.

Под *пайпом* стоит деревянный ящик. В нём серебряная чарка, колокольчик, масса истлевших *арсынов*.

В ближнем правом углу – *сас-аны*. В нём пришито свинцовое литое изображение оленя и волка. Волки драли оленей, отец вылил из свинца волка и оленя, перестали рвать. Фигуры волка и оленя залиты рыбьим жиром – кормлённые.

В *ана* лежат: череп медведя, его челюсти (левая), лапа, курица – шкурка с перьями. Курицу привозил брат отца из Новинских юрт, живую, здесь забивали, делали *пурлахтын*, шкурку – на вышку (рис. 85–90).

[Анеево], Ендырев Илья Иванович

На *Халев-ойку* допускались одни мужчины (Анеево и др., Аллатумп, Люликары). Забивают жеребёнка – покрывают спинку, закрывают глаза. Поперечины – *сынс* (перепрыгивать)-*ив*. Через *сынс-ив* перепрыгивали от костра – кто дальше. Некоторые, говорят, все перепрыгивали.

Ещё на шею двое надевали ремень, упирались ногами и перетягивали друг друга («в тягу»). Обычно было трое стариков, которые ухаживали за местом. Если один умирает, то другого добавляют. Они деньги в дупло прячут (пожертвование).

Ездили к *Халев-ойке* в июне, ещё большая вода. С утра едут, но ночевать там не noctуют, вечером обратно уезжают. Заранее готовятся, стряпают; кто желает, но не едет, бутылку даёт, стряпнину, *арсын*.

В *сумъяхе* *най-отыр*. Его одевают в специально сшитое. Экву я не слышал. У *Халев-ойки* нельзя убивать зверя, ягоду не берут.

Место по Нижнему Хулиму – *пурлахтын-щахл*. На этот *Щахл* принесли кусок корня. Стали его рубить, а из него кровь. И принесли туда. Место, в основном, Руковское. Руковы и их родня каждую весну туда ездили, они и рубили. Недалеко там их избушки охотничьи. И другие анеевские туда ездили. Каждый, кто приедет, останавливается. Там не забивали [*животное*]. Что с собой – поедят, бутылки, чай согреют.

Нильтан-овыл-ойка – держали. Мой отец и два брата. Сундук большой однако. «Из горы вершины сделанный человек» – на вышке держали. *Арсын* кладут туда. И зверя: белую белку или с белым хвостом. И лису с белым хвостом. Это божий зверь – *торум уй*.

Н-О-ойку держали на вышке в сундуке. Отец в праздники туда лазил, ставил водку, еду, чего-то говорил. В зимнее время к концу охоты придут, его берут и ставят в *сумъях* на 4-х ножках возле дома. Туда поставят, сундук откроют, *арсыны* развешают, его угощают, водку, пищу ставят.

Рис. 85. Приклад божеству – бронзовая птицевидная подвеска и платки.

Рис. 86. Жертвеннное покрывало.

Рис. 87. Серебряная чашка.

Рис. 88. Свинцовые фигурки волка и оленя в берестянной коробке.

Рис. 89. Шкурка жертвенной курицы.

Рис. 90. Медвежьи лапа и череп.

Когда забивают скотину, корову, берут *арсын* из сундука, ей на шею, потом, когда ударят, снимают и его обратно.

Н-О-ойку отец унёс в лес куда-то, потому что кто-то задевал его, трогал чужой. Из сундука раньше брали на медвежью пляску соболей, выдр на верёвочку вокруг шеи. Он как круто повернётся, они кружатся, летят. *Ярмак-сахи* и мужская, и женская.

Щань-торум другие держали, я забыл, кто держал. Которые, я знаю, *Хуль-отыра* держали, тоже на вышке. *Эква-пырища* держали. Сейчас только, может, у Захара Павловича Рукова, он умер.

[*Анеево*], Руков Дмитрий Григорьевич

Домашний *пубы* должен оставаться у старшего брата. А младший брат себе *Щань-торум* сделал. Сейчас у Михаила Артёмовича Гоголева (по матери Ендырев).

*Пурлахтын-щахл*¹⁹

Женщина слева от *сумьяха* – *Най-щань* – огня мать.

Най-отыры – с острыми головами.

Мис-нэ – плоскоголовая, объёмная. Малые антропоморфные фигуры – погибшие дети шаманов.

Фигура с двойной личиной – это увезли дочь, и вырубил он своё лицо плацивое, а на животе – лицо дочки.

Акань – кукла, фигура с раздвоенными ногами. Мальчики играли куклой, что сделал дед, бросили и спать легли, и заболели. И надо было эту фигуру сдеть и на Хулим тащить, тогда выздоровели.

Плоскоголовая *ив-анквыл-сох-я* (дятла речка) *айым* (дочери) *пыгым* (сыновья).

Было у Григория Семёновича 7 сыновей, шестеро погибли в войну.

На *сумьяхе* солнце-хоттал, вверху добыча – лось, медведь, внизу – собака и охотник.

У *Ялбынь-я* камни – перекат – это черепа врагов, убитых мансиами.

Тахт-котиль-ойка – Сосьвы середины реки дед (хозяин?)

[*Анеево*], Хозумов К.П.

Раньше сами железо плавили. На *Ялбынье* мыс *Най-варн-щахл, тер-варн-щахл* (железо делать место).

Кольчуга – *лахар*.

Дети грудные и годовалые умерли – хоронили на общем кладбище.

Менкв-великан нарушил-порушил святое место в Люликах (*Ялпус-ойка*), он не побоялся, *Халев-ойки* он не побоялся.

Идёт на *Ялбынь*, там жил *Тахт-котиль-ака*. У него слугой-караульщиком – *Эква-пырищ*.

¹⁹ Священное место *Щахэл-Торума*.

Видит, идёт *менкв* прямо посередине Сосьвы, кольчуга *лахар* расстёгнута от жары. *Эква-пырищ* от страха прибежал к *Taxt-котиль-аке* (он на середине Ялбынь-я).

— Чего боишься?

— Там *менкв* идёт, страшный, кольчуга расстёгнута, прямо по Сосьве.

Taxt-котиль-аки дал ему лук (*ёвт*) и стрелы (*нял*) и велел целиться в горло точно. *Эква-пырищ* стрелил, попал, и *менкв* прямо рассыпался. Сердце в устье Ялбыни. Остров — Сим-тумп, в середине озерко небольшое. Пояс упал, речка образовалась — Энтап-я. Ножны упали — речка Сипаль-тумп. *Уля* (огонь)-хурыл (мешок)-тумп (остров) — там остров, где упало кресало. *Польхас* (кишки)-тур — образовался сор, где вывалились кишкы.

Между *Уля-хурыл-тумпом* и *Польхас-тумпом* — Люлнапм-я, там член его упал. *Яны-сонак* (сапог)-ломт — большой кусок сапога отвалился — большая песчаная гора. *Мань-сонак-ломт* — малый кусок сапога отвалился — малая песчаная гора. *Щак* (моча)-тур — моча вывалилась, сор образовался.

Против Люликар — Усынг-я, ниже Люликар — Ялпын-я²⁰, это собственность *Ялпус-ойки*.

В Верховьях Ялбынь-я было место *Хортхан* (ястреб)-ойка — к Алтатумпу и относилось, там основные были Майборовы. Ястреб в *сумъяхе*. Когда шаман двери *сумъяха* открывал, ястреб (он на цепи, и сабля на спине приделана) начинает крутиться, и народ в ту же сторону идёт. Он потихоньку крутится и только 7 раз. Остановится, и жертву приносят — жеребёнка или телёнка.

Шаман у нас никакие приношения не брал. Своим трудом питался. Но боялись его. Его слова. Он как вожак.

Кто бы мимо Ялбыни ни ехал, хоть на пароходе — в устье деньги бросают.

Раньше, когда чужие (ляпинские, няксимвольские) приезжают, — не имеют права ни на берег Ялбыни выйти, ни вёслами по воде бить на 5 км ниже и выше её устья. Алтатумпские их волоком тянули или на гребях. Заранее договариваются.

В устье Ялбыни стоят 3 антропоморфные изображения — вырубленные из «пней» солдаты *Taxt-котиль-ойки*.

Все, кто едут мимо елового мыса (выше устья Ялбынь-я прибл. 5 км) обязаны остановиться, *арсын* привязать, выпить вино, чай. Туда и чужим (ляпинским, няксимвольским), и женщинам можно. А ниже — «запретная зона» для чужих, прибл. 10 км.

[Анеево], Гоголев Степан Никитович

Явлин старик делал *Турпат-я-мисхум-ойка*. Амбарушка *сумъях* на пнях стоял. Как старик умер — всё сгнило. Там он охотился. Другие мимо ездили — *арсын* привязывали. Старику дают, он связывает и в *сумъях*.

Сам *Мисхум* из дерева рублен и в избушке находился. И его сыновья приезжали. И другие — когда проезжали.

²⁰ Речь идёт о речках Усынг-я и Ялбынь-я — правых притоках Северной Сосьвы ниже д. Верхние Люликары.

Пурлахтын делали, его поминали, открывали избушку, ставили водку, варево – мясо, рыбу. Как остынет, пар перестанет идти – сами едят.

Мис-хум-ойка – *пурлахтын-щахл*. Тут охотиться и рыбачить разрешается. Если лося убьют и первую рыбу добудут, *Мис-хум-ойку* обязательно угощают.

Когда старик умер, сына в армии убили – некому стало смотреть. Санькин Степан, может, подобрал – он родня ему. Чужие это место не смотрят, только свои должны.

На *Халев-ойке* только Руковы его одеваются. Только Руковы, больше никому нельзя. После войны Сайнахов Семён брался – деньги пропил.

От Тоболдиной речки до устья Ялбыны бичевой везли саранпаульских тоболдинские или алтатумпские. Раньше все жили Тоболдинские юрты – Гоголевские жили.

Дома держали *отыр-пыг*.

У Ильи Ендырева Дарья Майборова всё оставила²¹.

Самсай-ойка – невидимый нами человек.

Иттерма делали из тряпки, а голову из палки.

Раньше, когда уезжали, полога поставят к двери, и никто не тронет. Если со скотиной неладно – подправят.

Мань-кол – избушка обычная. Там столик и коечка. Старуха носила пищу. Пуповину резала старуха или сама, если никого нет.

Раньше на вышку можно было маленькой девочке или старухе, когда уже кончались менструации.

Пукни-щань – «крёстная» мать, которая ухаживает за роженицей в *мань-коле* и пуп режет (Гоголева Матрёна Николаевна)

По Пась-я большой амбар стоит на ножках. Они зимой туда ездят. На «Вихре» бочка 3 надо в один конец. Там трое. *Я-котиль-ойка*, *Хортхан-ойка*, *Она* – дедушка ихний.

К Пась-я ездили алтатумпские, анеевские, сартынинские. Ездили оленями зимой.

Мы детьми с одной залезли наверх на вышку в одной избушке. Она взяла куклы, стала играть. Потом хозяин приехал Резимов и стал спрашивать, кто лазил. Я говорю – нет, она созналась. Он ей сделал, она умерла.

Домашних *пубы* в амбараах-сумъяхах держали. Потом стали на вышке держать. Вверх нельзя *пубы* домашние везти, только вниз.

Торт оул – летучая мышь.

Товлын (крылатый) *уй*.

Ялтын *уй* – змей.

Юсвай (орёл)-*ойка*.

Хортхан (ястреб)-*ойка*.

У Сайнаховых *пупы* – щука, её резать нельзя женщинам. Когда щуку поймает – она других вызывает.

²¹ Домашних духов-покровителей.

[Анеево], чердак Ендырева Ильи Ивановича

Слева от входа – три сундука, это привезли из Алтатумпа родственники жены – у них братьев старших не было (младший брат ходил на катере, ему не надо). Это произошло, когда ликвидировали алтатумпский колхоз и перевозили дома. Хозяйки – жена и её сестра, но им подыматься [на чердак] нельзя.

В одном из сундуков среди *арсынов* и *торов* в коричневом халате с белой каймой по бортам, подолу и рукавам – *Ялпус-ойка*. Шапка сине-жёлтая – 7 клиньев с 14 ленточками, оторочена мехом.

В другом (маленьком) [сундуке] – в белом халате с воротником-стойкой, в который зашита монета, – *Калтащ-пыг*. На нём шапка из 7-ми клиньев (жёлто-синего сукна) с 7-ю ленточками наверху шапки (шлема). Ему тёмного нельзя.

В третьем сундуке – женская фигура – *Торум-ицань*. Основа головы – камень необычной формы, от «молнии и грома камень» с природным рисунком решётчатой формы. Камень завёрнут в красный шёлковый лоскут. Поверх – два шёлковых и байковый лоскуты, затем 14 небольших платков с завязками у горла. Поверх три платка цветастых.

Этим *пубы* ставят водку и угощение, кода забивают скотину. И когда родственница (сестра жены) приезжает – привозит бутылку ему поставить. И «для удачи», и «за удачу» им кладут *арсыны* и платки. Когда забивают скотину – вешают и завязывают новый платок, затем кладут его (без крови) наверх «им» (рис. 91–93).

Рис. 91. Ялпус-ойка.

Рис. 92. Калтащ-пыг.

Рис. 93. Торум-щань.

[Анеево], Гоголева Матрёна Николаевна

В вершине Ялбыны *Она-торум* – как орёл.

В середине – *Хортхан-ойка* – сделана как ласточка из монеты. Из дерева делали деревянную форму. На костре плавили серебряные монеты и заливали в форму.

У *Хортхана* амбар на 1-ой ножке, и когда люди собираются – начинает крутиться 7 раз по солнцу, и люди так крутятся.

В начале ноября и в июне ездили. *Taxt-котиль-аки* – он *Хортхан-ойка* и есть. Его и так, и так называют.

Ненцы нападали на *Хортхан-ойку*. Часовые ему сказали: «В вершине Охура²² уже палатки ставят». Часовые говорят: «Скоро к нам придут...» Он говорит: «Чего переживаете, стрелами стреляйте, чтобы они в сосны обратились, и только сучья на голове».

Шаман – *няйт*.

Койп – барабан на налимьей шкуре. Один *няйт* в темноте в доме ночью (можно и мужчинам, и женщинам) бьёт наконечниками [*стрел*] друг о друга, а другой бьёт в барабан, и всё в такт. А потом говорит складно, который в барабан бьёт (он главный). А потом говорит: ребёнка на улицу не пускать или чем кормить.

Кладбище Анеево (заброшенное)

Погребальная камера прямоугольная. По краям обкладывается берестой, белым вверх. Береста спускается вниз и устилает дно камеры. На бересту ставится сруб (2–3 венца). Выполнено, как сруб дома.

1 вариант – сруб дома.

2-й вариант (с гвоздями) – прямоугольный ящик без дна с ровными торцами – венцы по углам. Не выходят друг за друга.

Фронтон имеет вырезы по концам, в которые опираются крайние доски кровли; на середине фронтонов вырезан паз для прогона.

Во втором варианте внутри прибиты по углам вертикальные крепящие стояки.

Сруб перекрывается берестой, поверх кладутся по три доски с каждой стороны, в них выбирается продольный паз, которым одна доска опирается на другую.

Новое кладбище Анеево

1. Групповые захоронения.
2. Надгробия из брёвен:
 - два венца поперёк;
 - на них два венца вдоль (с вырубленными пазами);
 - два поперёк (с вырубленными пазами);
 - два вдоль;
 - середина закрыталоженными вдоль брёвнами.

²² Река Охур-я (Охар-я) – левый приток Северной Сосьвы. В её устье располагались зимние юрты Тоболдины.

3. Инвентарь:

- нарты оленьи, собачьи, ручные;
- лодка;
- весло;
- бутылки.

Отверстия сбоку – в продольном венце (справа в головах).

Культовое место Сакр-ойки (Цыгарский старик)²³

Раньше дедушка жил в Цыгарских юртах, оттуда перевезли [фигуры духов-покровителей]. Расположено прибл. в 25 км от Новинских юрт, на левом берегу Лапорской протоки. От берега идёт тропа прибл. 300 м.

В кедровом борке, на поляне-вырубке, стоит на опорах *сумъях*, ориентированный дверью на юго-восток. Напротив, в 7 м, костище. В 2-х метрах левее *сумъяха* (если встать лицом к двери) – кедр с верёвками и ремнями, на которых водили жеребят, овец и бааранов (и куриц приносили, принято петухов). У костища кедр с *арсынами* (светлых тонов).

На пути Диомид срезал берёзовую кору. На месте делать этого нельзя.

С другой стороны костища – пень, на который опираются берёзовые жерди для таганов. Стол слева, перед *сумъяхом* (обвалился). Вместо этого у костища 4-х угольником сложены брёвна, поперёк 2 доски – стол.

Открыв *сумъях*, достали посуду. В три чашки положил печенье – поставили одну в *сумъях*, другую возле костра, третью на стол. Из *сумъяха* достали чагу. Она сырья, плохо горит. Разгорелась. Диомид, положив её в жестянную тарелку, внёс в *сумъях*, обвёл три раза, поставил. На столешнице стола разлил водку, один стакан поставил в *сумъях* рядом с тарелкой. Затем Иван Ильич и Диомид стали лицом к *сумъяху* и говоря: «Цыгарский старик, нас не обвиняй, мы приехали с начальником, ничего плохого не делали, вспомянем вас, костёр разведём, плохого не делаем». Кланялись три раза, потом три раза кланялись, повернувшись к столу.

Говорили *Али-хуму* (верховскому человеку) – его место на Оби, на 60–70 км ниже Ханты-Мансийска, село Троица, напротив, на высоком берегу его место. Там две лиственницы, скрученные вершинами. Во время войны он саблю потерял, залез на лиственницу спасаться и две вершины скрутил.

В это место приходят зимой и летом – два раза (в июне).

Святой лабаз делают в сентябре – на листопад. Если плохо делаешь – плохо будет, лучше не трогать (рис. 94–106).

Место в Нарыкарах – Яркиных. Есть там и другие Яркины – однофамильцы. Там ещё Евлаховы, Китаевы. Это место к ним уже не относится. Они могут [пойти], когда приглашают.

Дом делился на 2 половины: правая – мужская, левая – женская. В мужскую половину женщина «грязная» не могла заходить. На правой половине – *пубынорма, пупы-томан*.

²³ Проводники Яркин Диомид Васильевич и Тыманов Илья Иванович.

Рис. 94. Амбарчик на священном месте.

Рис. 95. Сакр-ойка и Али-хум на крыльце священного амбарчика.

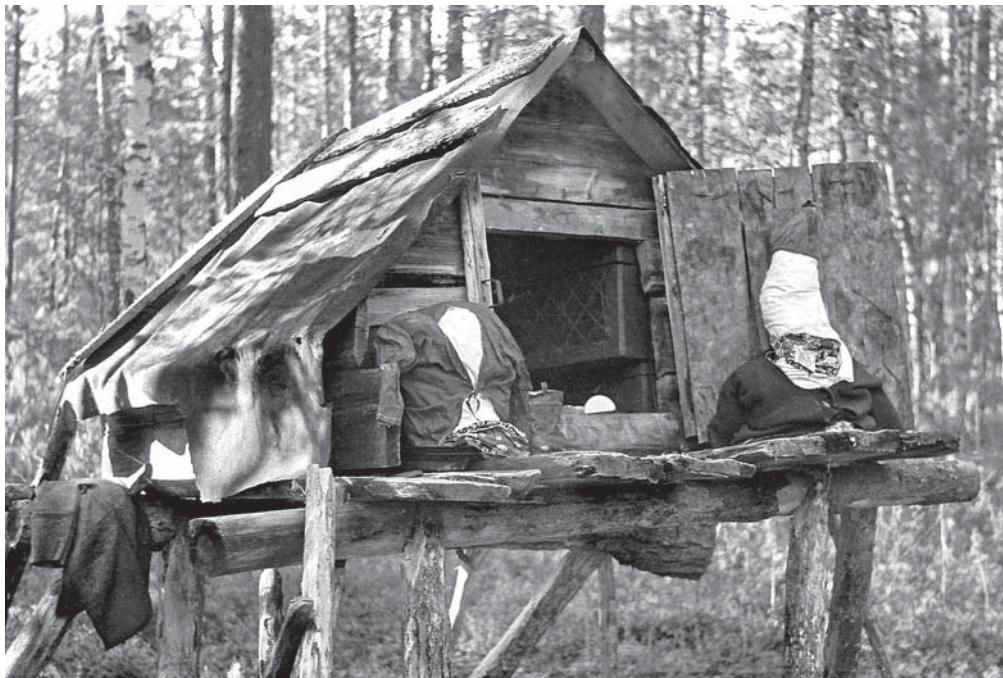

Рис. 96, 97. Сакр-оика и Али-хум на крыльце священного амбарчика.

Рис. 98. Сакр-ойка.

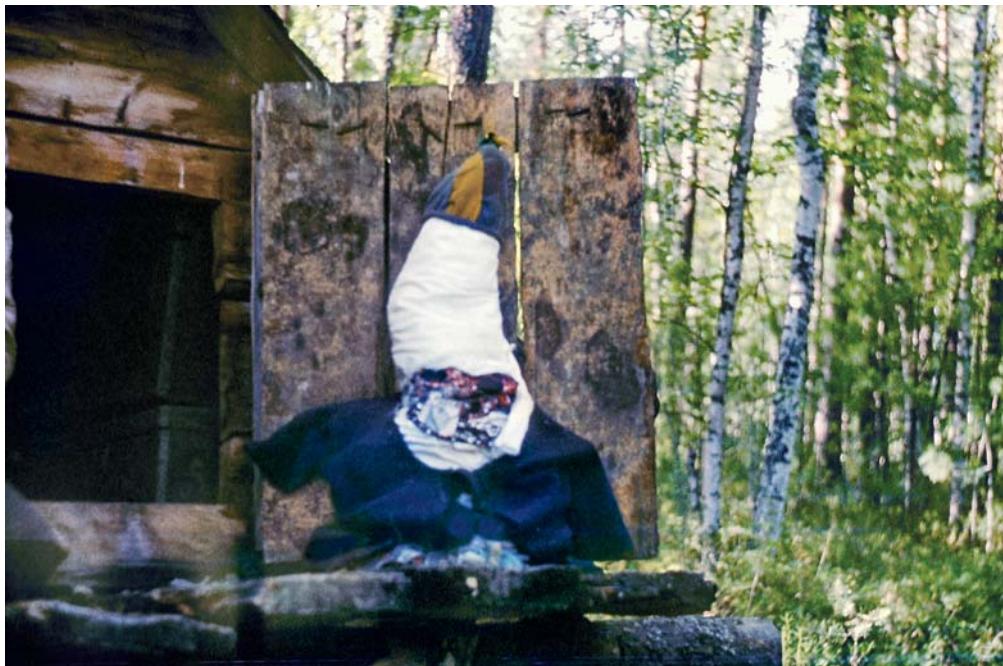

Рис. 99. Али-хум.

Рис. 100. Д.В. Яркин с фигурой Али-хума.

Рис. 101. Д.В. Яркин с жертвенным
блюдом.

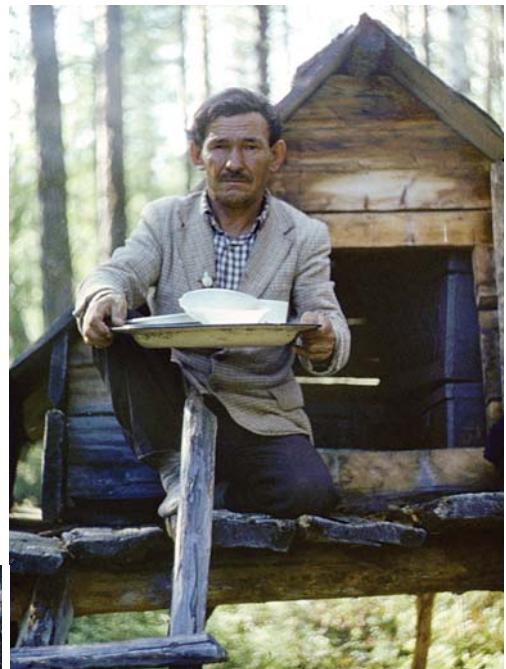

Рис. 102. Д.В. Яркин и И.И. Тыманов на священном месте.

Рис. 103, 104. Д.В. Яркин и И.И. Тыманов на священном месте.

Рис. 105. Дерево с верёвками, на которых приводили жертвенных животных.

Рис. 106. Жертвенный нож.

Когда зимой ходили [*на охоту*] (март – конец апреля) – молодёжь на лыжах, лошади тяжело.

В Вежакарах там и пляшут, и поют. В апреле. 7 лет в Вежакарах, 7 лет в Теги передают.

Культовое место Товлын-ойки – святилище Яркиных, д. Нарыкары

Находится на левом берегу Оби, выше д. Верхние Нарыкары, прибл. 7 км. От берега тропа, прибл. 500 м, через березняк в ельник.

Место делится на две части:

1. Место забоя, кострище, ели с *арсынами*.
2. *Сумъях*.

Кострище слева от тропы, котёл висит на 2-х опорах. Напротив, через тропу, три параллельно положенных бревна – «лавки», «стол». В 10 м от кострища – высокий старый кедр, перед ним две доски – стол *Али-хума – Али-хум пасын*. В метре слева – ель с *арсынами*, прибл. в 4-х м – два кедра с привязанными к ним верёвками. У этих кедров убивали жеребёнка. Там лежит помёт лошадиный. Когда новый *сумъях* строить буду – жеребёнка приведу. Иначе нельзя.

Прибл. в 100 м рубленный из брёвен *сумъях*. Стоял на пнях. Из него выбрали вложение и перевезли в другое место. Осеню на листопад будут строить новый *сумъях*. В этом остались только *арсыны*. *Сумъях* рублен из круглого леса. Его тащили сюда прибл. за 100–150 м. Крыша из колотых плах. Дверь приставная. Стропили нет. Фронтон забран брёвнами. Крыша-кровля опирается на продольный прогон.

Внутри, у задней стены (напротив двери), на высоте ок. 50 см – норма от одной поперечной стены до другой. Опирается на два продольных прибитых бруска. Здесь «кони сидели».

От последнего (верхнего) венца сруба до брёвен верха изнутри идут два вертикальных бруска, оструганных. Ими крепились верхние (до конька) венцы.

Товлын-ойка сделан был как птица, а одет как человек. Осталась масса *арсынов* белого цвета.

Али-хуму на его стол была поставлена водка, хлеб. Диомид говорил: «Не сердись, не обижайся, мы приехали, забивали пополам: *Али-хуму* и *Товлын-ойке*». Ещё мать приглашают – *Калтац-экву*.

Няйтын элом-холас (человек, мужской пол) *олсыт* (жили).

Няйтын-хум (шаман, колдун).

В Калтысьянах тропка расходится на два места: одно – бабье, другое – мужское. Там *сумъях* стоит.

В Мулигорте есть место – пустая изба, там старуха раньше жила, умерла, там ящики (рис. 107, 108).

Новинские, чердак дома Китаевой Пелагеи Семёновны

Справа от входа, на горизонтальной жерди, шкура жертвенного жеребёнка. На полу чердака – рога (быка, коровы?). В правом дальнем углу на ящике – кованый сундук, в нём приклады, 7-мипольный красно-зелёный *ялпын-улама* и пубы.

Рис. 107. Священный амбарчик Товлынг-ойки.

Рис. 108. Д.В. Яркин на священном месте Товлынг-ойки.

Деревянное антропоморфное изображение: видна голова, одето в массу платков. Антропоморфное изображение: из ткани, колпак оранжево-чёрный, одеяние белое, из-под него синее, коричневое, жёлтое.

У задней стены повешены *арсыны* белого цвета (рис. 109–112).

[Новинские], дом Шесталовой Ольги Наумовны

Яны-анк (мать).

В специально огороженном месте (левая часть «залы») на полке – *пути-норме* – два ящика. В нижнем – *Сам-пах* (озеро)-*ир-хон-аки*, антропоморфное изображение из ткани. Снаружи – *тор* – *сахи* бордового цвета. Подпоясано цветными шнурами, на них кольца. На голове надеты одна на другую две лисьих шапки с длинными ушами – красная лиса.

Там же *ялпыны* 7-ми польные с лисьей головой и хвостом. Изображение коня из папье-маше, серебряная ложка, деньги, медвежьи зубы.

На вышке: *Ас-тальях-отыр*, *Тахт-котиль-эка*. Не на вышке, а в нашем святом месте.

На задней (святой) стороне дома – белый *арсын* (рис. 113–115).

[Новинские], чердак Яркина Диомида Васильевича

На чердаке, у задней стены, слева на ящике-подставке – сундук кованый (отца). Там был *Щахл-торум*. На нём – чемодан (сундук сташили), там была *Калтащ-эка* – матери ящик.

Сундук – *пути-томан*. Делали, когда женятся – после замужества. Старики делают – старуха платья зашивает. *Йир* делали – жеребёнка, курицу.

У правой стороны задней стены висят шкуры с перьями трёх куриц – следы *йира*. *Йир* делали зимой и летом: курицу – летом, жеребёнка – осенью-зимой.

Женщине нельзя заходить к задней стороне дома (рис. 116).

ТЕТРАДЬ № 2²⁴

ЗАПИСИ И.Н. ГЕМУЕВА

РОДЫ, КОРМЛЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

Новинские, Китаева Зинаида Михайловна

Её сестра Надя (младшая) родила. Наутро мать – Палашка – сшила берестяной туесок (*пукни совт*). Мать положила в туесок пуповину и послед, а Зина и Мария Павловна (родственница) повесили его на кедр. Мария Павловна перезала пуповину и называется для Нади *пукни анка* (вторая мать), и Зина тоже

²⁴ Тетрадь не сохранилась, оставшиеся записи занимают 72 страницы. Небольшая часть из них, вероятно, принадлежала Б.В. Крюкову. И.Н. Гемуев объединил материал тематически и выборочно переписал на карточки.

Рис. 109. Священный сундук.

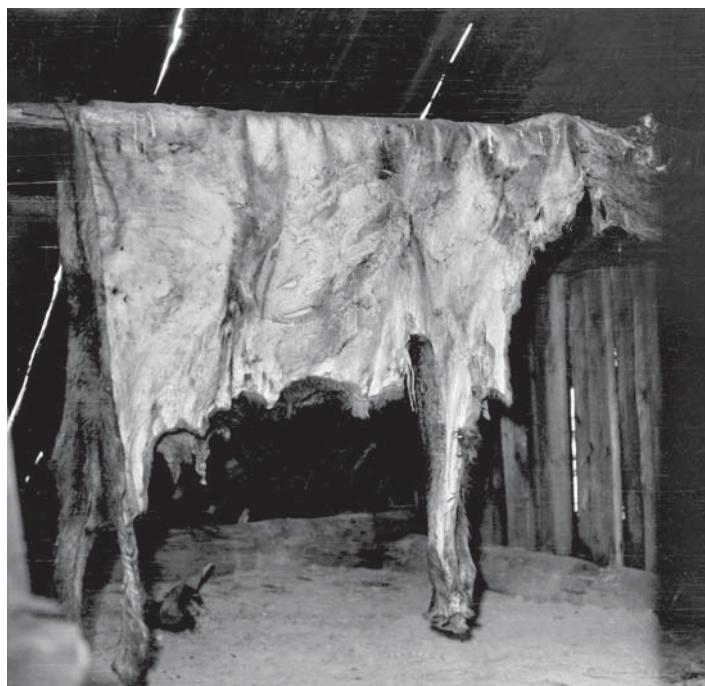

Рис. 110. Шкура жертвеннного жеребёнка.

Рис. 111. Дух-покровитель семьи Китаевых.

Рис. 112. Б.В. Крюков с жертвенным покрывалом в руках.

Рис. 113. Белый арсын на задней (священной) стороне дома.

Рис. 114. Сам-пах-йир-хон-аки.

Рис. 115. Лошадка из папье-маше – конь
Mip-кусне-хума.

Рис. 116. Священные чемодан и сундук на чердаке Яркиных.

для сестры – *сөвт анка* (но не числится, видимо, официально), а Мария Павловна Неттина – *сөвт анка*. Она повесила, а потом прочла молитву, чтобы девочка была здорова, росла нормально, чтобы не брали её болезни.

На вышку женщинам нельзя (когда ешё без месячных девушка ходит, то можно, сколько хочешь, лазить).

Бабушка за угол дома не может пройти: боится богов, которые на крыше сидят, могут стрелу невидимую пустить – заболеешь или кто-нибудь умрёт. И мать – Полина Семёновна боится. Когда нашкодим, бывало, мы за дом прятались. Им туда нельзя.

Новинские, Шесталова Ольга Наумовна

Женщина живёт в *маньколе* 3 месяца. Еду носят мать, муж, и сама готовит. Интерьер *манькола*: чувал, столик, нары или оленья шкура на полу. Мужу всё равно, кто родится, лишь бы душа жива была.

После родов ставят *пупам* угощение и приклад. Имя ребёнку давали сообща – отец и мать.

Малыш до 3-х месяцев на правом боку лежит, на оленьей шкурке, затем кладут в *апу – ити ана* – вечерняя, ночная *ана*. Орнамент мог быть геометрический и с птичкой. Кто умеет, тот и делает. *Апу* делали из бересты – мать или тётка.

Обычно кормили до 3-х лет. Подкормка – рыба – хвостик, утка – лапка, иногда и говядину несолёную дасть.

До появления у младенца зубов, в *апу* клали спички, нож, топор; булавку застёгивают на груди ребёнка, чтобы не слазить. Делали это молча, «чтобы не забыть». Раньше шили *ялпын-улама*. «Боги водку любят».

Были случаи, когда девушки с ребёнком оставались (соседи осуждали), отец в дом не пускал. Сейчас бабки смирились – сейчас одиноким деньги платят.

Раньше нельзя было выходить замуж за человека другой национальности, сейчас с удовольствием.

Новинские, Тынзянова Надежда Андреевна (51 год)

Нявере ончес – родила.

Женщина 3 месяца сидит в *маньколе*, раньше этого её [домой] непускают. *Поры* – праздник делали. Собирались все взрослые, когда ребёнок родится. Крестные были.

Та, что помогает роженице, – *алт-анк*. *Анк* – вторая мать (может быть и молодая, и родственница). Она ребёнка укладывает в дневную *апу* – *зыр хотан ана* – солнечная (дневная) *ана*; *ити ана* – ночная *ана*.

В *апу*, которую делали из бересты, клали гнилое дерево (красное, тальник, мягкое), чтобы моча не стекала. Тальник применялся как присыпка и для ребёнка, и для *апы*. Это каждый раз меняли.

Во время менструаций женщина также находилась в *маньколе*. Подкладывали тальник (стружку), перед выходом мылись в *маньколе* (или иногда в бане) и окуривались паром (нагретый топор клали в таз с водой, настоящной на чаге).

Чтобы уберечь ребёнка, его нельзя было одного или ночью надолго оставлять.

Оц хатас – родила.

Рудитас – роды (заимств. из русск.).

После родов пуповину и послед заворачивают в чистую тряпку, обёртывают берестой, завязывают верёвкой (делают *хинтик* из бересты), вешают на дерево. Больше не ходят. Только тогда, когда снова рожают, в тоже место вешают. Одно дерево для всех (Ольга Наумовна покажет). Женщина после родов должна была ходить в туалет голая, босая (и зимой, и летом).

Рожали так: ставили 2 палки, третья поперечная. Стоя на коленях, она опиралась на третью. Легче рожать лёжа. Бабки раньше заставляли на палках рожать, на постеленную солому. Много было простуд (голыми ходили), многие умирали. В 1950-е гг. мать говорила, что нам не надо соблюдать *манькол*.

У маленьких (ещё беззубых) было особое кладбище. В землю закапывают, а на Сосьве на дерево ставят (черви едят, вонь такая).

Анеево, Пеликова Анастасия Григорьевна (57 лет)

Ana – берестяная колыбель, одинаковая и мальчику, и девочке, предназначена и для сна, и для бодрствования.

Когда рожается ребёнок, неважно какого пола, то на крышу, *пупыгам*, несут платок с копейкой, шкуру соболью.

Айкем – девочка, пыкем – пацан (мальчик). Ома – мама. Щань – мама для всех.

Ребёнок сосёт грудь 3–4 года, а мой внук до 5 лет всё просил.

Иттерма не делала (у мамы были, она их в лес утащила).

Анеево, Гоголева Елена Филипповна (65 лет)

Родила 4-х детей в большом доме и в больнице. Отец не разрешал в *маньколе*. При отце и матери были *пупы*. В войну мы сами «походили на *пупы*».

Ana – колыбель из бересты и для мальчика, и для девочки. Ребёнок мог и лежать, и сидеть.

Щань – мать, Пресвятая Богородица.

Анеево, Гоголева Прасковья Ивановна (80 лет)

Манькол – маленький дом для рожениц. Женщина приходила туда за неделю до родов. Бабушка проверяет, еду носит, да и сами варят в чувале. При родах мужа не пускали. Роженице помогает бабушка, она же обрезает пуповину.

Чтобы облегчить роды, фетишу (*пук щань*) приносили *сахи*, платье, платок.

После родов жила некоторое время в *маньколе*, потом заходила сама в большой дом.

Для отца ребёнка безразлично, кто родился, мальчик или девка, вся кому рад, любит.

Сначала младенец лежит на оленевой шкуре, затем, когда он уже немножко сидит, мать шьёт ему из бересты *хотл апу* (сидячая и полусидячая), которую подвешивали на крюк к потолку и раскачивали. Если ребёнок не спит, то руки его не пеленают.

Анеево, Монина Домна Фёдоровна (60 лет)

Меня мать в *маньколе* родила. Она рассказывала, что меня возили в Сартынью крестить.

Анеево, Гоголева Матрёна Николаевна (62 года)

Раньше рожали в *маньколе*. Уже до войны их не стало в нашей деревне, примерно к 1933 г.

Муж ходит в *манькол*, еду таскает, посидит там, каждый день.

Первые сутки другая женщина грудью кормит ребёнка. Кормит она до тех пор, пока у матери молоко не появится.

Женщина не выходит из *манькола* в большой дом полтора месяца (40–45 дней), однако оказывает посильную помощь – за водой сходит и дрова занесёт.

Перед переходом в большой дом женщина должны была очиститься. Поджигала чагу в чувале, в нём же раскалялся камень или старый топор, который затем накрывали мокрой тряпкой, чтобы пар шёл. Надышится, надышится и тогда приходит в дом. Бывало, что очищались и дома. В *маньколе* был чувал и нары, покрытые оленевой шкурой.

Делали пуповинный *совт* – берестяной короб, в который клали завёрнутые в чистую тряпку пуповину и послед, сверху накрывали берестой, верёвкой крест-накрест перевязывали и вешали на дерево. Это место специально не посещали (рис. 117, 118).

СВАДЬБА, ИЗБЕГАНИЕ

Анеево, Монина Домна Фёдоровна (60 лет)

Раньше, если родители не разрешали жениться, то убегали. Приданое было – подушки, платье. Девушку с ребёнком брали замуж, ничего.

Анеево, Ендырева Анна Андреевна (77 лет), Рукова Ульяна Давыдовна (54 года)

Парень ходит с косами (по пояс), у невесты две косы до пят (разноцветные, на конце клубок с железом – против сглаза). Воровали невесту. Неделю ищут (убегали в лес). Если только друзья принесут еду. Через 2–3 недели, а бывает и раньше, выходят, идут мириться к родителям. Сколько отец запросит с жениха, столько он и даёт – 2–3 олена.

Стол хороший делали (мясо, рыба). Колыбельного сговора не было. К священнику не возили. Богов не надо было кормить; живым бабушке и дедушке дарили материал, платок шёлковый. Шамана не было (раньше был – не помнят).

С парнями дружили, а спать не спали. При месячных и при родах женщины жили в *маньколе*.

Избегания: от старшего брата, от свёкра, деверя, дедушки закрывали лицо платком. Всю жизнь закрывались, а разговаривать можно. Прасковья Ивановна первая у нас платок сняла. Женщины говорили: «Болеть будет».

Рис. 117. Туески с последом.

Рис. 118. Жительница д. Новинские в традиционной одежде.

В году 1928 муж Ульяны снял с неё платок. Дедушка сказал: «Как тебе не стыдно, Давид», отвернулся.

Раньше не было девушек с ребёнком. Не разводились. Мужья не пили и не били, на нарах спали. Отец девушки даёт за неё лошадь, корову, оленя.

«Погано дело» – о времени зачатия. *Маньковов* в селе нет.

Гоголева Матрёна Николаевна (62 года)

При старике-свекре женщины закрывали лицо и *ваи* не снимали (только ночью, да при условии, что свёкор спит), с голыми ногами при старике не ходили и закрывались (от свёкра, от старших мужчин, от дальних родственников, а от младших братьев не закрывались).

Помню, когда мне лет шесть было, привезли на нартах, закрытых сукном, невестку. Она лежала в нартах. Её ввели в дом и посадили отдельно за сукно. Целый день сидела, только муж заходил.

ПИЩА, ЗАПРЕТЫ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ РЫБЫ

Анеево, Ендырева Анна Андреевна (77 лет)

Женщины не резали ни щуку, ни налима. Домашние им сварят, потом и сама съест.

Сырое лосиное мясо нельзя есть ни мужчинам, ни женщинам.

Гоголева Прасковья Ивановна (80 лет)

Рыбу и мясо оленье можно, а мясо лося – нет (при родах в *маньколе*).

Сама охотничала с «централкой», когда мужа на последнюю войну взяли. Перед этим он меня научил охоте.

Мяса нельзя было есть в некоторые месяцы. В *маньколе* женщине можно есть рыбу и оленину, а лося – нет.

Рукова Ульяна Давыдовна (54 года)

Щуку, налима старухам нельзя. Им режут и варят, а они едят. Настасья Кирилловна не режет щуку.

Тозём-нёвль (длинные пластины резали) на вышку вешали, ветром сушат.

Другой способ – засаливали и клади в деревянную бочку; отмочка мяса от соли – *вимтен пинг* (отмачивали больше суток, каждые 2–3 часа меняли воду).

Совлал нёвль – солёное мясо.

Тёзен нёвль – вяленое мясо.

Миль пи нёвль – свежее мясо.

Гоголева Матрёна Николаевна (62 года)

Если не в святом месте поймана, то женщина могла всякую рыбу есть. Ляпинские *нярхулом* не едят щуки. Когда месячные, то сосьвинские женщины даже налима варёного не едят.

Челданова Зинаида Григорьевна

Мясо – *нёвль*. Летом в ветреный день вялят маленькими кусочками, чтобы зимой отварить или пожарить на печке; можно с мукой сварить.

В Вороний день – *Щанъха витол* – в лесу забивают маленького оленя, варят и едят. Сама не бывала.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Анеево, Гоголева Прасковья Ивановна

Иттерма делают, когда человек умрёт, шьют платье, *сахи* маленькие. Ставят в угол, стоит 3–5–6 лет и вообще, сколько захотят. Когда захочешь, сошьёшь ещё, надевают на старое. *Иттерма* – это кукла. Огонь, лампу не ставили.

Новинские, Шесталова О.Н.

Кладбище – *савын кан*.

Могила – *толовх па*.

Покойника обмывают женщины. Тем, кто «моет», дают от покойницы платок или платье, или *няры*. Иногда специально приглашали обмывальщицу.

На второй день дедушка делал гроб. А пока покойник лежит на койке, на досках. Положено хоронить на третий день.

Либо мужчины на руках или лошадьми везут на кладбище. Зимой на нарточках. Могилу роют мужики. Глубина могилы около 2-х метров. И женщин, и мужчин закапывают одинаково глубоко.

Женщину одевают в новые платья – штуки 3–4, если надевают *тур сахи*, то три платья. Мужикам надевают по три рубахи, костюм, пальто. А некоторым в гроб кладут.

Деньги в могилу не бросают. В руки покойнику дают 1 рубль («Может быть, у него на земле долг остался, на том свете заплатит»).

Раньше гроб совсем не обшивали. Сейчас некоторые обшивают чёрным или красным ситцем, сатином – у кого есть.

На могилу стол поставят, доски положат. Когда столбики у стола согнут, тогда могилу совсем задавит.

Ограду ставили иногда сразу, а иногда и позже.

Покойников боятся: есть которые злые, которые есть добрые.

На кладбище сразу поминают (хлеб, рыба, бражка, вино). Чагой не окуривают. В доме делают поминки (варят, что есть, ставят брагу, вино).

На третий день ходят на кладбище (брагу ставят, огонёк топят маленький). На 14-й день на кладбище ходят и мужчины, и женщины, а потом дома поминают, и на 25-й день ходят на кладбище, там ставят и дома поминают.

Женщин поминают на 40-й день, а мужчин – на 50-й день. Душа целый год держится. Год будет она, потом совсем уйдёт. Душа уходит в яхм *щарах* (в *оксан*).

На 40-й день убивают теленка, корову, жеребёнка у дома (для женщин). Тоже делают на 50-й день для мужчин. Шкуру вешают на крышу. Сразу варят и едят голову, печень, сердце, остальное – в другие дни, каждый день, пока не съедят.

До одного года душа будет находиться недалеко от дома.

Когда человек умрёт, делают палочку – *хомалт* (счёт дням) и каждый день делают зарубки до 40-го или 50-го дня.

Мать покойного срезала клок волос и держала вместе с палочкой в туеске. Делали из этих волос куколку. Хралили: четыре месяца – для женщин, пять месяцев – для мужчин, затем сжигали.

Когда пройдут 40-е или 50-е дни, в угловатик²⁵ кладут глаза жертвенного животного, ставят спиртное.

В годовые поминки жертвоприношений кровавых не делают, так ходят на кладбище.

Пока покойник в доме, нельзя было шить, вязать, стирать, а еду можно готовить.

На 40-е или 50-е поминальные дни одежду носили на левую сторону – *пес игли* (*нац нанку*).

Новинские, Китаева Зинаида Михайловна, 23 года

Раньше бабки говорили, что если сразу ограду не сделали, то и не надо её делать. Ограда из жердей – *сир*. Кладбище – *савын ма* (*савын кан*).

В гроб покойнице клали платья и её одевали в те [*одежды*], которые ей нравились, которые она таскала (платки, юбки).

Гроб спустили, доски положили, а на доски у изголовья еду, питье поставят. Тут же поминают (чай делают из чаги или из заварки, воду, соки, если нет спиртного).

Покойник ночь переночевал на кладбище, к нему идут с едой и спиртным, так же и через 9, 14, на 40-й день, в годовщину, а потом каждый год.

В день похорон на поминках в доме ставят вино, еду (хлеб, рыбу, мясо). На печку или в угловатик – *сампатта* – только спиртное. Потом достают.

Если на печку ставят спиртное, то 3–4 ложки льют в огонь для матери огня – *арац*, чтобы не угас огонь никогда, и так же поступают в каждый поминальный день.

Человек умирает, и в тот же день берут палочку, делают заметки каждый день. Мать у себя отрезает волосы с затылка и у покойника небольшой клок волос, обматывает тряпкой, делает куколку. Кладут в туесок и волосы, и куколку.

Ножом на палочке делают зарубки сначала до 40 дней, далее до одного года. В год сжигают на берегу или в лесу. Берут спиртное, помянут.

У женщиныправляют 40 дней, а у мужчин – 50 (закалывают теленка, жеребёнка, овечку).

²⁵ Берестяная коробка с загнутыми углами.

В Игриме для поминок родственницы на 9-й день закололи (значит, дух её ушёл).

На 40-й день уходит женский дух из дома, на 50-й – мужской.

Шкуру животного вешают на крышу. Глаза (жеребёнка, бычка) кладут в угловатик.

Какое животное попросит покойник у родственника во сне, такое и закалывают.

Яйца бычков варят вместе с головой, печенью, почками, сердцем (кишки не берутся). Жеребячий яйца не годятся для варки. Раньше, когда русские кастрировали лошадей, то они яйца жарили.

На 40-й день чем-то сладким и съедобным (сгущёнка, повидло) мажутся углы избы (4 угла), а 5-й угол (дверной проём) остается открытым, чтобы дух мог зайти. Для мужчин делается также на 50-й день.

ДУХИ-ПОКРОВИТЕЛИ

Новинские, Шесталова О.Н.

Личный *пубы* Ольги Наумовны – *Калтащ-эква*, женщина-*пубы*. Находится в Мулигорте²⁶. Все люди съезжаются к ней, кладут платки (можно большой); она была [на священном месте] в июле 1985 г., два платка маленьких сделала.

Нэмта – игольница.

Манколщека – это тот же бог для женщин, роженицам помогает, ребятишкам помогает на свет родиться.

Про персонажей *Аращкан* знает её бабка в Ванзитуре: «Измаилушка! Там, где ты лазил с Колькой за сундуком, я поставила рюмку водки и воскурила чагу, затем долго молилась».

Потом мне²⁷ сказала: «Женщинам нельзя смотреть, ослепнешь. Молилась я богу русскому, я крещёная. Когда ты закончил обзор сундука, молилась, закрыв лицо платком, ещё дольше».

Новинские, Шесталов Николай

На чердаке злая богиня – *Тайт-котиль-эка. Ас-талях-ворн* (злой)-*отыр*.

Колено имя – *Мика сойка*. Людино имя – *Нярснэ эка*.

Дядя погиб, а я воскрес²⁸.

Новинские, Китаева Полина Семёновна

В комнате, в левом углу, туесок – *маньколщека* или *совт-анк*. *Маньколщек* – маленькая женщина, младшая сестра матери-земли. Ей дают *арсыны*, добавляют тряпочки.

²⁶ Речь идёт о священном месте *Калтащ-эквы* около Мулигорта на р. Оби.

²⁷ И.Н. Гемуеву.

²⁸ Душа дяди возродилась в Николае.

В туеске – *арсын* с медной копейкой (положили два года назад) и шёлковый платок с медной монетой.

Когда убивают скотину, выносят *пуни томан* (чемодан, где хранятся документы, письма, платки новые, *арсыны*).

В угловатике на верхней полке стоят три стеклянные банки (трёхлитровая посередине принадлежит Полине, а по бокам её однолитровые – тёткины). В них платки, *арсыны*. В 1970-е гг., когда семья переходила из другой половины дома, банки эти перенесли.

У Полины Семёновны (родилась в Лапарске) хозяин *Полум-ойка*, у Зины (её дочери) – *Ялпус-ойка* (покровитель медведь), у Нади (её дочери) – *Халей* (чайка). У каждого человека голова отдана кому-то²⁹.

Новинские, Китаева З.М.

У Зины хозяин – *Ялпус-ойка* (бог в облике медведя). У неё заболел мальчик. Если *Ялпус-ойка* не захочет, то он приведёт душу мальчика обратно (когда-то мать умерла и забрала душу); за это ему закалывают оленя, теленка. Когда ребёнку было два месяца, он начал задыхаться. Зинин дядька – Степан Семёнович из Ванзетура – полез на крышу³⁰ и увидел, что у *пубы* мужчины нет шапки (в стороне валялась), а у *пубы* женщины не было платка. А сундуки были закрыты. Дядя их одел, посадил на места, и как будто мальчик поправился. А ещё через два месяца у ребёнка понос открылся. Нельзя было спасти.

Зине нельзя чокаться стаканом бражки, т.к. у неё несчастье (ребёнок умер).

Когда пойдёшь по ягоды, немного наберёшь или сразу располагаешься на земле. Можно костёр не разводить. Просто разложите пищу, за щеку (за губу) махорку, смешанную с пеплом чаги, закладывают, а кто папиросы курит, кладут возле еды и говорят: «*Ма ёхны, Вит ёхны маҳум, маен мана вын сал пил*» («Водяные, земляные духи, дайте нам побольше ягод»).

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА

Деревня Анеево

Пурлахтын-щахл

В 20 см от кедра № 1 – кедр № 2 и идол № 2: объёмное антропоморфное изображение из куска цельного ствола. Верх головы плоский, лоб навис, прямой выступающий нос; элементы лоб-нос Т-образные. Эллипсоидной лункой [показаны] глаза, выделена шея; тулово не обработано.

III Комплекс. От *сумъяха* на север 7 метров, на запад – 2 м 40 см, между двух кедров прислонён идол высотой 1 м 40 см. Плоскоголовый, объёмный, лоб

²⁹ Речь идёт о том, что при рождении с помощью гадания ребёнку определяли личного духа-покровителя.

³⁰ Имеется в виду: на чердак.

нависает, лоб и нос Т-образные, нос прямоугольный, глаза – эллипс, брови из двух полудуг, рот – лук, подбородок скошен вперёд, шея не выделена, плечи скошены, нижняя часть трактована скошенными боками изваяния.

Сумъях – длина 130 см, ширина 110 см; длина плахи 2 м, ширина 145 см; расстояние от конька 73 см.

Новинские, Китаева З.М.

Привела к женскому святому месту. Стоит кедр с туесками (послед с пуповиной в чистой тряпке), Недалеко на другом кедре ещё больше туесков (в частности, и сестры Надежды), а на соседнее дерево повесили (она с Марией Павловной) сетку с Надеждиной «нечистой», «негодной» одеждой и тряпками («в которых и на которых лежала»). *Покащ* – халат, тряпки.

Зина, когда была маленькой, боялась проходить мимо этих кедров.

Новинские, Китаева З.М.

Арацкан

Арацкан. Эква-пурлахтын-ма. Собирают новые тряпки, медные монеты. Раньше зимой им шили халаты.

Пурлахтын-ма недалеко, полкилометра.

Путы в доме (тряпки в сундук кладут). Женщинам нельзя глядеть.

Арацкан – место огня, священное место, расположенное исключительно в берёзах, на берёзах тех висят новые обрезки от материала на платья с медными монетами (3 и 5 коп.), у которого просили о своём здоровье и здоровье детей.

А также у особенного дерева просили избавления от корости на голове (с головы соскребали коросту, завязывали в тряпочку и вешали на дерево). Верили, что через неделю коросты не будет.

В это место ходили каждый год в одно и то же время.

Шесталова О.Н., Китаева П.С.

Разговор в доме у О.Н.: «*Ana сан* приносят бабки. Варят уху, чай, [приносят] водку. Играют и пляшут (бьют в ведра, как в бубен).

Приносят мужики овечку, петуха нельзя. Голову, ножки, сердце, печень варят, а шкуру вешают на берёзу. Голову клоняют.

Маньколицек – по Сосьве бог один, а веры разные (у обских и сосьвинских).

Мис-нэ – лесная, добрая фея. Ходят в это место осенью, а сейчас я боюсь».

И чёрные тряпки можно (выбирает *арсыны* из мешка), просит 1–2–3–5-копеечные монеты.

Пришли на место. Были: Ольга Наумовна Шесталова, сын её Колька, дочь её Люда, Пелагея Семёновна Китаева, её внуки (2), да нас двое (Измаил и я).

«С весны, когда мы с Полей были, здесь не было никого, одни лошади ходили» (О.Н.Ш.).

Берёзовая роща среди ив. Стоят шесть берёз в разноцветных *арсынах*. Полина Семёновна сдирает бересту. Люда чистит рыбу, Коля делает костёр. О.Н. разжигает в миске спичками чагу, будет делать *сэни* (окуривание чагой). На столе *сэни* будет дымить всё время.

Главный бог – *Луи-ойка*, северный бог. Для него четыре берёзы.

Асенкер-ойка – бог, помогающий от корости, прыщей, одно дерево.

Тяк-эка – бог огня, бабушка огня. «Когда уходить будем, тогда повесим арсыны, а сейчас приготовим их» (положила на столик).

«Это – земля *Луи-ойки*. Барана забивали. Девушкам нельзя на место жертвоприношения барана, нам-то можно».

Затем О.Н. попросила Измаила поставить флягу водки для *Луи-ойки* и сама поставила брагу на столе рядом с хлебом, маслом, конфетами, печеньем.

«Нельзя сюда без браги, т.к. если её нет, так он видит, что нет».

Положили медные деньги на стол. На столе стоят открытые наши фляги с водкой и бражкой. Полина разделяет *няр-ху*.

У костра – кружка с водкой, кружка с брагой. На столик кладется *няр-ху*.

На расстоянии 2-х метров от столика стоит в новой одежде Палашка, Ольга переодела платок. Готовятся к молитве, поклонам, подошли к главной берёзе (*Луи-ойке*).

Говорит молитву О.Н., слегка раскачивается в поклоне. Пока А.И.³¹ фотографировал, она постоянно кланялась.

«Весело нам, песни поём, танцуем сами с собой. Бог, приди, пускай он подходит. Это “весёлое место”, место огня».

Арацкан – кострище. *Тяк-эка* – огонь костра.

«Надо по солнцу крутиться по одному разу и у *Луи-ойки*, и у огня». Затем снова поклоны и Палашка кланяется. О.Н. переодевается в новое *tur sahi*.

У *Асенкер-ойки* также кланяются: «Сейчас голову клоним, жить будем».

В это место ходили, когда комара меньше. Полина куда-то удалилась, О.Н. позвала Кольку, заставила снять шапку, рядом с собой поставила, оба кланяются, тут и Полина подоспела. Поклонились все. О.Н. взяла от костра две кружки с водкой и брагой. Кланяясь, отпивает, за ней Полина, которая ставит водку на столик.

О.Н. вылила бражку в огонь: «Кто не шаманил, тот не пьет» (Колька).

«Сейчас выпьем, за стол сядем» (О.Н.).

Мы перед этим ходили искали деревья, где якобы весной висели шкуры (Люда ходила за черёмухой, 3 *арацкан* – кострища, 4 шкуры видела). Но не нашли. О.Н. сама пошла искать это место, где они повешены: «Мне-то можно, я старушка». Увидели только верёвку довольно высоко на берёзе, где висела шкура, видимо, упала.

«*Пус кат, пус лайил*» («Пусть будут руки-ноги целы»)³².

«Югу всегда кланяются».

³¹ Фотограф А.И. Логинов.

³² Один из популярных тостов у манси.

Уху (навар) вылили из котла *Луи-ойке*. Достался нам один сырок варёный. На нашем столе варёная рыба, *няр-ху*, хлеб, водка, бражка (на целлофане). Пьём и закусываем по кругу. О.Н. оставляет рыбку здесь, остальное забирает.

«Тушить костёр с чагой не надо». Сейчас повесили свой товар (*арсыны* завязывали повыше остальных на три узла – для *Луи-ойки*).

О.Н. говорит огню, что они ещё придут, если живы будут. Взяла живой огонь из костра в миску с чагой, потом затушила и поставила на столике.

«Когда уходим, голову клоним» (рис. 119–122).

На обряде *Арацкан* Шесталова О.Н. рассказала мойт (сказку), по-мансиjsки записывала её дочь Люда, она же впоследствии и перевела.

Как мужчина съел максу налима

Жили муж с женой. Долго или коротко жили. Муж ездил ставить запоры на налима. Налима привозил жене домой. Жена варила налимову уху. Муж садится есть налимову уху, а налимовой *максы* нет. Сколько раз не варила жена уху из налима, а *максы* не было. Жену спрашивает муж: «Куда деваешь налимову *максу*?».

Муж рассердился и говорит: «Переедем в другое место жить» (летнее, на рыбалку). Собираются, вещи на берег перетаскивают, на лодку. А какой-то мешок

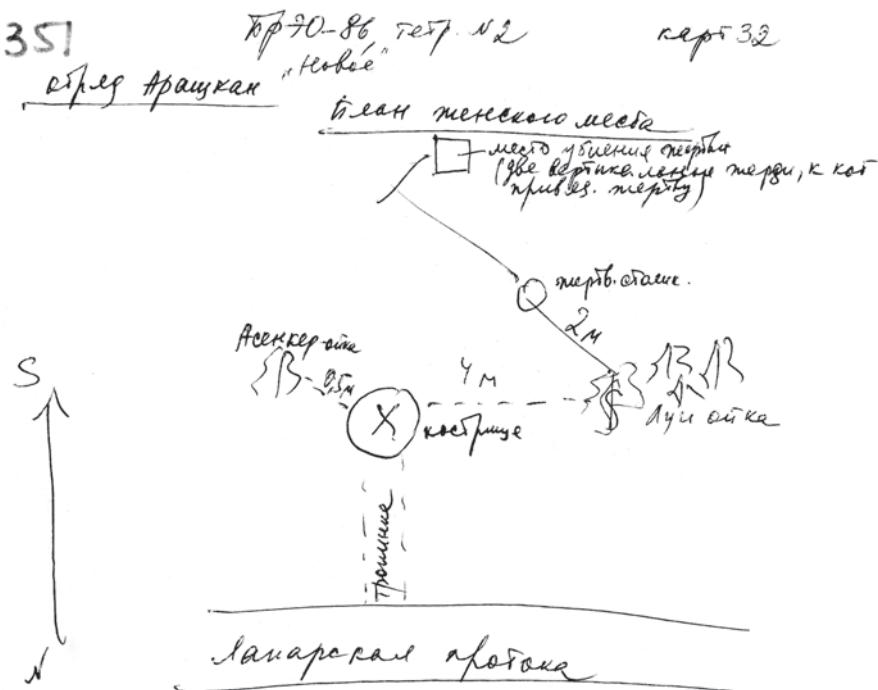

Рис. 119. План женского места около л. Новинские

Рис. 120. П.С. Китаева, О.Н. Шесталова и Н. Шесталов на Арацкане.

Рис. 121. П.С. Китаева и О.Н. Шесталова на Арацкане.

Рис. 122. Подвязывание жертвенных платков на берёзу.

жена не даёт ему нести. Подошли к берегу, муж схватил мешок и выбросил в воду. Мешок с шумом упал в воду и раздалось: «Бух!». Из мешка показался мужчина, который съедал максу налима – по усам текло масло.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Новинские, Китаева З.М.

Йир – закалывается жеребёнок, бычок в честь далеко живущих родственников, чтобы они не забывали тех, кто закалывает, чтоб у них было всё нормально, чтобы заключённый вернулся из тюрьмы.

Животному перерезают глотку, чтобы вся кровь вышла, становятся лицом к югу (только мужики) и кричат 7 раз: «А-а-а-а-а-а-а!».

Затем в дом зайдут, выпьют, посидят, поговорят, пока животное не охладеет. Затем обдерут, сварят в котле печёнку, сердце, лёгкое, голову.

Шкуру на три дня вешают на жердь на крышу. Через три дня съедается остальное мясо.

Когда закалывают животное, глаза завязывают ему белой материей и по лбу топором. Эту белую тряпку затем вешают на угол (внешний) избы, на третий день уносят на крышу. Куда дальше кладут – не знаю.

Йир делался за домом (а не перед крыльцом) – *кол сам матта* – место *йира*. У каждого дома было своё священное место. На время *йира* женщинам туда не позволялось подходить. Но женщины подходили на дозволенное расстояние, чтобы очистить кишки жертвенного животного от «навоза». А мужики могли пересекать как угодно.

СВЯЩЕННОЕ МЕСТО

В архиве И.Н. Гемуева сохранилось несколько цветных и чёрно-белых кадров, выполненных в 1986 г. на одном из святилищ обских угров. К сожалению, какой-либо информацией о нём составитель не владеет.

Предположительно, святилище располагалось на левобережье р. Оби, между деревнями Новинские и Нарыкары. На одной из фотографий изображён проводник (?).

На святилище находились два небольших амбарчика из досок, установленные на опорах.

Внутри первого амбарчика, у задней стены, были установлены 2 пучка стрел и 4 фигуры духов-покровителей. Стрелы с железными вильчатыми наконечниками.

Основу первой фигуры составляла плоская дощечка с вырезанной личиной. В основе других фигур, скорей всего, были от одной до нескольких стрел.

В амбарчике хранились два сундучка. В каждом из них находилась фигура духа-покровителя, вероятно, выполненная из рубашек и халатов (рис. 123–132).

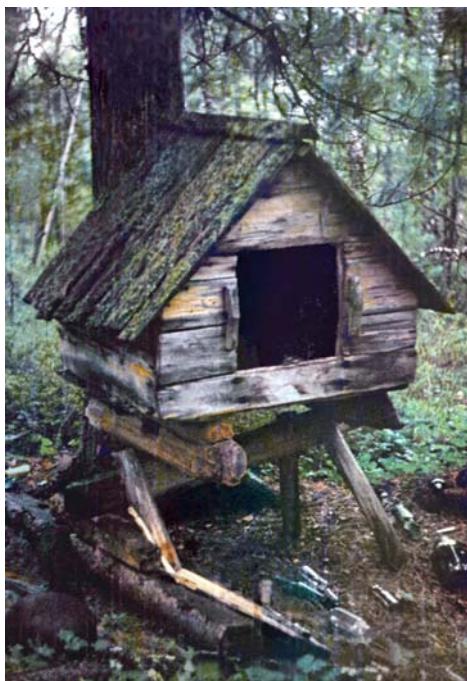

Рис. 123. Первый амбарчик.

Рис. 124. Второй амбарчик.

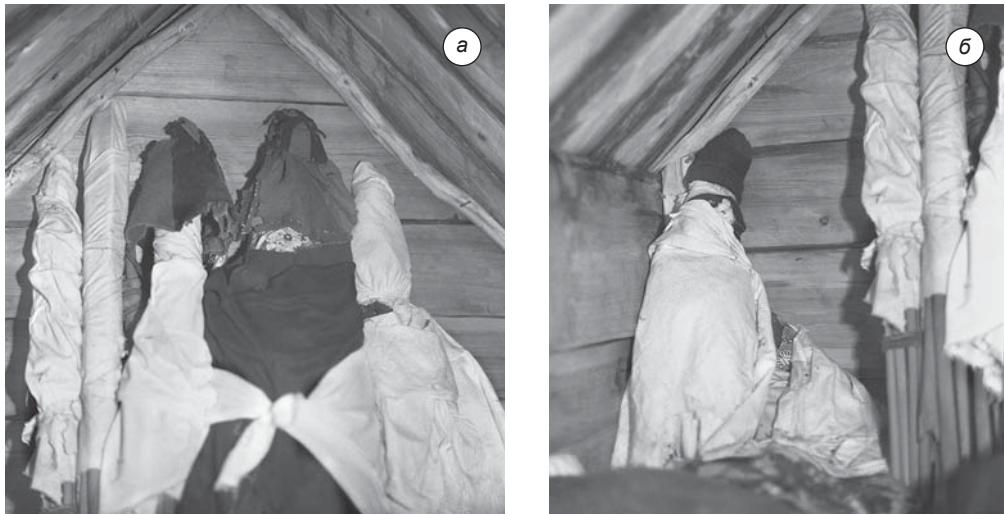

Рис. 125. Духи-покровители внутри первого амбарчика.

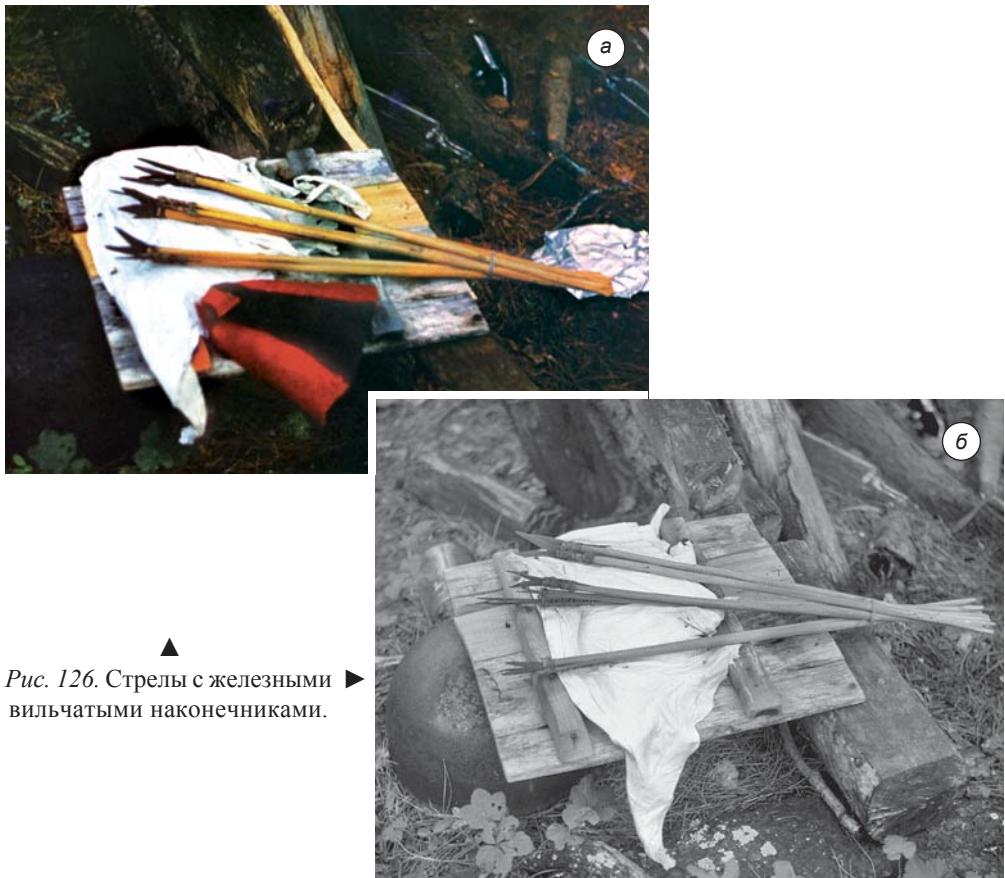

Рис. 126. Стрелы с железными вильчатыми наконечниками.

Рис. 127. Фигура духа-покровителя.

Рис. 128. Фигура духа-покровителя.

Рис. 129. Фигура духа-покровителя.

а

б

в

Рис. 130. Фигуры духов-покровителей.

▲
Рис. 131. Фигура духа-покровителя.

Рис. 132. Проводник (?).

ГЛАВА 2

ЭКСПЕДИЦИЯ К МАНСИ 1989 ГОДА

Приполярный этнографический отряд работал в июне-июле в небольших селениях манси в бассейне Северной Сосьвы (Берёзовский район Тюменской области): Верхнем Нильдино, Менкв-я-пауле, Хулымсунте, Усть-Тапсуе, Няксимволе, Халпауле, Яны-пауле. Материалы экспедиции опубликованы [Гемуев, Бауло, 1999; 2001].

ТЕТРАДЬ № 1 ЗАПИСИ И.Н. ГЕМУЕВА

МЕНКВ-Я-ПАУЛЬ

Алкадьев Владимир Васильевич

Культовое место Мис-хум-ойки

Недалеко от пауля, 1 км. Местные ходят, *пурлахтын* делают, только тайком. В каждой деревне так же. Мы-то деревенские, друг друга знаем.

Йир ему делали, кто приедет если. Забивали оленя, корову. Кто приедет с другого места, наша родня. И наши, кто вздумал забить, друг друга позовём.

Он в *сумьяхе* сидит. Туда и мужчины, и женщины ходят. Ходили в год один, два раза. Летом можно и зимой можно. *Йир* редко, *пурлахтын* чаще.

Он сам из дерева, потом – в материал замотан. Когда *йир* или *пурлахтын* делают, ему стол ставят маленький, а его не трогают. Только хозяин может его одеть, новую рубашку. Кого хозяином – пожилые выбирают.

Где *Мис-хум* – *пурлахтын-ма*. В Менкв-я *ялпын-ма* нет. В Хулюм-сунте. Там *Воял-ойка*.

У *Мис-хума* женщины допускались только у костра, с одной стороны. За костёр и к *сумьяху* им нельзя.

Культовое место *Мис-хума* (Менкв-я-пауль) находится приблизительно в 1 км от селения, на берегу старицы, приблизительно в 200-х метрах от берега, в негустом ельнике.

На поляне-вырубке расположены три *сумьяха*, каждый на одной опоре-пне, высотой 1,5 и 1,8 м. Один из *сумьяхов* упал – сгнила опора.

Конёк каждого *сумьяха* закачивается головой «лошади» (по словам информатора).

Каждая из стен *сумьяха* сделана из одной тесаной плахи. Каждый из скатов крыши так же. Конёк имеет жёлоб, которым и соединяются плахи. Дверь приставная.

Размеры в плане (*сумьяха*): 1 амбарчик – 1,8×0,8 м; 2 амбарчик – 1,5×0,7 м; 3 амбарчик – 1,6×0,7 м. Высота у всех 0,7 м.

В первом амбарчике «они сидят» – *Мис-хум*, жена, сын. Во втором (упавшем) – их старые вещи, в третьем – совсем старые вещи.

Вход в *сумьях* по приставной лестнице – бревну с четырьмя зарубками.

Информатор сначала снизу окурил *сумьях* пучком пылающих веточек пихты; открыв дверь, также окурил внутри, обведя рукой внутри по солнцу. Затем *Мис-хуму* была поставлена пища (хлеб, консервы) и водка в стакане (и вся остальная бутылка). Затем все встали лицом к открытой двери *сумьяха* и головой кланялись пять раз, после чего один раз повернулись по солнцу. Стоять надо с непокрытой головой. Когда делали *йир* – забивали оленя в «чистом месте» напротив *сумьяха Мис-хума*, приблизительно в 2-х метрах от него. Когда брали водку и пищу от *Мис-хума*, все опять встали напротив двери и кланялись головой 7 раз, и повернулись по солнцу.

Давным-давно, когда люди начали жить здесь – все умирали. Один парнишка остался. Купцы в Ляпин увезли его, там вырос, женился и приехал обратно в своё место, сюда, в Менкв-я-пауль. Живут. Как-то приходит к нему мужик с женой и сыном: «Наша избушка сгорела, пусти пожить». Тот пустил. Вместе живут неделю или две. Потом пришедший говорит: «Уже наша избушка построена, мы туда пойдём. А здесь пусть люди сделают», – и показал как (так, как и сейчас – *сумьях* и они). – «И пусть приходят сюда, вспоминают. И будут люди жить». И с тех пор живут.

Стрелы у *Мис-хума* каждый год проверяем. Один раз пришли с братом – у одной стрелы обмотка распалась. Крепко куда-то стреляли. Мы думаем – он сидит, а он охотится.

Сейчас он, наверное, сидит. *Мис-хум* должен быть в середине, слева – сын, справа – жена.

Мис-хум и сын одеты в чёрные суконные халаты с завязками, подпоясаны белым капроновым витым шнуром. На головах остроконечные суконные шапки из двух синих, двух красных и одного зелёного клина с кисточками тех же цветов. Под халатами – рубахи разных цветов.

Жена *Мис-хума* укутана в платки. Все личины остроконечные. Нависающий (граненый) лоб; прямой, расширяющийся книзу нос; глаза, рот – серебряные монеты (50-е гг. XX в.). В *сумьяхе* – пять узлов с прикладами.

На шее у *Мис-хума* и сына должно быть по 7 платков. Если *сумьях* свалится, в лес отнесём, пусть на чистом месте гниёт.

В Хулимсунте *Воял-ойка*, смотрит Никита Васильевич Адин. И *Торум-ойка* есть, смотрит Пуксиков Николай Алексеевич, молодой.

В Усть-Тапсуе (110 км от Хулимсунта) на правом берегу – Анемгуров Илья. В Нероах – Курикова. В Усть-Манье – Семён. В Турвате – Самбиндаловы Роман и Владимир. В Лепле – Тасмановы Владимир, Алексей, Василий. В Няксимволе – Тасманов Владимир. Няксимволь – Самсон Васильевич Самбиндалов (*ялпын-ма*), Лешка Дунаев (*пурлахтын-ма*). Номин (Мань Вася) Василий держит пубы в лесу (рис. 133–140).

Рис. 133. В.В. Алкадьев у священного амбарчика.

Рис. 134. Семья Мис-хума в амбарчике.

Рис. 135. Пырииц, Мис-хум и Мис-нэ.

Рис. 136. Мис-хум.

Рис. 137. Пырищ.

Рис. 138. Мис-нэ.

Рис. 139. Личина менква на стволе дерева.

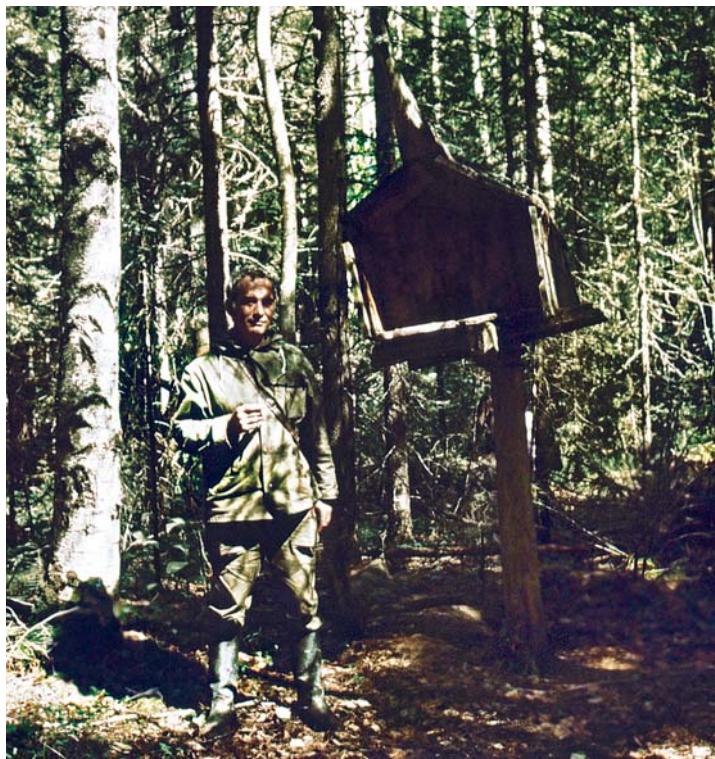

Рис. 140. И.Н. Гемуев на святилище *Мис-хум-ойки*.

УСТЬ-ТАПСУЙ (ТАПАС-СУНТ)

Проводник Анемгуров Илья Васильевич

Культовое место Чохрынь-ойки

Расположено по правому берегу р. Тапсуй, приблизительно в 1,5 км от селения. От берега через болото около 1 км. Густой ельник, поляна. Навес на опорах (один пень и несколько кольев-подставок). Все опоры имеют пазы, в которые уложены слеги (3 шт.). На слеги положен накат – настил из колотых плах. К пню-опоре, который находится под помостом, белым шнуром привязана замотанная в платки-арсыны (в углу каждого – монета) деревянная фигура Чохрынь-ойки.

В этот же пень на уровне головы фигуры воткнуты шесть ножей. Ещё семь ножей воткнуты в ствол ели, стоящей рядом с навесом. Лезвия всех ножей обмотаны белой тканью. На один из ножей (на ели) повешен также кусок белой ткани.

Сам Чохрынь-ойка – деревянное антропоморфное изображение из цельного куска дерева. Голова закруглена. Лоб скошен вниз. Глаза эллипсовидные, вырезаны ножом. Нос прямой, выступающий вперёд. Рот обозначен ножом – [форма его] около эллипсовидная. Чётко трактована шея. Руки – выступающие в стороны обрубки. Тулово внизу клиновидное. Фас – расширяется. Профиль – сужается.

На другом краю этого же елово-соснового острова – «старый» Чохрынь-ойка. Там раньше было святилище. Помост упал. В прикладах, лежавших в прямоугольном берестяном кузове, обнаружены три металлических блюдца. В сосне рядом с помостом – масса ножей. Много ножей и на сохранившейся опоре, где висел Чохрынь-ойка.

«Когда заболеешь – нож ему надо отдать. Когда новолуние, надо к нему идти (днём). На это место и без хозяина можно идти, они идут, кто знает, бутылку поставят. Йир тоже делают – через год. И лошадь тоже [там забивают]. Оленя мы купим, и другие могут».

Там, где находился старый Чохрынь-ойка (сосна с массой ножей и опора, на которой он висел, также утыканная ножами), на земле был обнаружен большой берестяной пайн. В нём были куски ткани, промокшие, а в них находилось нечто. В одном из свёртков обнаружено большое металлическое блюдце (на нём изображён св. Георгий, побеждающий змея, а по краю – охотники, скрывающие добычу). В другом свёртке – два блюдца. Одно – с описанным сюжетом, другое – с оленем посередине. Края блюдец с Георгием имеют отверстия для пришивания. И.В. Анемгуров сообщил, что рядом со «старым» Чохрынь-ойкой был ещё и Торм-ойка (очевидно, Мир-сусне-хум). По-видимому, блюдца – следы его почитания (рис. 141–144).

Домашние пубы И.В. Анемгурова

Находятся на чердаке дома в сундучке. Сундучок окованный, стоит у стены – продолжения мула.

Рис. 141. Навес – жилище Чохрынь-ойки.

Рис. 142. Чохрынь-ойка.

Рис. 143. Чохрынь-ойка без одежды.

Рис. 144. И.Н. Гемуев (справа), И.В. Анемгуров (в центре) и его сын (слева) на священном месте Чохрынь-ойки.

Отыр-пыг. Антропоморфная фигура, обмотанная прикладами-арсынами. Пояс из жёлтого газа. На голове остроконечная шапка из шести клиньев – три зелёных и три жёлтых.

Торум-ойка был там, где Чохрынь-ойка, сгнил.

У *Отыр-пыга* – узел и сумка с прикладами-арсынами.

[**Проводник Номин Николай Герасимович**]

Культовое место Каль-нёхос Най-эквы [и Тулям-ур-ойки]

Расположено приблизительно в 25 км от устья р. Няйс (впадает в С. Сосьву у Няксимволя).

Сумъях на одной опоре-пне. Каждая стена и каждый скат выполнены из цельных плах. Торцы так же сделаны из цельных плах.

В 2,5 м от сумъяха – стол на 4-х опорах. Над столом, вдоль него, прибита [горизонтально] к берёзе и ели жердь – на неё развешивают одежду Най-эквы во время пурлахты. В 5 м от сумъяха, между двух елей – кострище.

На елях на высоте приблизительно 0,5 м вырезаны личины *Менкв-пирящей*.

В амбарчике – 5 узлов с «вещами»-подарками, пучок стрел, обмотанный белой, красной, синей тканью; сундучок с прикладами. Во втором сундуч-

ке, в свёртке из многих платков, в центре – зооморфная медная фигура – соболь. Двух передних лап нет – оплавились при пожаре. Изготовлена из тонкой (0,5–0,7 мм) меди. Штамп. Гравировка (глаза, хвост, пасть). Петелька для подвешивания³³. Рядом с соболем – горсть никелевых денег советского производства. По словам информатора Н.Г. Номина, раньше были деньги старинные, но отец отдал их вертолётчикам в обмен на советские монеты.

Это место Номиных. Но без хранителя – нельзя.

Пучок стрел – *Тулям-ур-ойка*. Возвышенность такая есть к юго-востоку от Няксимволя – *Тулям ур*. Ур – возвышенность, холм.

Сухую берёзу, стоявшую у перекладины (на берёзе – *арсын*), вытащили из земли и прислонили к большой берёзе. Вместо неё поставили свежесрубленную [*берёзку*] и повесили новый *арсын*. Кому – информатор не знает. «В открытом месте должна висеть».

В сундучке должна быть шкурка самки соболя. В неё должна быть положена зооморфная фигура соболя (рядом, кроме монет, бусы).

«Со всех деревень это место знают. И отправляют подарки через нас. Но женщинам нельзя. Они только на берегу. В Турвате у нас тётка, она до костра может доходить. Но не приезжает. А мать – только на берегу. То, что здесь на столе ложится [*из пици*], ей нельзя, она отдельно варит».

Связка из 3-х стрел (моделей). Такую стрелу приносит молодой, который первый раз пришёл. Это – *Тулям-ур-ойке*. Такую стрелу подаришь и сам будешь стрелок и охотник, как *Тулям-ур-ойка*.

В 7 км выше по Найсу от стоянки Номиных (т.е. в 32 км выше устья Найса) находится *Няксимволь-отыр-пыг*. Держит Юнахов.

У Номиных «всё богатство» *Отыр-пыга* (шкуры, отрезы ткани), в т.ч. 4-хпольный *ялпын-улама* (*Эква-пыриц-ус*).

Юнахов Илья держит и всегда держал *Няксимволь-отыр-пыга* дома, на *норме*, в сундуке или на лабазе. *Няксимволь-отыр-пыг* – хозяин Няксимволя. Сейчас держать дома небезопасно, т.к. дом не закрывается, и лезут всякие. Раньше дома держали на *норме*.

Тулямур-ойка – мужчина похожего на палец (*туля*) мыса, выступающего от *ур* – возвышенности – водораздела рек (рис. 145–153).

ЯНЫ-ПАУЛЬ

Почти в центре селения стоит *сумях* без крыши (на двери замок). Крыша разрушена временем. В *сумях* снесены вещи, принадлежавшие старой женщине, которая умерла, не оставив наследников. Из бытовых вещей – 3 ружья, большой и малый керамические горшки. Здесь же находится сундук старой работы, оббитый железными полосами. Внутри сундука – деревянное антропоморфное изображение. Личина плоская; лоб выступает вперёд и нависает над личиной; рот, нос,

³³ Можно с осторожностью предположить, что для обозначения женского божества в виде соболя была использована металлическая мишень из тира.

Рис. 145. Священный амбарчик (г – справа Н.Г. Номин и И.Н. Гемуев). ►

в

г

Рис. 146. Личинки Менкв-пырищей.

▲
Рис. 147. Н.Г. Номин и И.Н. Гемуев у жертвенного стола. ►

Рис. 148. Медная фигурка Каль-нёхос в окружении прикладов-подарков.

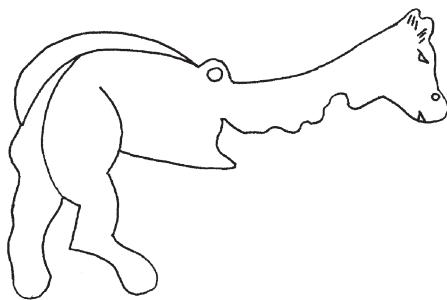

Рис. 149. Каль-нёхос (прорисовка).

Рис. 150. Тулям-ур-ойка.

Рис. 151. Н.Г. Номин с фигурантой Тулям-ур-оики.

Рис. 152. И.Н. Гемуев с фигурантой Тулям-ур-оики.

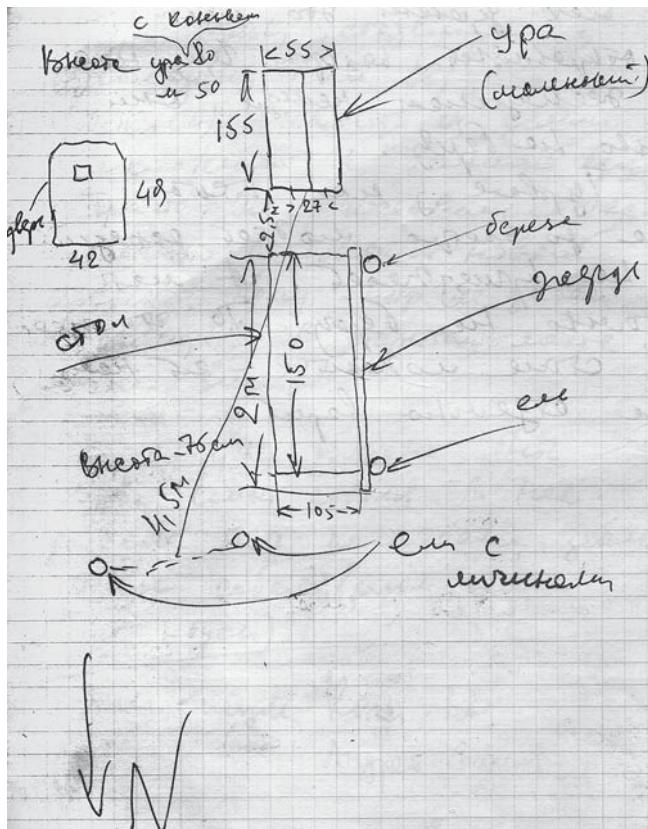

Рис. 153. Схема расположения объектов на священном месте *Каль-нёхос* и *Тулам-ур-ойки*.

глаза не обозначены; подбородок плоско срезан и выступает вперёд. Плоскости лба и подбородка параллельны друг другу. Руки показаны в виде выступающих обрубков, туловище под треугольной формы, стёсано с двух сторон таким образом, что впереди выступает «гребень». Голова сзади была «обернута» металлическим блюдцем с восточным по характеру рисунком. Одета фигура в несколько истлевших кусков ткани. Предварительно её завернули в лоскут синего цвета. Длина 36 см, макс. ширина головы 10 см, туловища 8 см. Толщина 0,5–3 см.

Вторая фигура (больших размеров) выполнена из одежды различных (в т.ч. тёмных) цветов.

Помимо этого сохранились два полусгнивших 4-х польных ялтын-улама (красно-чёрный и зелёно-малиновый) и почти истлевшие клиновидные шапки из сукна. Здесь же – серебряный позолоченный сосуд-солонка конца XVIII в., две медные ложки. Рядом в туесах из бересты – матерчатые приклады.

В заброшенном доме, на норме, напротив входа – круглая берестяная коробка. В ней кусок оленевого меха. На нём – иттерма. Фигурка сделана из ткани, монеты внутри головы. На фигурке несколько платьев и малица (рис. 154, 155).

Рис. 154. Деревянная фигура духа-покровителя.

Рис. 155. Жертвенное покрывало.

ХАЛПАУЛЬ

Сумъях Пеликовых. На норме напротив входа один на другом два чемодана. В одном из них 7-ми полный ялпын-улама (красно-синий). Там же, в узелке красной ткани, серебряное блюдце (без рисунка), на дне которого [лежит] вырезанное из бересты изображение коня. В чемодане же завёрнутые в серебряную фольгу, вырезанные из бересты изображения коня (1 шт.) и лягушек (3 шт.). Там же, в чемодане, связка красных лис-прикладов.

В другом чемодане – арсыны. Кроме того, в целлофановом мешке – красно-синий 4-х полный ялпын-улама и арсыны.

Номин Тихон Иванович

[Его дом расположен на левом берегу в] 30 км выше по С. Сосьве от Хулимсунта (рис. 156). Раньше на Эква-ойка-сос (ручей) такие же идолы стояли, как у вас в книжке нарисованы; от [дома] Т.И. 15 км. Весной там собирались во время нереста. Все собираются, договариваются – кто может выделить оленя, чтобы во время отправки на Урал оставить. Сколько он стоит – на всех раскинут: по 1 рублю, по полтине. Те, кто собираются, договариваются (Ильби-пауль, Ханглас) сколько, но чтобы не 4 и не 5, от 1 до 3 или больше – по 7. Женщинам там можно [находиться].

У Хангласам – Торм-ойка, каждый месяц ходили против новолуния. Коня [принесли в жертву] один раз к Новому году и один раз летом. Остальное вре-

Рис. 156. И.Н. Гемуев с Т.И. Номиным и его женой.

мя просто *тир-ийив* обновляют – *пурлахтын* делают. Осенью обязательно, когда лист падает, старый говорит: «Ребятишки собирайтесь, сегодня не успеем, завтра пойдём». У *Торм-ойки* 7-ми гранный сумъях.

И корову можно [*принести в жертву*], бычка. Это – *пурлахтын-ма*. И женщинам можно, от малу до стару.

В устье Ялбын-я³⁴ святое место. Там выше устья стоят *менкв-ойки* (7 шт.), они сторожат *Воял-ойку* – там самое святое место. Туда женщинам нельзя. Там на новолуние забивают оленей 7 по 7 (49 шт.).

Там живут три дня (ночуют на 1,5 км ниже). Когда туда идут – подкладывают бересту под стельки. 1 марта на новолуние.

Зимой *йир* делают. Туда к *Воял-ойке* только двое старииков подходят, остальные у костра. Туда и с Ломбовожа, и с Воры ходили.

Только одни олени, лошадей, коров – нельзя [*приносить в жертву*]. До 7 по 7. Сверху до Ивдельского района – все едут. Там через два года на третий [*происходит большое жертвоприношение*]. *Воял-ойка* вместе с *Хангасам-най-эквой*. В начале Ялбын-я стоят 27 *менквов*.

Дом Т.И. Номина

В отдельном узле с прикладами – два *ялпын-улама*.

Первый: оранжево-синий, [у всадника] раскинутые [в стороны] руки, внизу – уголок, обрамление мехом соболя. Размеры 76×63 см, 4-х польный.

Второй: красно-чёрный, 4-х польный, мех соболя. [У всадника в одной руке] откинута плеть. [Размеры] 70×63 см.

В сундуке с прикладами – антропоморфное изображение из ткани. *Няйс-тальях-ойка-пыг* (*Няксимволь-отр-пыг*). Тулово охвачено шапкой-накидкой оранжево-голубого цвета с изображениями *Мир-сусне-хума*. Шапка имеет 4 угла, стянутые в середине. На груди привязано кольцо. Под ним привязано металлическое блюдце. Шапка обрамлена мехом соболя. В центре шапки – кисточки с колокольчиками.

Сама фигура (без накидки) из кусков ткани, сверху бордовый платок, а к нему голубыми лентами привязано блюдце, [костяное] кольцо. К кольцу привязаны медный топорик и значок со львом (оба на цепочках).

Там же, в сундуке, *Хангасам-най-эква – Щань-ави*. Антропоморфное изображение из ткани. Привязано двумя поясами. Жёлтыми лентами у шеи, к лентам привязано блюдце (медное, лужёное): в середине – олень, по краям – охотник с луком, два животных, между ними – три розетки. Нижний пояс из 2-х низок бус (к жёлтым лентам с двух сторон привязаны-одеты кольца). И там же – параллельно жёлтым лентам – полосы из бисера.

Шапка оранжево-жёлтая, из восьми элементов. Вверху 4 клина, понизу – тулья из 4 элементов продольных (прямоугольных). В тулове внутри есть ещё красная лиса. К кускам ткани привязаны колокольчики.

В сундуке же – *Отр-пыг*. Бронзовая фигурка всадника в кивере, с саблей на боку, попирающего змея. У змея голова спереди и сзади.

³⁴ Речь идёт о р. Ялбынья – левом притоке Северной Сосьвы выше Хулимсунта.

Там же ножи в ткани – Чохрынь-ойке.

Процедура [выноса и размещения культовых семейных атрибутов на малом святилище]: хозяин воткнул под притолокой нож (*катай*), а на пороге должен был лежать топор (не положил). После этого достал с пубы-нормы, находящейся в левом переднем углу (возле неё висят две иконы), сундук и два лежавшие на нём свёртка-узла. Впереди несли сундук, за ними узлы. Выйдя из дома, пошли вокруг него по солнцу. К святилищу (*мань-кан*). Туда предварительно принесли оленему нарту. На передок нарты поставили помост из досок. На него положили узлы. Хозяйка окурила [сундук и узлы] чагой. Хозяин принёс и положил *тир-ийив*. После этого открыли сундук и подняли фигуры [духов-покровителей].

Уносили всё обратно тоже по солнцу в дом (через другую калитку). Так же и нарты. После укладки на место хозяин вытащил нож (рис. 157–167).

Торум-ойка (Мир-сусне-хум)

Торум жить стал. Пора ему жениться, а ему *Торум-щань* совет даёт: «Тебе жениться – в жёны Луны дочь – Этпос-ай». Большую-малую свадьбу играли.

Дом у него приличный – золото, серебро, камни.

Кирт-нёлл-эква хочет заменить его жену на свою дочь. Она заколдовала, её средняя дочь вместо Этпос-ай осталась.

Торум-ойка жизнь на земле восстанавливает, всё выпускает живое на землю. *Ёлы-махум* (земные люди).

Жена говорит: «Что ты делаешь?»

Он говорит: «Своё дело делаю: живое выпускаю, жизнь восстанавливаю».

Она говорит: «Мне дом не нравится из золота, ты сделай дом из костей животных и птиц».

Он послушал, дверь открывает.

«Прошу, – говорит, – всех зверей и боровых птиц ко мне, всех в железную ограду буду закрывать».

Все пришли – лоси, олени, птицы, до самого малого рябчика. Только совы нет. Сам *Торум-ойка* сел в последнюю комнату, где у него вся вера, и жену зовёт. Она не хочет. Ну, ладно.

Сова прилетела, на подоконник села, голову по солнцу развернула и говорит:

– Ты из наших костей дом делать хочешь, а чем люди будут жить? У тебя этот дом хороший, век будет стоять. А из моих костей дом слабый, угол слабый, завалится, и дом свалится. Кто тебе такой совет дал?

– Жена.

– Ты её за косы тащи и на землю брось.

Он всех зверей выпустил. Жену тащит.

– Что, муженёк? У нас сын будет, и дочь будет, и кто я на земле буду – от сына, от дочери узнаешь.

В лесу живёт старшая сестра *мис-хумов* (их семь братьев). Однажды смотрит – много мусора накопилось, стала убирать, нашла два щенка и *аккань*. Она поставила в доме *аккань*, *арсын* на шею надела. Вдруг из лесу голос: «Это тебе Бог послал, ты храни, если можешь, тебе счастье будет, от них жизнь узнаешь и спросишь».

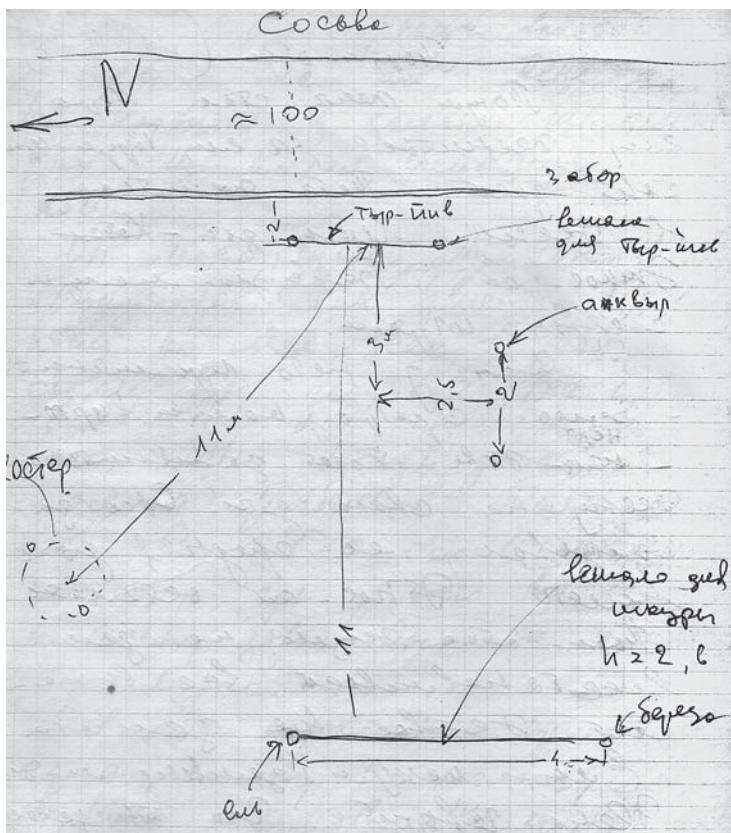

Рис. 157. Схема расположения объектов на малом святилище.

Рис. 158. Шапка для духа-покровителя.

Рис. 159. Жертвенное покрывало 1 и его вывешивание на горизонтальную жердь.

а

б

Рис. 160. Жертвенное покрываю 2 и его вывешивание на горизонтальную жердь.

Рис. 161. Т.И. Номин у вывешенных жертвенных покрывал.

Рис. 162. Диалог Т.И. Номина и И.Н. Гемуева.

Рис. 163. Хангласам-най-эква.

Рис. 164. Фигура Няйс-талях-ойка-пыга в накидке и без неё.

Рис. 165. Богатырский шлем *Няйс-талях-о́йка-пыга*.

Рис. 166. Фигуры духов-покровителей на фоне жертвенных покрывал.

Рис. 167. Отыр-пыг.

В дом заходит: вместо кобелька – мальчик лет семи, вместо сучки – девочка, вместо куклы – женщина. *Мис-нэ* здоровается. Они не отвечают, головой кивают.

Женщина говорит: «На земле будут люди жить, и будут пубы их охранять. А эти дети взрослыми будут. А я пока прощаюсь. Я в земле буду – *Торум-щань*». Сестра приходит: «Отдай девочку». Отдала.

Сын растёт. Старуха ему лук и стрелы сделала (он – *Эква-пыриц*). Она ему говорит: «Далеко не ходи».

Он говорит: «Ты мне с выdry лыжи делай».

«Ладно, сынок». Сделала.

«Бабушка, утром рано чуть свет я потренируюсь». – «Далеко не ходи».

За дом по широкой дороге пошёл. Лыжи хорошо катятся. Шёл, шёл. «Ладно, пойду обратно. И своей матери-бабушке скажу: может 2–3 дня не буду, пусть не ждёт». Пошёл, сказал.

– Не надо по этой дороге.

– Как не надо, ты знаешь – кто я? Я – сын Бога, *Эква-пыриц*, *Торум-пыг*. У меня сестренка. И наша мать, которую ты нашла в земле. Главная будет. И я по земле пойду, посмотрю, что там находится. Через три дня или в конце недели приду.

Назавтра собрался, пошёл. Покатил вниз. Слева озеро, справа лес лиственничный. Там дом большой. «Надо туда в гости сходить». Подходит.

Навстречу *Ялпын-уй*. У них языки – как копья. Он говорит: «У этих *Ялпын-уй* хозяин есть?»

Самый большой *Ялпын-уй* говорит:

– Ты кто?

– *Торум-пыг*.

– Что надо?

– Кто здесь живёт?

– Семь *мис-махум*. Сейчас я схожу.

Пришёл. Говорит своим *Ялпын-уюм*: «Не трогайте его».

Эква-пиршиц подошёл к дому, лыжами друг о друга постучал, говорит: «Если б захотел богатырь-мастер, от них (лыж) только щепки полетели бы».

Троє братьев там сидят. Говорят: «Какой-то смелый к нам пришёл». Он заходит, поздоровался. Сел. Средний брат спрашивает:

– Ты откуда?

– Я *Торум-пыг*, пришёл в гости и по делу.

– Сейчас братья придут, ты узнаешь результат.

Заходят братья. Поздоровались, разделись. У одного на конце лука лось, у другого – олень, у третьего – глухарь. Положили добычу на *вит-норму* (а там осётр, нельма, муксун).

Эква-пиршиц говорит:

– Вы чем занимаетесь?

– Мы каждый день считаем зверей в лесу и рыб в реке.

– Да вы наказаны моим отцом, а я его сын. У вас карты есть? Давайте играть: если я первый вздремну – в будущем веке вы мою должность займёте, будете людьми руководить. Если вы вздремнете – я вашу должность займу.

Играют неделю, он вздремнул. Младший заметил, говорит:

– Ты вздремнул.

– Нет, я думу думаю.

– О чём?

– Вам проверить надо: сухостоя или живых деревьев больше, и воды или земли больше?

– Ты пока не спи.

– Я буду карты тасовать.

– Мы согласны.

Они там мучаются, ходят. Он отдыхает, ест. Слышит – подходят. Стал карты тасовать. Слышит их разговор:

– Эква-пиршиц прав, у него большая голова: сухостоя в семь раз больше, чем живого леса, а воды больше, чем земли.

Заходят. Он тасует.

– Ты вари.

– Мне некогда, работаю.

Старший назначил младших готовить. Сели.

– Ну, кто прав?

– Ты прав.

– Ну, что решать будем?

– Как ты решишь.

– Здесь будут люди. Вы к ним не касайтесь.

Они согласились. Он им сказал:

– Можете быть по лесам. Боговеры вас прославлять будут.

– Ладно.

Эква-пырищ пришёл домой.

– Долго ходил сынок.

– Сейчас прощаться будем. Где моя мать и сестренка?

Он взял чагу, на нож насадил, качает, гадает, шаманит. Вдруг приходят сестра и мать – Этпос-ай.

Мать ему говорит:

– Ты скоро к своему отцу встречаться пойдёшь, что ты ему скажешь?

– Кроме хорошего, я ему ничего не скажу.

Эква-пырищ спрашивает:

– А сестренка кем будет?

– С сегодняшнего дня люди образуются. Её будут в доме держать, меня нельзя. Я – Щань. А тебе название – Эква-пырищ. Землю будешь обслуживать и отцу не подчиняешься, и чтобы он знал. В земле будут Щань, Торум-пыг, Воял-ойка, другие пубы. К отцу придёшь, скажешь: «Щань просит название Воял-ойке». В земле люди молиться им будут. У Воял-ойки трёхгранный посох будет.

Они разошлись.

Щань говорит: «Ты с людьми строго, чтоб они подчинялись. Раньше Богу, а теперь тебе. А я – Щань. Тебя дома можно держать и сестру, а меня нельзя. Мис-хум тоже можно дома и Мис-хум-ай. И Мис-хумов в лесу будут ставить, им на охоте пурлахтын будут делать.

Эква-пырищ полетел к Торуму. Торум сидит, думает: «Кто-то ко мне в гости едет». Во дворе столб поднялся золотой. У него конь чёрный, стоять не может, с копыт искры. «Кто такой, ведь я один бог, кто же это, встретить надо». Выходит, чуть на колени не падает.

Эква-пырищ говорит:

– Ты меня узнаешь? Ты на камни не падай, суставы скрепи. К тебе можно зайти?

– Пожалуйста.

Заходят, садятся. Там один дорогой мех.

– Ну, отец, ты знаешь, что сделал? – И всё ему рассказал.

– А где жена моя, Этпос-ай?

– Она на земле, там останется. А я буду людьми командовать. Ты больше людей не касайся. Мы не всегда будем. Другой век будет, всё сгорит, потом другой век будет – другие боги будут.

ХУЛЮМ-СҮНТ

Пуксиков Николай Алексеевич

Культовое место Торум-ойка (Мир-сусне-хум)

Приблизительно в 3,5 км от устья Хулюма вверх по Хулому. Левый берег. От берега вглубь леса ок. 1 км на Ю-В. Еловый бор.

Семигранный сумъях (*сат-урпа*). Маковка также *сат-урпа*. Днище из 7 досок. Над дверью нарисованы солнце и месяц. Внутри, за кучей *арсынов*, сам *Торум-ойка*. Основа – стрела с вильчатым наконечником. Обернута несколькими слоями

ткани. На стреле надета шапка из 4-х клиньев синего сукна, с 3-мя оранжевыми разделительными полосками. Сверху вниз шесть рядов аппликации из оранжевых треугольников. Ещё одна шапка – остроконечная – 4 бордовых, 3 синих клина.

Сат-урпа подвешен за маковку к перекладине, лежащей на 2-х развилках. Перекладина опирается на два дерева. Дверь приставная, закрывается на специальную палочку внизу.

Рядом с *Торум-ойкой* – малое блюдо чеканной работы, серебряное, позолоченое, со львом в середине. Там же бляха с граффити – изображение человека с копьем и саблей – это *Торум-ойка*. Оружие (копья) – дома у Пуксикова.

В *сат-урпе* несколько моделей луков – подарки-приношения по случаю рождения сыновей. Там же стаканы, ложки.

Сюда можно только мужчинам, девочкам и «чистым женщинам».

Раньше [амбарчик] стоял на Ялбын-я. В кон. 1940-х гг. отец Н.А. Пуксикова перевёз сюда, чтобы не только мужчины могли посещать, нельзя абсолютно снохам.

На этом месте напротив *сат-урпа* забивали оленей. Шкуру расстилали на снегу, оставляли на ночь, часть мяса также, а первую половину (пол-головы, пол-сердца, пол-языка, часть мяса) [*съедали*].

На второй день приезжали, варили остальное мясо, остатки забирали домой. Дома можно есть сырое мясо – здесь нет. Нельзя и кровь пить. Это место не Пуксиковых, все могут ходить, кроме беременных, снох, менструирующих. После возвращения в *пауль* (идти обратно нужно тем же путём, что и пришли сюда) гуляют у хозяина. Другой потом может пригласить.

Приходили сюда зимой и летом. Кроме того можно, «если надо», т.е. если болеешь и т.п.

После прихода сюда хозяин взял семь еловых веточек, поджёг их от костра и положил под *сат-урпа*. Потом открыл дверь, вытащил *арсыны* и перед *Торум-ойкой* сказал о причине прихода. Потом была поставлена водка. Потом взяли бутылку и выпили из одного стакана по кругу (солнцу). Потом выпили несколько капель в костёр.

Блюдце я выкупал у *Торум-ойки*. Положил в блюдце несколько монет (три) серебряных (советских). Хозяин сбросил их в сумьях – покупка состоялась (рис. 168–174).

Домашние фетиши Н.А. Пуксикова

Алкадьев Мих. женат на сродной сестре, на новолуние приносит *арсыны* каждый год.

Колын Аки – Отр-пыг. Выполнен из ткани. Голова сверху заканчивается (верхний слой) красным с цветами платком. Шея туго стянута полосками ткани. Оставшиеся концы материи – тулово. Одеты рубашки, сверху – халат из голубого шёлка с красной пришитой полосой по рукавам, бортам и подолу. На голове – остроконечная шапка из 2-х зелёных и 2-х бордовых клиньев. Тулья зелёная. Шапка обрамлена мехом соболя. Фигура под халатом стянута тканым поясом. В том же мешке – блюдце металлическое на шнуре-пояске, в том же мешке – *арсыны*. Мешок этот хранился у стены, противоположной входу на чердак, в правой части, рядом – чага.

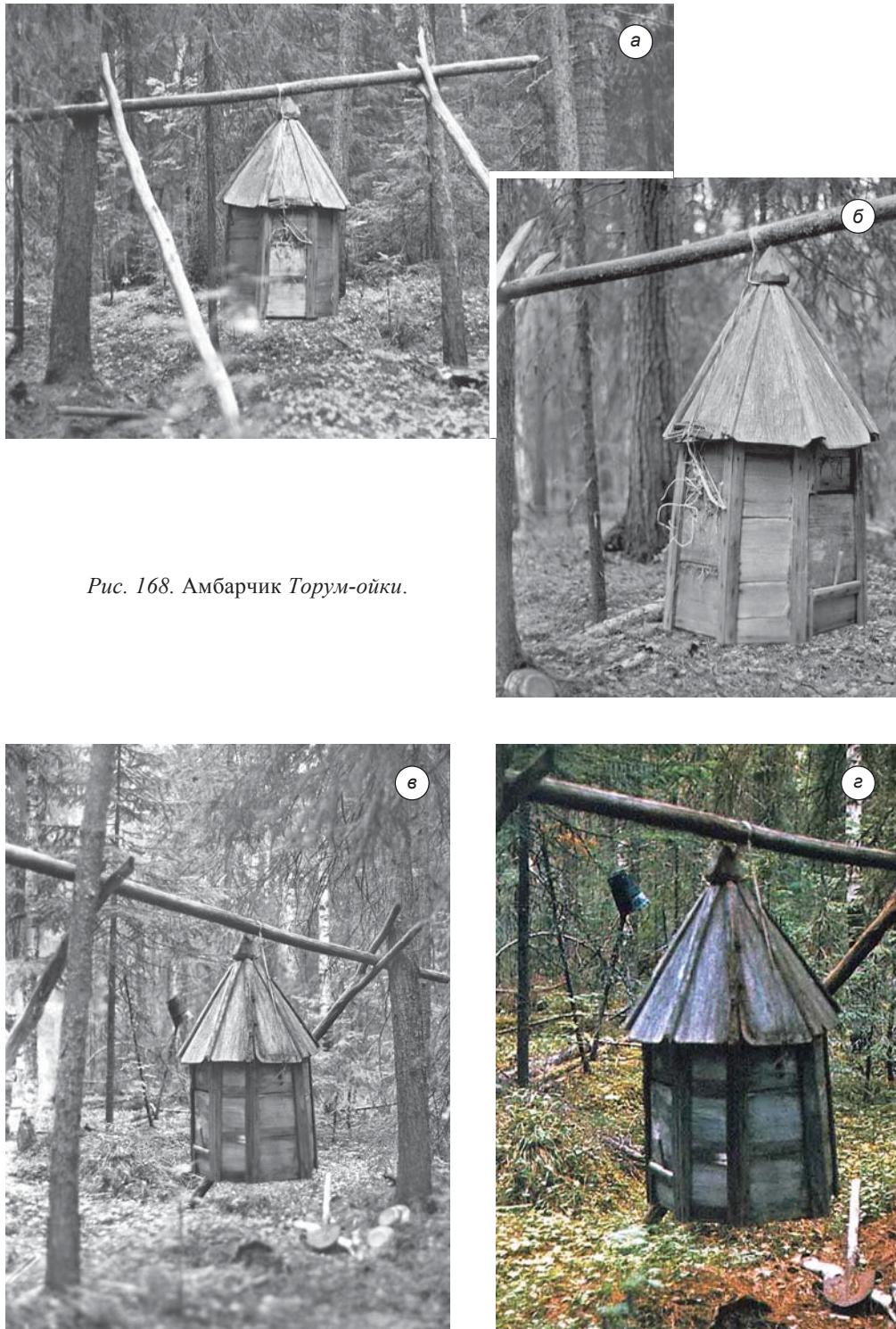

Рис. 168. Амбарчик Торум-ойки.

Рис. 169. Детали конструкции амбарчика *Торум-ойки*.

Рис. 170. *Торум-ойка*.

Рис. 171. Вотивные деревянные луки.

Рис. 172. Серебряная круглая бляшка с изображением воина.

Рис. 173. Н.А. Пуксиков (слева) и И.Н. Гемуев (справа) у священного амбарчика.

Рис. 174. А.В. Бауло у священного амбарчика.

Слева от этого мешка – ещё два. В одном *арсыны*, в другом *арсыны и ялтын* (сине-бордовый, 4-х польный, с двумя колокольчиками + шапка сферической формы красно-оранжевая). Этот фетиш родители всегда возили с собой, в том числе и на перекочёвках на Урал. В отдельных чистых нартах. На нарту [*фигуру духа*] укладывал отец.

На *пубы-норме*, в мешке, два богатырских шлема: бордово-зелёный с забралом, сине-зелёный без забрала с 7-ю колокольчиками, там же красно-синий 4-х польный *ялтын-улама*.

Каждый из шлемов имеет 4 поля с *Mir-sусне-хумом*, у сине-зелёного – наверху две птицы, у другого – зооморфная фигура.

В Кимкъясуе *койп* – Гындыбин Владимир, Секов Владимир.

У П.С. Таратова – *Волья-ялтын-щань* по Волье 30 км + 45 км по Ялбынь-я (рис. 175, 176).

Верхнее Нильдино, Таратов Пётр Сергеевич

Эква-пыриц

Богатых три мужчины пришли. Эква-пыриц говорит: «Три мужчины пришли». Чай заваривает:

– У нас совсем женщина ленивая, самовар сам варит.
– Ну, продай нам его.
– Ты что, у меня бабушка старая, не может чай варить. Ну, ладно, давай 300 рублей.

Взяли.

Они говорят: «Мы на охоту пойдём, придём, он кипеть будет, чай».

Охотились. Приходят – он не кипит. Они приходят, ругаются. А он с бабушкой договорился, наполнил кровью горло, бабушке привязал к горлу. На неё ругается, потом ей в горло ударили, кровь.

ТЕТРАДЬ № 2 ЗАПИСИ А.В. БАУЛО

9 июня

После обеда еду в Академгородок. На входе в институт встречает Измаил, которому палеонтолог Н.Д. Оводов помогает выносить вещи из подвала. Втroeем тащим лодочный мотор «Вихрь-30» с электронным запуском (в упаковке). Тело без энтузиазма начинает мучительный процесс привыкания к «мышечной радости». Пытаемся понять, что из выданного со склада можно оставить в Новосибирске: убираем лишнее мыло, половину пакет с медикаментами. Два рюкзака, выочный фанерный зелёный ящик и мотор загружаем в машину, едем в город, долго плутаем по нему и к четырём часам вечера достигаем багажного отделения вокзала. Оформляем отправку мотора багажным поездом до Омска и сдаём рюкзаки в камеру хранения.

Маршрут следующий: из Новосибирска доеzzаем поездом до Омска, а там – на теплоходе пять суток по Оби до Берёзова, где хранится наша лодка.

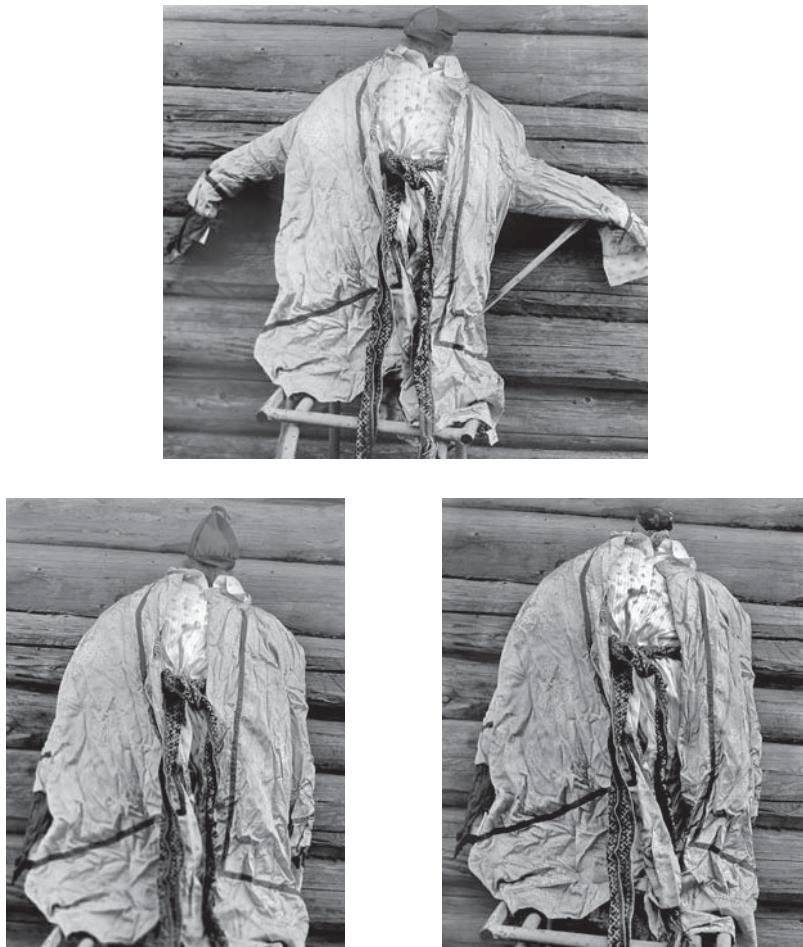

Рис. 175. Колын-аки.

Рис. 176. Богатырский шлем.

11 июня

Поздно вечером выезжаем на поезде из Новосибирска.

12 июня

Рано утром прибываем в Омск. Увы, багажный поезд, пришедший ночью, мотор не привёз. А в шесть часов вечера от пристани отходит теплоход «Чернышевский», и следующая оказия будет только через пять дней. Вариант один: ночевать в Омске с надеждой на приход мотора, утром на скоростной рейсовой «Ракете» догнать ушедшего теплохода. Ночуем на вокзале в комнате отдыха на десять коек, правда и плата за место 1 рубль. Храп соседей и гудки поездов за окном.

Днём у Измаила был настолько сильный приступ язвы, что он не мог идти. Жуткая жара.

13 июня

Встали затмно, в половине пятого. Пришёл поезд и привёз мотор. Попутных машин не было, уговорили водителя пустого автобуса отвезти нас на причал. Отправившаяся вниз по Оби «Ракета» уже после обеда обогнала «Чернышевского», который к тому же опаздывал на два часа к нашей пересадке в Знаменском. Жара исчезла, и пошёл дождь. Поселились в двухместной каюте, ужинали в ресторане теплохода, приняли душ и легли спать.

14 июня

Рейс Омск – Салехард, народу немного. Единственное развлечение – редкие остановки: вооружившись сетками и авоськами, пассажиры наперегонки бегут по местным магазинам. В Усть-Ишиме богатый книжный магазин, запасаемся чтивом. На пристани Малые Бичи ужинаем в поселковой столовой: дешевле, чем в ресторане на теплоходе. Посёлок навевает грусть своим пустынным видом: рядом с пыльной дорогой ковыляет узколейка, неподалеку располагается депо с карликовыми локомотивами и вагончиками, которые перевозят брёвна к берегу.

Можно сидеть на палубе, погода чаще солнечная. Иртыш и его берега однобразны, повсюду бескрайние луга. Редкие деревни, унылые, как Малые Бичи.

15 июня

Утром прибыли в Тобольск. Поднялись по лестнице в Кремль. В нижней части города несколько соборов стоят в строительных лесах, остальные – в плачевном полуразрушенном состоянии. На территории Кремля наконец закрыли тюрьму. Пошёл сильный дождь.

16 июня

Ханты-Мансийск. Столовая закрыта. Купили газеты и немного провизии.

17 июня

Вечером пришли в Берёзово. Мотор оказался завален мешками с картошкой, пришлось спешно их раскидывать.

Город мало изменился с моего последнего приезда четыре года назад. С трудом устроились в гостинице «Берёзка», зато в 2-х комнатном номере. Из-под края бешено бьёт ржавая вода. На улице полно пьяных, угрюмо разъезжающих в кузовах грузовиков. Настроения это не прибавляет. Зашли в гости к Андрею Каневу. Он переехал от родителей, женился и ждёт ребёнка. Пили чай с вареньем из голубики и морошки. На улице комары, пришлось надевать штормовку.

18 июня, воскресенье

К 12 часам дня пошли в сквер на концерт Югорского фестиваля. Интересная выставка прикладного искусства, цены высоки.

Держатель для люльки (ханты) – *Онтуп-каталахты-юх* (люлька-держатель-дерево). Изготовил Аликов Алексей Андреевич. Из кедра. Подвешивается на специальный крюк из железа под потолком. Вешает мать вместе с люлькой. Ребёнок вырастает, и мать убирает.

Отец хотел, чтобы у него родился сын, потому и погремушек сделал по 5, как для мальчика. А родилась дочь. Хранит эти вещи Новьюхова Анастасия Алексеевна в д. Теги Берёзовского района (рис. 177).

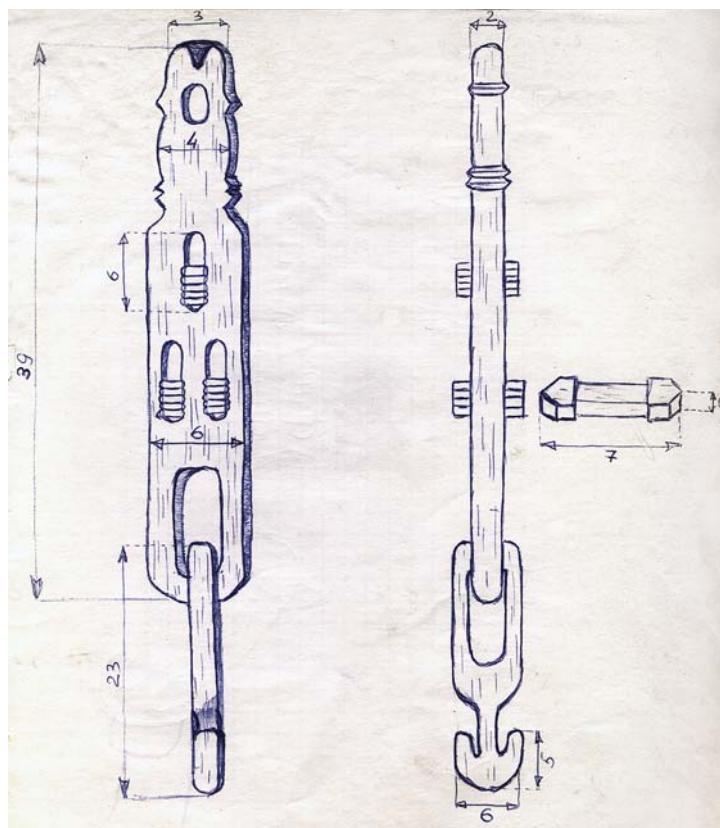

Рис. 177. Деревянный держатель для люльки.

Обедали в столовой аэропорта, наредкость невкусно и грязно. Рядом магазин, в котором можно купить повидло. В других магазинах сахара или повидла нет.

Пошёл дождь. Погода здесь меняется быстро, тучи прогоняют ветер. Разгадываем в номере кроссворды – единственное развлечение.

19 июня

По-прежнему в Берёзово. Вечером несколько раз менялась погода. После семи вечера небо затянуло, думали, что до утра. Но в половине девятого уже светило солнце. На машине заехал Андрей и отвёз на пристань. Распаковали новый мотор, поставили на чью-то лодку для проверки, и он заработал с первого нажатия кнопки. Не верится, что не нужно истово дергать шнур и отбивать пальцы.

20 июня

Утром пошли к дому родителей Андрея, где под открытым небом вверх дном хранится наша лодка. После четырёхлетнего хранения в носовой части выпало несколько клепок, пришлось заняться мелким ремонтом.

После обеда привезли лодку на пристань и до шести вечера устанавливали на неё мотор, всё время что-то не получалось. В итоге и мотор порядком не сделали, и бензином не заправились. Ужинали макаронами по-флотски в столовой плавсостава на дебаркадере.

Наш дальнейший путь лежал вверх по Северной Сосьве. Первые триста километров предстояло пройти на теплоходе «Платон Лопарев». С капитаном теплохода мы были хорошо знакомы, поэтому ещё до начала посадки нам представили двухместную каюту – узенькую маленькую комнатку с двухъярусными кроватями. Лодку подняли на корму теплохода.

Как только Берёзово скрылось из виду, прозвучали короткие звонки – сигналы тревоги на судне. Три пьяных мужика перевернулись на «Казанке» и барахтались в воде. Все были в спасательных жилетах, весело кричали, тут же из воды выглядывал нос лодки.

Пора спать, хотя полярный день и жара не очень к этому располагают. Поначалу всегда трудно привыкнуть к тому, что темноты не будет, ждать её бесполезно и нужно пытаться заснуть.

21 июня

Идём на «Лопареве» вверх по Сосьве. Прямо посреди реки словно уселился лохматый зелёный пудель – так причудливо на острове разрослись ивы. Частые повороты реки создают ещё одну иллюзию. После одних поворотов явно ощущается наклон под гору, после других – столь же прочная уверенность, что едешь вверх, и это при движении в одну сторону. Удивительное состояние, когда лодка поднимается против течения, но движется вниз: вода устремляется навстречу, словно из низины. Заметно и то, что одни и те же места по берегам реки смотрятся по-разному в зависимости от того, едешь ли ты вверх или вниз по реке.

Сидел на верхней палубе, погода была хорошей, но за полчаса до прибытия в посёлок Сосьва сыпался жуткий ливень. При подходе к берегу ливень

уменьшил свои порывы, но выгружались в плащах. В этом году нам дали плащи от комплектов для гражданской обороны и вид, безусловно, у нас был странный.

На ночь устроились в клубе, в кабинете заведующего, на полу. Вещи с лодки и мотор занесли сюда же. Посёлок стоит на высоком берегу, и к клубу ведёт крутая лестница.

Перед сном немного выпили – за начало полевого сезона. Голова гудела, донимали комары, пришлось ставить полог; спал плохо. Мало того, что белые ночи, ещё и самый длинный день в году.

22 июня

Встали в восьмом часу. Измаил пошёл относить ключ от клуба, а я занялся обратным перетаскиванием вещей на берег. Ходить туда-обратно было лень, поэтому спальные мешки и лодочные сиденья сбросил с обрыва вниз. Требовался определённый расчёт для того, чтобы мешок по глянциальному откосу не летел, а съезжал и ловился стоящими внизу канистрами. В случае промашки поклажа могла улететь в воду.

Утро было солнечным, сидел и грелся в лодке. Уже к одиннадцати часам небо нахмурило, и пошёл небольшой дождь. Заправили бензином шесть канистр и два бака, всего 160 литров. Провозились с этим до трёх часов дня, взяли провизии в магазине, выпили по банке концентрированного молока и двинулись в путь – по Северной Сосьве на своей лодке.

До ночи прошли 165 километров, это – настоящий праздник для меня, люблю водить моторную лодку. В 1985 году мы поднимались только до посёлка Верхнее Нильдино, от Сосьвы это 90 километров. Сразу после Нильдино пристали к берегу и поужинали. Топор у нас украли с лодки ночью в Сосьве, пришлось обламывать ветви тальника руками; забыл купить соль; короче, начало оказалось не совсем удачным. Отварил ракушки, добавил банку тушёнки, на закуску было припасено лечо. Бутерброды с маслом, конфеты «Буревестник» и чай. С продуктами в магазинах в этом году кризис.

После ужина пошёл дождь, но решили ехать до сумерек. Вытащили плащи, накинули на головы капюшоны и двинулись дальше. Дождь был теплым и не мог испортить радости от передвижения по воде.

Где-то после одиннадцати часов вечера заметили по правому берегу несколько домов, это была деревня Менкв-я-пауль (деревня на реке менков – лесных духов).

На берегу стояло пять домов, в том числе один старой постройки, без чердака, с остатками чувала, традиционным интерьером – нарами вдоль трёх стен. Постоянно в посёлке никто не живёт, дома используют для выезда на охоту или рыбалку жители Хулимсунта, расположенного в 25 километрах выше по реке.

Теплый вечер и сырость только что закончившегося дождя – раздолье для комаров.

В ближайшем от реки доме оказался хозяин – Владимир Алкадьев, человек лет пятидесяти; впрочем, возраст мансиских мужчин угадать сложно, обычно они выглядят старше своих лет. Владимир был заметно обрадован гостям, поскольку кроме собак и поговорить уже давно было не с кем. Просидели далеко за полночь, рассказали о наших планах; хозяин обещал утром сводить на местное святилище.

23 июня, пятница

Встали около десяти часов утра. На улице уже неимоверно пекло солнце, даже комары куда-то попрятались. Небо синее, ни облачка. Яркая зелень леса и травы, спокойное течение реки.

Взяли с собой фотоаппараты, чай, банку консервов, рефтамид от комаров; поехали на нашей лодке. Деревня стоит на полуострове: с одной стороны её берег омывает Северная Сосьва, с другой – старица Менкв-я-урай. Перебираемся на другой берег старицы, метров сто идём по лесу. И вот мы на месте. На небольшой поляне – три амбарчика: два стоят, а третий упал от времени. Амбарчики стоят каждый на высокой опоре, конёк крыши завершается вырезанной головой животного, скорее всего, оленя.

Торопиться не принято. Собрали сучья (ломать ветки здесь нельзя), разожгли костёр, поставили чайник. Старик приставил к крыльцу амбарчика лестницу – бревно с выемками для ступней, убрал дверцу, вытащил стоявшие внутри рюмки и чашку с чагой. Перед нами было жилище поселкового божества – *Мис-хумойки*, который проживал здесь с женой *Мис-не* и сыном *Пырищем*. Они относятся к категории лесных духов. Фигуры сидели у задней стенки амбарчика. Они были вырезаны из дерева, в глазницы вставлены серебряные монеты, на мужских фигурах надеты рубашки, халаты и островерхие шапки, на *Мис-не* – рубахи и на голове платок. В двух других амбарчиках хранились мешки с жертвенными дарами: платками и шкурами лис, стоял небольшой сундучок, изящная деревянная коробка с ключиком,rossыпи монет, среди которых серебряный рубль 1765 г. и полтинник 1898 г.

Такие места раньше были у каждого селения и даже не одно. Проходящий мимо них человек должен был положить что-нибудь в подарок духу. Дважды в год здесь собирались мужчины посёлка и приносили в жертву *Мис-хуму* лошадь, олена или бычка.

Вернулись в посёлок обратно уже к вечеру. Жара не спадала. У реки в траве буйствовали комары. Дождя не было. Остались на ночь.

24 июня, суббота

К обеду доехали до Хулымсунта. Начинает сказываться жаркое засушливое лето – вода в реке стремительно падает. К посёлку было трудно подойти – сплошные песчаные косы и мели. К берегу гребли на вёслах, мотор было жалко мучить. Он и так барахлил, вода в системе охлаждения бежала жиidenькой струйкой. Как на зло, подошёл какой-то местный мужик и попросил отвезти его на противоположный берег. Измаил повёз, они быстро застряли на середине реки, систему забило песком, и вода прекратила идти. Без охлаждения работающий мотор сгорит.

Вечером разбирали мотор – сначала вдвоем, потом пришли два мужика «под мухой», но всё без результата.

Измаил чувствовал себя плохо, ушёл спать, на пару с местным водителем автокрана мы перебирали мотор до 4-х утра, благо было светло. Водитель правил свой мотор и параллельно консультировал мою дебютную работу. Работали в балке, так как на улице безжалостно нападали комары. Было душно, ходил за колодезной водой по солнному посёлку.

25 июня, воскресенье

Ночь прошла на берегу. Поставили полога и спали, пока жара и слепящее солнце не заставили вылезти из спальных мешков.

Поставили на лодку собранный мотор: увы, вода так и не пошла. Попробовали его на ходу и чуть не сожгли мотор. Разбирали глушитель трижды, снимали крышку цилиндров, везде был песок. Снова и снова бесконечные советы добро-желателей. В итоге, позвали на помошь признанного специалиста А. Мурцевого, и мотор заработал.

Был уже вечер, когда мы выехали дальше. Следующая остановка – устье р. Тапсуй, от Хулимсунта это 100 км. Через 30 км прошли жилище старика Тихона Номина. Пока смотрели на его постройки, налетели на перекат, но кончилось удачно – только сбитый шпонкой винт. Это был грозный знак, но мы его не поняли, ибо такого ещё не встречалось в нашей практике. По-прежнему неслись на полной скорости и к полуночи налетели на второй перекат – вновь снесли шпонку винта. Заменили и тут же опять снесли. Начало темнеть, стало холодно, в довершении перестал заводиться мотор. Решили не мучиться и пристали к берегу. Узкая песчаная отмель с редкой травой и без единого дерева. Еле набрали веток для костра и поставили чай. Полога пришлось крепить к воткнутым в песок вёслам. Легли спать уже в три часа ночи.

26 июня, понедельник

Уже через два часа пошёл дождь, но быстро прекратился. Палатку мы, ввиду экономии места и веса, наивно оставили в Новосибирске. Накрылись плащами и продолжили спать. В девять утра дождь пошёл энергичней, небо затянуло, конца этому не было видно, пришлось вставать и мокнуть стоя. Где-то через час выглянуло солнце. Чистили жиклеры в карбюраторе. Когда мотор завёлся, первые километра два ехали со скоростью пешехода. Дно каменное – опыта никакого. Мужики в Хулимсунте уверяли, что нам не доехать, угробим пару винтов и пятьдесят шпонок...

С этого дня мы надолго забыли, что такое скорость. После 16-ти часов остановились на косе, хорошо продуваемой ветром. На ней с весеннего половодья осталось большое дерево и его сучьями мы развели костёр. Постирали белье, просушили спальники. Отдохнули и не спешили, т.к. чувствовали, что Усть-Тапсуй близко (рис. 178, 179).

Добрались до него к вечеру. Раньше здесь был большой посёлок, место удобное – р. Тапсуй впадает в Северную Сосьву. Живёт одна семья – отец, жена и сын-школьник. С лаем выбежали собаки – четыре больших лайки и традиционный маленький «Петъка». С брошенной им вафли лай прекратился. Минут десять ещё сидели в лодке. Вышла хозяйка в платке, посмотрела на нас и ушла. Уже за ужином она сказала: «Вижу, мужики подъехали, ждём – не идут, наверное, пьют в лодке». Намедни она была в Няксимволе, отмечала День молодежи. «Хорошо выпили – браги ведра три. Потом драка, похоже, была. Кто-то в глаз мне дал, не помню только». Дали неплохо – глаза не видно совсем, всё черно. А у этой женщины – 10 детей, муж полуслепой, за ней не усмотреть. Спали на улице на железных кроватях с пологами. Измаила долго донимал теленок, которому хотелось пожевать спальник.

Рис. 178, 179. И.Н. Гемуев на пути в Усть-Тапсуй.

27 июня, вторник

Проснулись в девятом часу утра от яркого солнца в глаза. День обещал быть не просто жарким, а сущим пеклом. Нещадно ныли сожжёные на солнце лоб и нос. Пили чай, есть в такую жару не хотелось. Недалеко от посёлка находится святилище *Чохрынь-ойки*, которое ещё до войны посетил В.Н. Чернецов.

Вверх по Тапсую двинулись на нашей лодке вчетвером: мы с Измаилом, старик и его сын. Стоит кому-либо из манси сесть за руль нашей лодки, как он тут же начинает давить на полный газ. Уже через несколько минут езды старик со всего маху налетел на перекат, да так, что из-под мотора полетели камни. Как ни странно, ничего не сломалось, и вскоре мы пристали к берегу. Ещё с полкилометра шли по тайге, больше по болоту или проринаясь сквозь невероятные сплетения ветвей и упавших деревьев. Было жарко и влажно, стоял терпкий запах леса, травы, цветов, листьев – всего разом, что-либо выделить было невозможно. Пот лил градом, хотелось сесть или упасть в воду прямо в одежде и с рюкзаком.

Вот и само место. На четырёх опорах – навес, под ним, на ещё одной опоре, привязана деревянная фигура божества с подобием человеческого лица. *Чохрынь-ойку* легко отличить от любого мансиjsкого божества: только ему в подарок приносят ножи. Десятки ножей воткнуты в ствол соседнего дерева, лезвия обернуты лоскутами материи с завязанными в углах монетами. Сходили на прежнее место, оно располагалось неподалеку; помост уже упал, в траве лежали две полуслгнущие антропоморфные фигуры: их лица составляли металлические блюдца 1830-х гг. с изображением Георгия Победоносца.

Обратно двигались почти без сил от изматывающей жары. Ноги покорно проваливались в болото, чавкая, вырывались; шатаясь, мы пробирались к берегу. Старик ошибся и вышел метров на сто ниже по реке. По узкой полоске глины шли к лодке иказалось, что сапоги решили прихватить всю эту глину с собой. Потом долго не могли напиться из реки, мыли сапоги, лицо; по ветерку поехали обратно.

Уговорили старика показать нам его домашних духов, которые хранились в небольшом сундучке на чердаке.

Обедали и после 16-ти часов двинулись дальше, вверх по Сосьве. Через 25 км нас ждал посёлок Нерохи. Этот небольшой отрезок пути мы прошли за 5 часов... Река разлилась широко, сплошные мели, идёшь еле-еле вдоль одного берега, сколько возможно, затем лезешь в воду и тащишь лодку на другую сторону, где глубже.

Дно усыпано мелкой галькой, реже песком. Солнце слепит глаза, разглядеть что-либо впереди трудно. Тащимся, как черепахи. Вода теплая, в ней приятно прыгать и потихоньку идти посередине реки. Бредёшь минут пять, пытаясь понять, куда тащить лодку, чтобы не сделать двойной работы. Мелко везде. Измаил отталкивается веслом. Если становится чуть глубже, хотя бы сантиметров семьдесят, запрыгиваю в лодку, и едем, сколько возможно. В один из таких маневров сел на куртку, в кармане которой лежали часы. Треснуло стекло, обмотал его пластирем, циферблат стало видно с трудом.

В восьмом часу вечера остановились на песчаной косе. Развели костёр и поставили вариться лапшу. Первый раз за лето купались. Необыкновенно приятно в такую жару. Правда, приходилось чаще нырять под воду, т.к. безжалостно налета-

ли слепни. Всюду мелко, редко вода достает до пояса. На большой скорости и перебежками, крича и размахивая руками, мылись, в попытке отогнать слепней и оводов.

Через час тронулись дальше. К Нерахам подходили раза три и всё безуспешно – всюду мели. Видя наши мучения, какой-то мужик подъехал на лодке и крикнул, чтобы мы шли за ним. Не зная русла реки идти очень трудно, поэтому всегда с удовольствием пletёмся в чём-нибудь хвосте. Держишься на расстоянии метров пятнадцать сзади и повторяешь маневры впереди идущего, словно привязанный.

В Нерахах на берегу разговорились со Степаном, он живёт здесь с матерью и сестрой, отец сидит, должен вернуться в этом году. Степану нужно было в Няксимволь, и он предложил свои услуги. Согласились с радостью, ибо идти одним оставшиеся 45 километров – это на весь день. Быстро собрались и в одиннадцатом часу вечера выехали. Степан за рулём, Измаил на сиденье рядом, я устроился на спальном мешке на корме и старался вперёд не смотреть. Было страшно: Степан гнал, будто опаздывал на единственный уходящий поезд. Русло реки петляет, и потому лодка неслась то вправо, то влево, совершая головокружительные зигзаги, с шумом пролетая между огромными, торчащими из воды валунами.

С дикой скоростью налетели на перекат. Мотор прыгал так, словно хотел забраться к нам в лодку. Лопасть винта словно обкусал неведомый водянной зверь. С безразличным видом, словно ничего не случилось, Степан сменил шпонку, и в первом часу ночи, попрыгав по камням, побуксовав в песке, подошли к железному берегу Няксимволя.

Посёлок большой, раньше был мансиjsким, сейчас живёт много русских и коми. Летает самолёт, есть большая лесопилка. Три магазина, клуб, киоск, школа-восьмилетка. В посёлке довольно чисто.

На берегу нас радушно, словно давно ждал, встретил местный бич Витя. С его помощью мы перегнали лодку по гавани в надёжное место, успев срезать при этом шпонку. Моторы стояли на всех лодках, поэтому мы рискнули оставить на ночь и свой. Надо сказать, что здесь хорошо знают свои лодки и легко отличают чужие. Впоследствии местная молодёжь вечерами любила посидеть на наших мягких красных сиденьях. В результате у нас ушла десятилитровая канистра.

На берегу сидели подвыпившие мужики, по мнению которых, выше по Сосьве идти было невозможно даже на «горнячке» – местной дощатой лодке.

Поставив лодку, пошли за Витеем, окрестив его Бельмондо, на которого он чем-то был похож. Симпатичное загорелое лицо, чуть широкий нос, пышная чёрная шевелюра. Но как-то всё неряшливо, где-то грязно, местами порвано.

На краю посёлка у него мастерская – лепит и сушит кирпичи. Они пользуются спросом, с этого он и живёт, и семью содержит – жену, мансиjsкую Лизу, и трёх детей. С Лизой они были навеселе и бесконечно тянули чай. Сидела ещё старушка, хлебнувшая бражки и громко кокетничавшая с Бельмондо. Разговор был ни о чём, но иногда в нём проскальзывали весьма свежие выражения, легко отлагающиеся в памяти. Лиза – мужу (искренне и с радостью на лице): «Вить, так это ж та баба, с которой ты спишь, когда бываешь в Берёзово». Где-то в середине разговора Измаил спросил: «Витя, ты вот русский, как тебе живётся с мансиjsкой?» «Да ничего живётся мне, нормально всё», – ответил Витя, вздохнул,

сделал долгую паузу и закончил: «Только дичаю вот...». «Да», – подняла голову засыпающая Лиза, – «совсем дичает».

Была уже ночь, стемнело под лапами елей, и я покинул компанию. Поставил на краю леса полог, расстелил спальник и лёг спать.

28–30 июня, среда–пятница

Утром Измаил пошёл в сельсовет и вскоре вернулся с известием, что жить нам придётся в здании школьного буфета. Нашлась лошадь с телегой, на которую мы загрузили свои вещи, включая канистры с бензином, и двинулись по посёлку. У магазина на крыльце навеселе сидел Бельмондо, громко сообщивший: «Только что принял, уже тащусь».

Школа оказалась одноэтажным деревянным зданием, немножко покосившимся набок, местами оббитым свежими досками. Во дворе школы стоял небольшой дом, выполнивший роль школьного буфета. Внутри была одна комната с печью и несколькими обеденными столами. Туалет на улице. Принесли из интерната две металлические кровати, два комплекта белья и по пути узнали, где находится колодец. Всё рядом: сельсовет, магазин, пекарня, до реки рукой подать.

В комнате жила кошка с крохотным котёнком, она бегала на улицу сквозь небольшое отверстие в полу.

Возникли проблемы с питанием: столовой в посёлке не было, магазин предлагал только консервы, год был голодный, так что брали сардину, лечо, дунайский салат и грейпфрутовый кубинский джем. Тушёнки не было. Хорошо было закусить этим набором один раз, но есть изо дня в день – удовольствия не доставляло.

Познакомились с председателем сельсовета Мариэттой Михайловной Подосениной, женщиной энергичной, близко к 50-ти годам; под её руководством посёлок выглядел неплохо – много строилось, было чисто, но общее впечатление далекого захолустья давило. В посёлке преобладало русское население, и потому сами манси как-то старались ходить и держаться незаметно.

В пятницу Измаил по своим делам улетел в Берёзово, а я продолжил знакомство с обстановкой и людьми. Расспрашивал стариков, разговаривал с праздно шатающимися по берегу, но чувствовалась общая зажатость, словно кто-то попугал давно людей, и они по сей день молчали. У одного из стариков, Самсона Васильевича Сабиндалова, увидел церковный колокол – всё, что осталось от стоявшей когда-то в посёлке церкви.

Няксимволь, Сабиндалов Самсон Семёнович

30 июня

Ручные нарты. Нарта – *сун*. Использовались обычно для перевозки дров, иногда – для перевозки сена, если лошадь не могла идти по глубокому снегу.

Изготавливали обычно зимой или же в мае, когда ещё нет комаров. А летом чаще делали лодку.

Делали нарты из разных пород деревьев. Полоз обычно из кедра делаем, так как он загибается легче. Копылья делаем из берёзы. Бывает, что всё из ёлки делали. Ёлку потому ведь делали, что она легче.

Загибали так: греешь на костре, намачивая водой, всё это за час можно сделать. Держали сгиб рукой. Могли вокруг чего-то прижимать, чтобы получился изгиб. Для оленых нарт пользовались верёвкой, которую закручивали палкой.

Тянул человек нарту за ремень, делали его из лосиной кожи – *няр-кол*.

Были раньше собачьи нарты, почти такие же, но полоз у них делался широкий, как лыжа – до 20 см.

Полоз оленых нарт делали чаще из ёлки. Кедр слабый для оленых нарт, потому полоз делали из ёлки. Чтобы ударился если о камень или дерево, и не сломать.

1 июля, суббота

Наступил июль, всё-таки ближе к дому. С утра получал бензин. Поставил аккумулятор на лодку, мотор завёлся практически сразу, поехал, но до заправки не дотянул – бензин закончился. С середины реки, путаясь в траве, с трудом протолкался веслом к берегу. Выгрузил канистры, но оказалось, что в этот раз заправляют выше по реке метров на триста. Прошёл пешком с одним бачком, заправил его, вернулся обратно и подъехал к заправке на лодке. Мужики брали бензин бочками, ждать пришлось долго, в самую жару. Разговорился со здоровым мужиком (видимо, зырянином), Алексеем, работающим строителем (летом подрабатывает пожарником), он якобы знает в лесу один амбарчик, это недалеко, можно съездить.

Домой вернулся к часу дня. Около четырёх часов дня заглянули Алексей с другом Гришей, тоже летом подрабатывающим пожарником. Грязнул ливень, мужики курили. Гриша рассказал о посёлке Ворья-пауль, который был заброшен с 1930-х гг., после того, как жителей погрузили на небольшую баржу и увезли в неизвестном направлении. Позже вернулись только двое стариков. Осенью Григорий любит охотиться в тех местах. Рассказывают, что главный шаман жил в Ворье. Это нужно подниматься по Тапсую до Устина Анемгурова, там ещё километров 30 по самой Ворье. От Няксимволя это километров 170. Там находится брошенная мансианская деревня, много домов. Брошена она, видимо, в 1936 г., о чём есть зарубка на дереве.

Дома старой постройки. Видно, что всё брошено разом. В 2-х километрах от деревни, на болоте, стоит шаманский лабаз. В нём находились вещи шамана – костюм, сабли, бубен, лапы росомахи, шкуры соболей, посуда. Русские мужики года три назад его обнаружили и, что могли, забрали. Но полтора года назад один из жителей Няксимволя был в том лабазе, и бубен там по-прежнему стоит.

Вечером читал «Жизнеописание М. Булгакова» М. Чудаковой; ненадолго заходил Витя Бельмондо с сыном. В комнате постоянно душно, но дверь невозможно открыть из-за комаров. Кошка терпеливо ждёт, когда я doем очередную банку сардин; немножко оставляю и отдаю ей, она вылизывает банку начисто.

2 июля, воскресенье

Сегодня провёл настоящий отпускной день. Встал в 8 часов утра с большим трудом, т.к. заснул поздно. В 9 часов зашёл Алексей, бензин взяли наш, а лодку – «горнячку» его. С нами решил поехать и Гриша.

Километров пять поднялись по Сосьве и свернули направо – на её приток, р. Няйс. Она течёт с Урала, в ней промышляли золото. Ширина реки колеблется от 20 до 50 метров, очень мелко, много перекатов. Даже на «Ветерке» дважды пришлось менять шпонки. Доехали до места, где ещё в 1950-х гг. стояла артель – посёлок Совлох. Домов уже нет, заросли высокой травы. В глухом ельнике на двух высоких ножках стоял амбарчик, ради которого и ехали. Увы, это оказался обычный хозяйственный лабаз. Сквозь щели в стенах были видны рыболовные сети и домашняя утварь.

После вчерашнего дождя в лесу влажно, и у лабаза туча комаров.

Проехали дальше по Няйсу ещё километров тридцать – до избушки Н.Г. Номина, который находился там с братом. Почти все постройки и утварь в русском стиле, разве что рубанок имеет местный колорит. Дом стоит на острове, который омывают два русла Няйса; недалеко от дома устроены лабаз на 4-х ножках и крытый помост для сушки сетей. Это летний дом трёх братьев Номинных, зимой они живут в Няксимволе. Пили чай с молоком, которое захватил из дома Алексей.

У Н.Г. Номина смотрел инструмент плотницкий для выглаживания лыж (подстругивания). Сделан из берёзы, лезвие железное, заточено.

Н.Г. Номин: «У каждого мужчины такой свой был, поэтому на нём вырезана роспись. Делали давно, не помню кто, но до сих пор мы пользуемся. Тамга обозначает, вроде шагает».

Когда лося убьют, вырубают вдоль ствола дерева форму ноги лося, палочками вырубают, сколько людей было, а внизу дерева столько палочек, сколько было при этом собак. Роспись на дереве только того, кто старший на охоте. Номины – это от слова <...> «шагать», потому и тамга «шагает» (рис. 180, 181).

Обратно не торопились. Гриша бросал спиннинг и поймал три щуки, а Алексей ничего. Купались, вода очень теплая, неглубоко. Вернулись в половине девятого вечера, тело ломило от долгого сидения в лодке.

4 июля, вторник

Вчера прилетел Измаил. Вечером пошли к братьям Номинным, Василию и Николаю. Они живут в маленьком домике сразу за пекарней. Обстановка внутри дома типично русская, современная, с оттенком бичевой жизни. Три кровати – живут три брата, все без семей. Разговор шёл трудно, оказалось, что по Няйсу, около тех мест, где мы были два дня назад, есть священный амбарчик, и они готовы нам его показать.

Встали рано, в половине пятого. Долго будили Номинных, после чего старший, Николай Герасимович, стал отказываться, даже не особо заботясь о причинах. Пришлось налить четверть кружки водки и обещать впереди массу подобного удовольствия. Бензин взяли наш, две 10-ти литровые канистры. Через аэродром и болото вышли на берег Няйса. Лодка оказалась меньше, чем у Алексея, и малоустойчивой.

Ехали нервно, дважды меняли шпонки, и каждый раз при этом кружка Николая наполнялась на четверть дорожно-подъёмным эликсиром. Вот и знакомый остров с избушкой. Третий брат – Виктор – сидел у костра и остругивал заготовку для лыж.

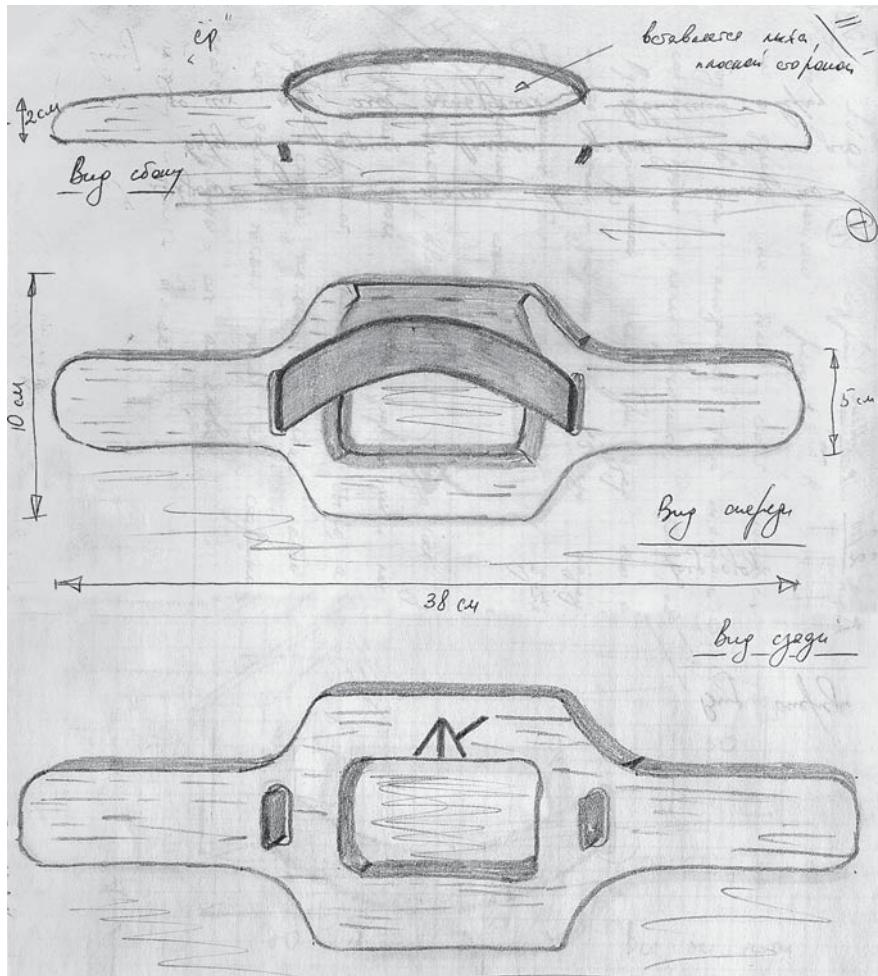

Рис. 180. Рубанок (рисунки в разных проекциях).

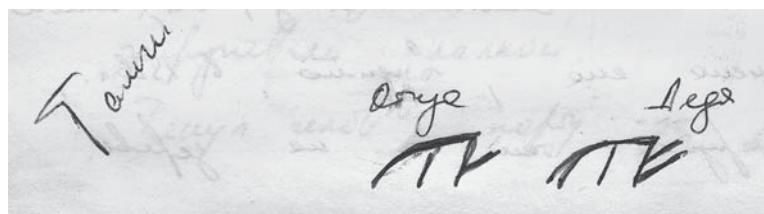

Рис. 181. Тамги Номиных.

Сварили чай, подогрели тушёнку, собираемся идти на местное святилище. Разлили по кружкам водку. Измаил заметил, что в кружке у Номина плавает упавшая с ели зелёная иголка. «Николай Герасимович», – сказал Измаил, – «иголку-то вынь из кружки». «Ничего страшного», – ответил Номин, – «осядет».

Допили уже вторую бутылку, наконец, встали и двинулись к лодке. Тут Николай и говорит: «Надо посуду взять – пить» (в смысле – из чего пить водку на святом месте). Мы наивно сказали, что в рюкзаке у нас есть кружки. «Кружки не то», – ответил Номин-старший, – «надо стопочки». Пошли искать стопочки, да благо, у таких людей они всегда под рукой.

К большой лодке прицепили совсем крохотную лодочку и тронулись вверх по реке. Спустя несколько минут пристали к берегу, большая лодка осталась на Няйсе, а маленькую протащили через лес к красивой старице. Сзади нас остался тальник, впереди открывалось небольшое, шириной метров 50, пространство какой-то чёрной и совершенно безжизненной воды. Не было даже птиц. Создавалось впечатление, что мы попали на мертвое озеро, на воде не было ряби, не играла рыба; на душе стало тоскливо и безысходно. На другой стороне старицы стоял могучий бор, день был солнечный, и так красиво было по обеим сторонам старицы, но уже жуткая тишина охватила нас, и хотелось убраться отсюда сколь возможно быстрее.

В маленькой лодке было очень тесно для четверых человек, сидели, плотно прижавшись друг к другу. Край борта лодки и поверхность воды едва ли разделяла пара сантиметров: одно неверное движение, и мы бы перевернулись. Осторожно работая веслом, переплыли старицу и вышли на сухой берег. Вокруг стояли могучие сосны, ноги утопали во мху, усыпанном жёлтыми иголками.

Братья разбрелись в стороны. Виктора почти сразу стало не видно; разыгрывался достаточно традиционный сценарий о том, что им не очень-то и известно, где находится святилище. Наконец, набрали на два упавших амбарчика, не особенно старые, они лежали на земле и явно были брошенными. Внутри оставались подгнившие от сырости платки – часть даров духу-покровителю. Покричали Виктору, он появился с виноватым выражением лица – мол, совсем давно тут не был и не мог найти. На пару с братом они стали активно уверять нас в том, что имели в виду именно эти два *сумъяха*, но их, видимо, кто-то недавно уронил, а содержимое прибрал себе. И по этому поводу – благополучному прибытию на место – неплохо бы и выпить. В довольно резкой форме Измаил оборвал эти лирические настроения, сказав, что никто амбарчики не ронял, и, несомненно, братьям хорошо известно, что сделан новый амбарчик, куда благополучно переселили духов, но этот-то домик они и не хотят показать. Нет, в один голос начали уверять наши спутники, больше им ничего не известно, а шли они именно сюда. И вообще пора выпить положенную в таких случаях бутылку.

Мы ещё немного подискутировали, стороны не очень хотели слушать друг друга, поэтому вскоре повернули назад и тем же путем добрались до избушки Номиних на острове. Братья зашли в дом и стали ожесточённо о чём-то спорить. Мы сели на бревно около дверей, испытывая глубокое разочарование. Не в первый раз всё это происходило, но было обидно.

Где-то через полчаса Николай вышел к нам и сконфуженно объявил, пряча глаза в сторону: «Вот ведь как, ребята. Ошибочка вышла, мы тут сейчас вспомнили, где оно это место. Поехали, чёрт с вами». Желание выпить третью бутылку, видимо, окончательно смело всё остальное – и грех, и чужие, всё ушло в сторону.

Опять та же дорога с утлой лодочкой. Вот и лежащие на земле амбарчики. Старик уверенно идёт вперёд, и уже через 100 метров видим новый *сумъях*, возвышающийся над землей на опоре. Сбит он из очень широких, до полуметра, плах, в двери – маленькое окошечко. Рядом сооружён столик, около него на двух деревьях вырезаны личины. Сняли дверцу, внутри амбарчика стояли два старых сундука, лежало несколько мешков, висели приклады – куски материи и женские платки. Всё аккуратно перенесли на стол.

В одном из мешков, кроме платков с завязанными в углах монетами, лежала тонкая металлическая пластинка в виде фигурки соболя. Это было изображение *Каль-нёхос* – местного духа-покровителя в облике женщины-соболя. Здесь же находилось и изображение второго божества – *Тулям-ур-ойки* («лесного холма мужика») в виде пучка деревянных стрел с металлическими наконечниками, обернутого сукном. Головки стрел были дополнительно обмотаны кусками материи, напоминая голову духа-покровителя. Среди прикладов в одном из платков были завернуты монеты, в основном выпуска 1940–1950-х гг. По словам Номина, несколько лет назад он приводил сюда одного русского знакомого, который интересовался старинными монетами.

Открыли долгожданную бутылку водки и банку тушёнки, угостили духов и последовали за ними. Старик был разговорчив, и Измаил едва успевал записывать услышанное в тетрадь. Виктор пить не отказывался, но в разговор не вступал. Мне, как обычно, пришлось фотографировать и описывать данное место, снимать размеры домика и пр.

После трапезы всё аккуратно вернули на место и тронулись в обратный путь. На острове наше внимание привлёк большой амбарчик, стоящий на 4-х опорах. Уговорили старика открыть его дверь. В основном там находились хозяйственныe вещи, рыболовные снасти; всё в относительном беспорядке. У задней стены стояли два массивных сундука, которые после весьма долгих уговоров старик всё же разрешил посмотреть. Внутри сундуков были сложены халаты для медвежьего праздника, и находилось жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников из сукна красного и чёрного цвета. Продать его старик категорически отказался.

Поехали обратно в Няксимволь. Виктор остался на острове. Старик сел на корму к мотору, а мы с Измаилом легли на дно лодки. Время приближалось к пяти часам, солнце неистово палило, чувствовалась усталость, выпито было немало, мы с Измаилом задремали, но, как оказалось, не мы одни. Уже через полчаса пути на полном ходу мы въехали в высокий берег: нос воткнулся в глину, мотор взревел и заглох. От удара нас подкинуло и, обернувшись, мы увидели безмятежно спавшего старика, сжимающего правой рукой румпель мотора. Лодка треснула по швам и, едва мы отъехали от берега, стала наполняться водой. Пришлось остановиться и устроить возможный мелкий ремонт:

в щели затолкали все имеющиеся на борту тряпки, что несколько ослабило поток входящей воды, но всю оставшуюся дорогу мы с Измаилом черпали воду, не разгибая спины (рис. 182, 183).

5–8 июля

5-го июля, в среду, собирались ехать вверх по Сосьве. Мотор барахлил, что-то засорилось, и промучились с ним до 16-ти часов. Было ещё не поздно, но Измаил сказал, что плохо себя чувствует, и отъезд отменили. Стало холодней.

6-го утром выехали вверх по реке до Яны-пауля, это 25 км. Мели пошли почти сразу, как только Няксимволь скрылся за поворотом. Срезав первую шпонку, пристали к берегу. Обедали: сварили лапшу, добавили говяжью тушёнку и лечо. Ели, не спеша, долго пили чай и разговаривали.

Ехали трудно, постоянно попадались мели и перекаты, между ними приходилось лавировать, прижимаясь то к одному, то к другому берегу.

В Халпауле (в 15 км от Няксимволя) останавливаться не стали, тем более что выглядел он безжизненно. Вскоре показался Яны-пауль, стоящий на правом берегу реки. Несколько домов расположено вдоль берега; проживают три семьи, все находятся между собой в плохих отношениях. Остановились у Андрея Ефимовича Самбиналова. В доме места не было, и нам для ночлега отвели летнюю

Рис. 182. И.Н. Гемуев (в центре) и братья Номини.

Рис. 183. Жертвенное покрывало.

кухню, тесное и довольно грязное помещение, с перспективой спать на полу. Вечером пригласили хозяина дома, выпили водки и пытались уговорить сводить нас на местное святилище *Лептит-ойки*, на котором в 1930-х гг. бывал В.Н. Чернецов. Хозяин этого места – старик Константин Самбидалов, Андрей Ефимович его боится, но обещал утром отвести нас туда. Разгорячённый спиртным, начал строить конспиративные планы, типа: «Поедем с моим внуком, дам ему часы, чтобы он через положенное время забрал нас. Старик не должен видеть, что на пути к святилищу у берега стоит лодка». Легли спать, полные радужных планов.

Утром, однако, Андрей Ефимович категорически отказался. Ходили к старику Константину, они с женой в это время обедали, но нас даже не пригласили зайти и вообще встретили очень холодно. Оказалось, что кто-то из проезжавших по зимнику русских водителей ограбил их дом, в итоге виноватыми стали все русские, в их числе и мы.

В субботу, накануне Дня рыбака, к деду приехали зять, Алексей Адин, из Хуллимсунта и сын Тимофей из Няксимволя, грамотный, но весьма заносчивый мужчина. Пили у них коньяк и фотографировали гостей. В присутствии родни дед был более приветлив и рассказывал истории из своей молодости. Он был первым комсомольцем в деревне. Его зажиточный сосед покрасил в своей избе пол, а остатки краски отдал Константину. Тот покрасил пол у себя. Зашедший к нему в дом сельсоветчик начал ругаться, что крашеный пол могут позволить себе кулаки, а комсомольцу стыдно брать с них пример. Заставил сдирать всю краску: жена Кости два дня оттирала краску песком.

В середине посёлка стоит небольшой старый амбарчик, крыши уже нет, внутри – масса полусгнивших вещей умершей старухи. Лежали здесь и культовые

вещи, в том числе антропоморфное деревянное изображение, к затылку которого было приложено жестяное блюдце с двумя львами и орлом. Обнаружили мы и четыре жертвенных покрывала, два из которых, наиболее целых, сфотографировали. Была ещё серебряная солонка XVIII в., две или три фигуры духов-покровителей, выполненных из рубах и халатов.

У Андрея Ефимовича на святой полке в доме чемодан прикрыт занавеской. Показывал одного из своих духов, на голове которого надета спортивная шерстяная шапочка. Под чемоданом лежит старая сабля со сломанным лезвием.

Погода все три дня была холодной и дождливой. Ходили на кладбище. Многие гробы стоят прямо на поверхности земли в надмогильных домиках.

У самого берега, в старом заброшенном доме, в берестяном туеске лежала маленькая *имтерма*. «Курица» крыши этого дома выполнена в виде заячьей головы.

Ёр – инструмент для обработки дерева. Ручки в разрезе круглые, сделаны из берёзы. Лезвие двумя острыми концами вбито в ручку. Вхождение концов лезвия в ручку укреплено: в первом случае – верёвкой, во втором – проволокой.

Путун – острога, бить рыбу, сделана из лезвия лопаты, раньше делали по-другому (рис. 184–190).

Рис. 184. И.Н. Гемуев.

◀ Рис. 185. Дом К. Самбиналова.

Рис. 186. Крюк «курицы» в виде фигуры зверька.

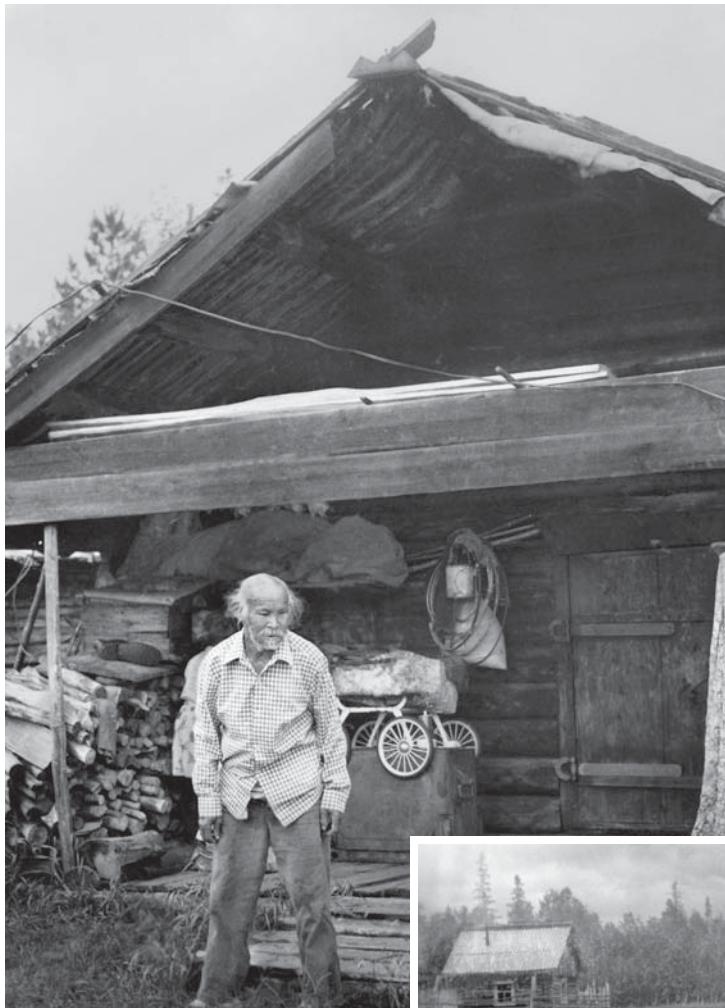

Рис. 187. К. Самбиндалов
перед домом.

Рис. 188. К. Самбиндалов.

Рис. 189. Большая деревянная лодка.

a

б

в

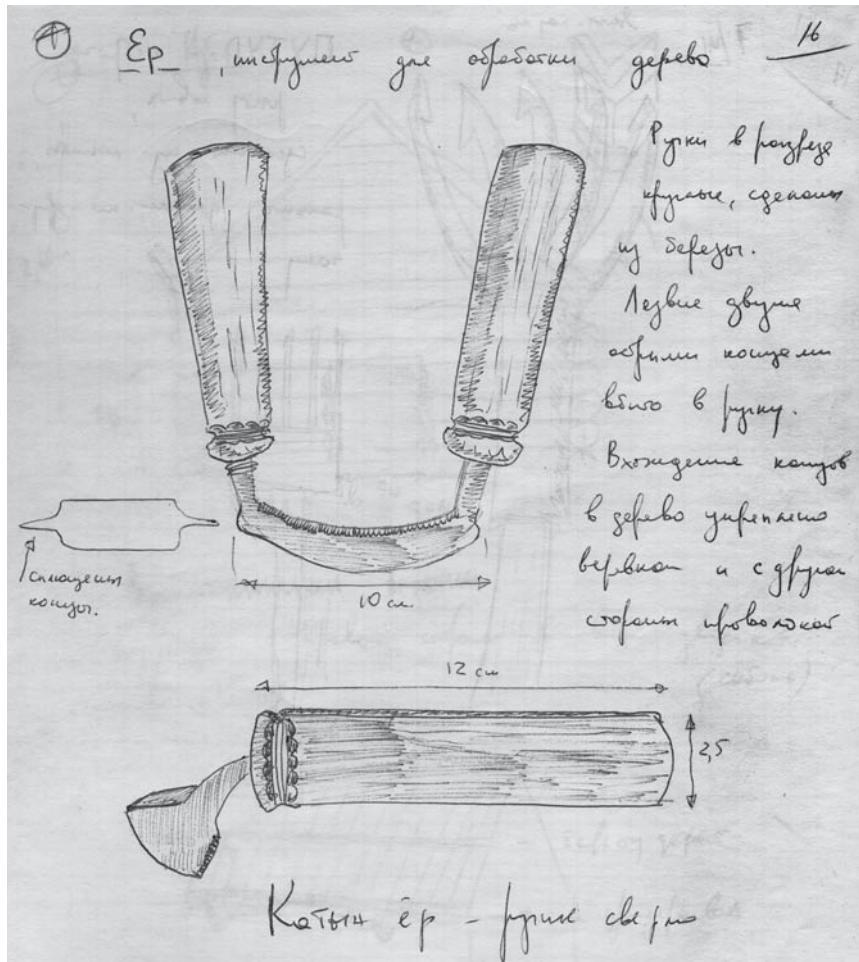

Рис. 190. Инструмент для обработки дерева.

Кладбище д. Яны-пауль

Выделяются две группы погребений – ранние и более поздние. Среди погребений видны три типа надгробий.

Первый тип: сруб из 3-х венцов с плоским перекрытием из брёвен; соответствует жилищу с плоской кровлей бесчердачной конструкции.

Второй тип: сруб из 2–3-х венцов; верхний венец торцевых сторон вырублен таким образом, что крыша оказывается двускатной; концы верхних торцевых венцов имеют запилы, имитирующие «курицы». Середина верхнего торцевого венца имеет паз, в который укладывается жердь, имитирующая центральную слегу жилища. Перекрытие из брёвен в 1–2 наката. Под ними – берестяная кровля, которая удерживается центральной слегой.

Вариант: сруб из досок, плах; соединение пазовое. Центральной слеги и бересты нет.

Третий вариант (поздний): сруб выполнен из досок (плах) пирамидальной формы. Торец – трапеция. Покрыт рубероидом.

Вещи: нарты, столик, лодка. Могилы ориентированы на север-юг.

10 июля

После возвращения из Яны-пауля в Няксимволь, через день, совершили поездку в Халпауль. В селении оставалось два дома. В одном из них жили старик со старухой, которые показали нам свой сарай. На полке, у задней стены, лежали чемоданы с культовой атрибутикой. Сфотографировали два жертвенных покрывала и купили медное блюдце с изображением оленя выпуска 1830-х гг. Зарисовал лыжи (рис. 191). Ходили на кладбище, которое располагается недалеко от посёлка – пройти нужно метров 100 перпендикулярно реке. На виду около 10 западин и 6–8 заросших травой холмиков. Более современными смотрятся четыре могилы.

Первый вариант надгробий: сруб в 3–4 венца; крыша покатая, выполнена из брёвен. Гроб внутри сооружения.

Второй вариант надгробий: сруб из колотых плах, сверху уложены доски.

Погребальный инвентарь: рюкзак на дереве, топор, чайники, котлы, нарты, столик, кружки, сапоги резиновые.

Нарты ручные, трёхкопыльные, косокопыльные, с «барапом». Длина 150 см, высота 35 см, ширина 50 см.

15 июля

В Няксимволе подсказали, что проживающий на Тапсуе Устин Анемгуров на днях уедет по делам в Берёзово. Мы хотели попасть на место бывшего селения Ворья-пауль, где по рассказам Гриши, ещё оставался шаманский лабаз. Ворья является правым притоком Тапсуя, и Устин мог показать туда дорогу.

Выехали из Няксимволя в обед, через несколько поворотов остановились на песчаной косе, устроили постирушку, пообедали и купались. Дальше ехали медленно, было очень мелко, каменистое дно хорошо просматривалось.

Ходили на кладбище д. Нерохи. Ориентация могил – север-юг, окошко могилы на торце.

Дальше было хуже. Сосьва разлилась широко, повсюду из воды выступали песчаные косы, и выбрать правильное направление было нелегко. Один из маневров вышел неудачным: я ушёл к левому берегу, надеясь проскочить по узкой полоске воды, но налетел на обширную отмель. Обратно выбраться было уже невозможно. Посидели, подумали, покурили. В итоге стали толкать лодку в сторону правого берега – сначала по мелководью, потом по высохшему руслу – по песку или гальке. Лодка еле продвигалась, я бурлаком тянул за фал спереди, а Измаил толкал её сзади. «Прогресс-4» весил 200 кг, мотор 50 кг, да остальной поклажи и бензина было килограмм на 100.

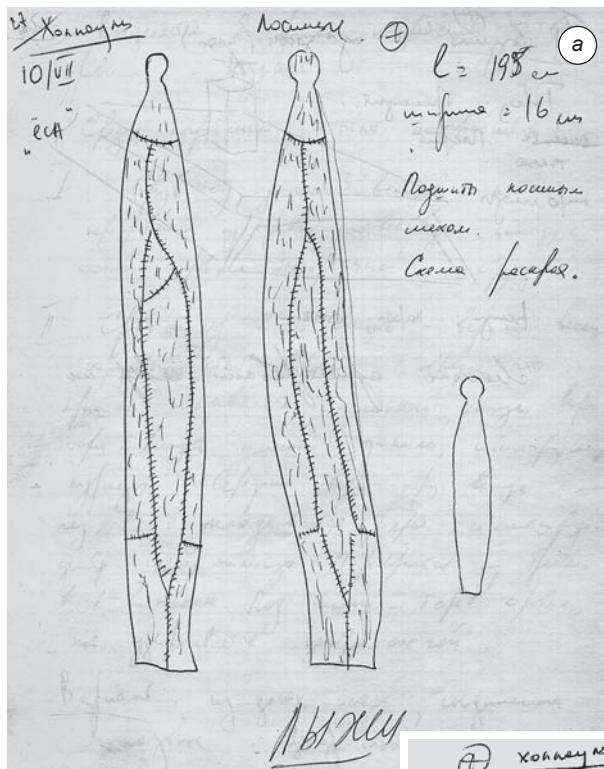
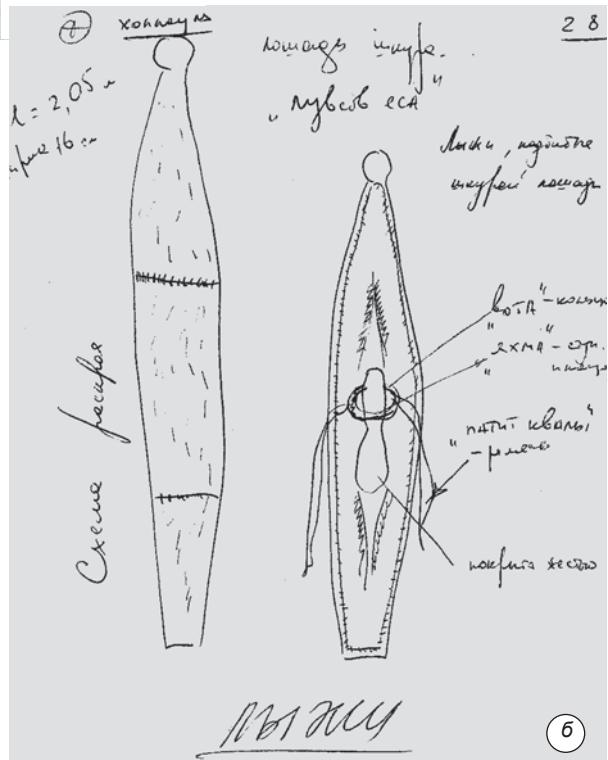

Рис. 191. Лыжи.

К вечеру добрались до Усть-Тапсую, дальше довольно легко понеслись вверх по Тапсую. Километров через 20 несколько раз подряд налетали на мели, рвали шпонки с винта, на комарах меняли их, устали и легли спать прямо в лодке, которую течение прибило к берегу.

16 июля

Утром дошли по Тапсую до избы Устина, вместе с ним на деревянной лодке днём поднялись по Ворье до бывшей д. Ворья-пауль. На высоком яру виднелись только завалившиеся остовы нескольких домов. Вернулись к Устину и на своей лодке двинулись дальше по Тапсую до места, где раньше была д. Нирус-пауль; ночевали в охотничьей избушке.

17–18 июля

Прошли по маршруту Нирус-пауль – изба Устина Анемгурова – Усть-Тапсуй и остановились в доме Т.И. Номина, в 30 км от Хулымсунта.

Клей делают из оленьего или лосиного рога, дикого или домашнего. Зимние рога. Мелко настрагивают рог. Варят стружки около суток, воду не меняют. Воды наливают полный 2-литровый котелок, а в итоге получается клея 0,5 литра. Рог вынимается, клей остается. Когда клеят, то разогревают, постепенно чуть подогревая, кипеть нельзя. Мажут крыльышком глухаринным или утиным.

Краска – охра из бора, потом натирается лосиным жиром – покрывают лицевую сторону лыжи. Цвет яркий, на Урале много светлей. Снег не прилипает – для этого салом и натирают (рис. 192–197).

20–27 июля

Ходили с Н.А. Пуксиковым на священное место *Торум-ойки*. На нашей лодке выехали из Хулымсунта, поднялись по Сосьве, свернули в устье Хулюма и ещё несколько километров поднимались по нему; вышли на левом берегу реки. Потом довольно долго шли по хвойному лесу, Николай всё время приурялся, пугал, что заблудимся, потом захотел пить. Поскольку от реки ушли уже далеко, то воду можно было набрать только в дождевых лужах. В качестве фильтра он использовал мою кепку, что опять же явно было сделано на публику.

Сам амбарчик удивил формой: чем-то напомнил главку шатровой церкви. Внутренность амбарчика была буквально забита жертвенными платками; долго их вынимали, получилась большая куча разноцветных платков. Среди прикладов обнаружилась небольшая серебряная чаша с изображением льва на дне. Николай неожиданно разрешил Измаилу купить её для музея; купить весьма условно, поскольку хватило того, что Измаил бросил в чашу несколько советских монет.

Обратная дорога оказалось много короче, поскольку проводник уже явно устал; довольно быстро и по прямой вышли на берег Хулюма.

Рис. 192. Т.И. Номин с женой.

◀ Рис. 193. Т.И. Номин.

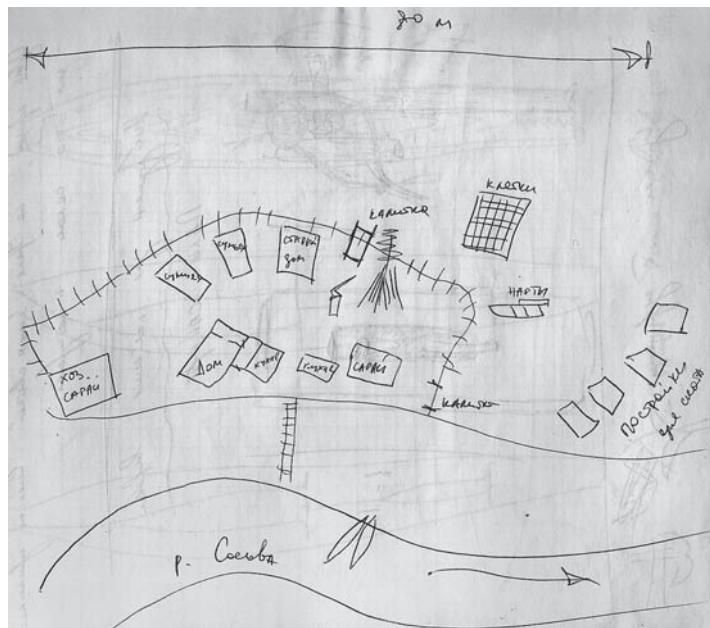

Рис. 194. Схема расположения объектов в усадьбе Т.И. Номина.

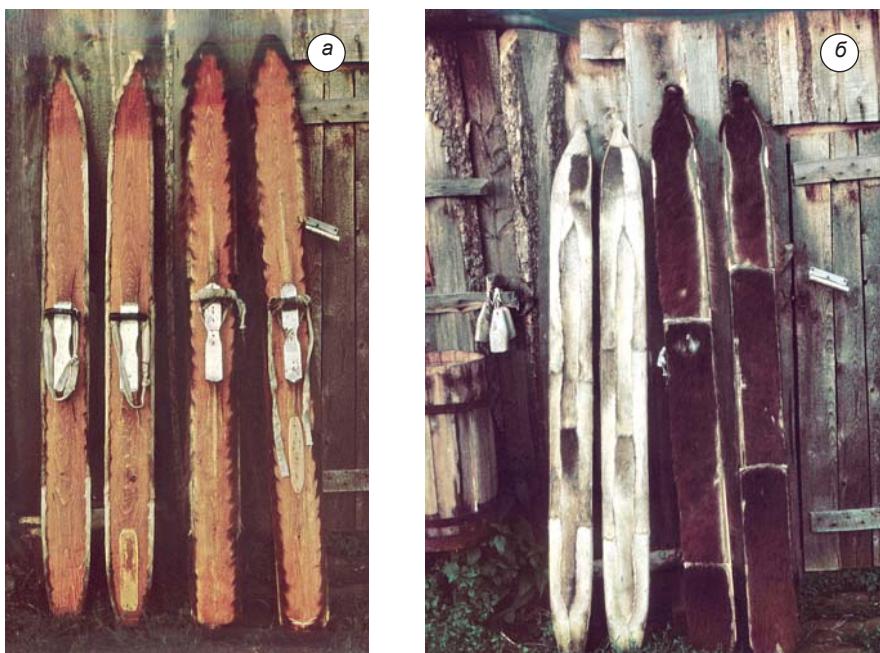

Рис. 195. Лыжи.

Рис. 196. Устройство для сгибания лыжи.

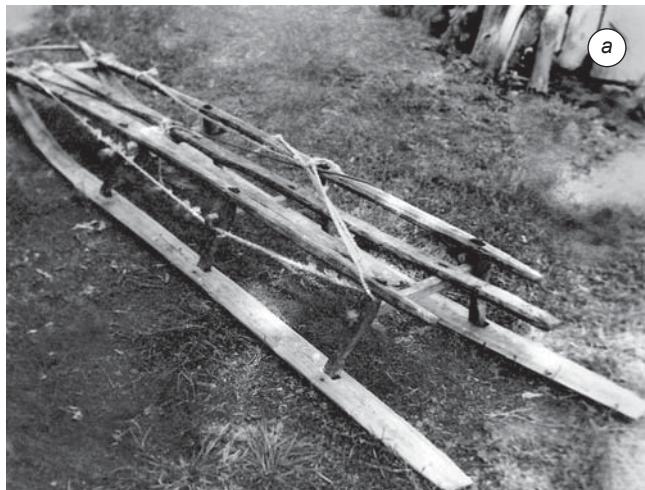
Рис. 197. Хозяйственный навес.

На другой день ходили к Николаю в гости, смотрели его священные вещи на чердаке и на полке в комнате.

Ездили дважды к Т.И. Номину. Измаил почти всё время просидел со стариком, подробно записывая мансиjsкие предания. Специально для нас хозяйка приготовила большую сковороду сосьвинской селёдки.

Тихон Иванович – шаман, колоритный персонаж, замечательный актер, излагающий любую историю в лицах. Перемежает речь остроумной матершиной, успевая перед этим вставить – «по-военному!» Получается приблизительно так: «Такой то, по-военному..., пошёл к ней. А она, по-военному выражаясь,... ему». Слушается на одном дыхании.

При знакомстве старик сразу сообщил, что в колонии, где он сидел за убийство сына, его звали Тарас Бульба. Тихон Иванович любит разговоры «за политику», неизменно заканчивая их одной и той же фразой: «Ничего, Берёзов возьмём, Москва сама сдастся».

a

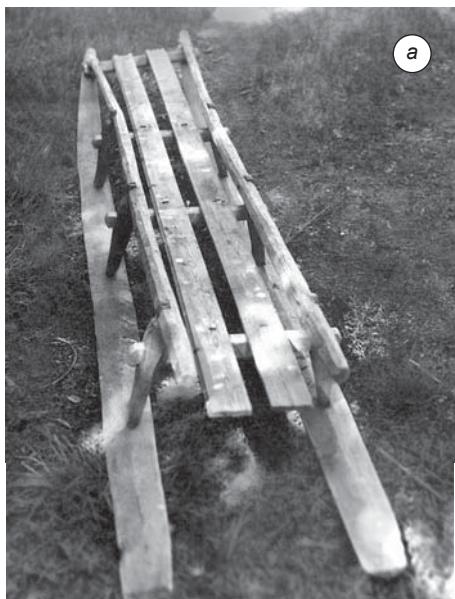

б

Рис. 198. Нарты с «бараном».

а

б

Рис. 199. Нарты.

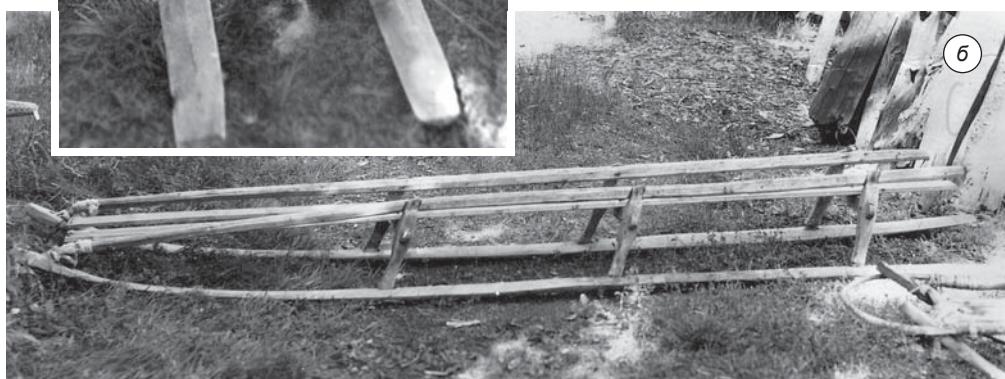

Рис. 200. Санки.

Его уважают, и он нередко обращается в райисполком по тем или иным вопросам. В изложении Тихона Ивановича это звучит так: «Я им и говорю – вы же власть, так примите меру».

30 июля

Верхнее Нильдино. Ночевали у Таратовых.

Санки в ограде – для перевозки дров.

Нарты ручные с «бараном» (*кис*) из черёмухи. Клин у вязка внешний. Полоз плоский, по размеру идёт под ширину лыж. Охотник идёт впереди на лыжах, по следу его лыж идёт нарта. Для спуска с горы берётся оглобля с пазом, дальний конец которой держится внутри первого копыла и привязывается к нему верёвкой.

Убивали лося и половину лося клали в нарту – нарта в пол-лося (рис. 198–200).

ГЛАВА 3

ЭКСПЕДИЦИЯ К МАНСИ 1990 ГОДА

Приполярный этнографический отряд работал в июне–июле в небольших селениях манси в бассейне Северной Сосьвы (Берёзовский район Тюменской области) – Верхнем Нильдино, Менкв-я-пауле, Хулымсунте, Няксимволе, Усть-Манье и Турвате. Материалы экспедиции опубликованы [Гемуев, Бауло, 1999].

ТЕТРАДЬ № 1 ЗАПИСИ И.Н. ГЕМУЕВА

[Священное место.] *Нер-ойка и Чохрынь-ойка*

Примерно в 300-х метрах от берега озера Турват. На поляне-вырубке среди елового острова находится амбарчик на одной опоре.

Сумъях двускатный; по краям от входа – личины *мис-хумов*. Дверь приставная, запирается на поперечную палку.

Внутри, у задней стенки, две фигуры в красно-чёрных колпаках с кисточками. Слева – *Нер-ойка*, справа – *Чохрынь-ойка*. Оба сделаны из ткани. Перед ними – приклады-арсыны, стопки.

Сумъях имеет высоту опоры 140 см. Высота *сумъяха* до конька 60 см, длина амбарчика 126 см, ширина 54 см, длина *мис-хумов* 110 см.

Внутри перед *Чохрынь-ойкой* – ножи. «Их» не вынимают, только когда меняют *сумъях* – весной через 7 лет; далеко *ура* не передвигают.

Проводник Владимир Петрович Самбиндалов зажёг костёр, от него зажёг еловую ветку, обвёл ею три раза под *сумъяхом*. Водку поставили «им» и костру. Затем еловой веточкой из каждой стопки трижды махнули, макнув в стопки, в сторону открытой двери.

Лубы держали, чтобы не болеть. Если заболеешь, сюда придёшь, *пурлахтын* сделаешь, боль снимет. *Чохрынь-ойка* – главный хирург.

Пасха – *ялтын-хомал*.

Аращ-овыл-менкв-ойка – по краям *ура* – сторожа. «Они» уходят, а *менквы* сторожат.

Каждый, кто придёт первый раз, должен вырезать изображение *мис-хума* на дереве. А второй раз – не надо. «Они» километрах в восьми стоят вверх по Сосьве (рис. 201–204).

Рис. 201. Амбарчик № 1.

Рис. 202. Амбарчик № 2.

е

δ

Рис. 202. Амбарчик № 2
(продолжение).

ε

ж

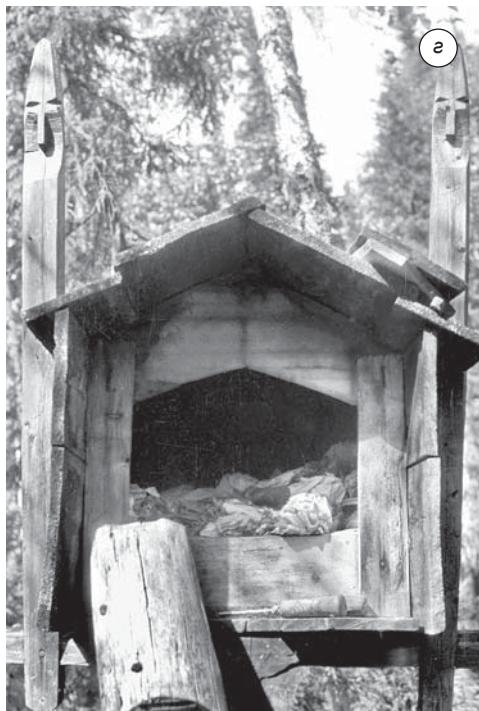
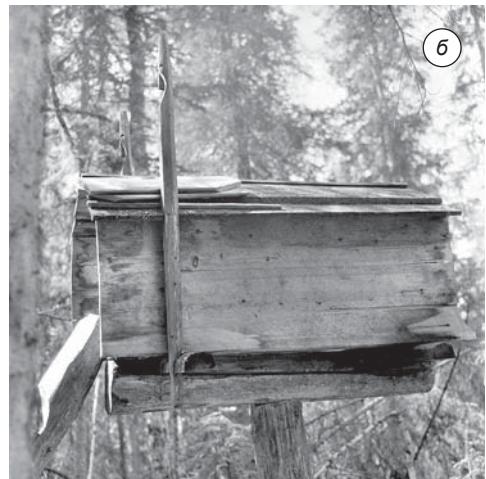

Рис. 203. Амбарчик № 3.

Рис. 204. Нер-о́йка и Чохрынь-о́йка в амбарчике.

Турват-пауль, Самбиналов Дмитрий Ильич

Ютимс-о́йка. Покровитель всех Самбиналовых.

Хранится в доме Д.И. в левом углу, у мула, на специальной *норме*. В мешке из лосиной шкуры находится антропоморфное изображение из ткани. На голове – четырёхклинина красно-зелёная шапка с кисточкой. Шапка обмотана платками с белыми цветами. Одета сверху в *сахи* розового цвета. «Из мешка не вынимать». В мешке под «ним» – шкуры соболей и лисиц.

Голова 35–40 см. Руки ок. 50 см. *Ютимс-о́йка* сделан из многих слоев ткани и одежд.

Женщинам можно, но нельзя когда «краска» идёт.

В августе *ийир* делают и зимой.

«Моих» тоже ставят с ними вместе на доску на перекладине.

«Мои» (отцовские остались):

Али-хум. В розовой рубашке, с красным кушаком, коническая голова из белого цветастого платка (несколько слоев).

Луи-хум. Помогает от болезни, ему поклоняться будешь, он помогает. Красно-белая коническая голова, цельнокрайная одежда, несколько слоев.

Остлип-урне-отыр («Ястреб-сильный богатырь»). Чёрная коническая голова. Зелёная цельнокрайная одежда, зелёный кушак.

Фигуры стоят на *пубы-норме* вместе с *Ютимс-о́йкой*, на шкурах оленей, в левом переднем углу (рис. 205–207).

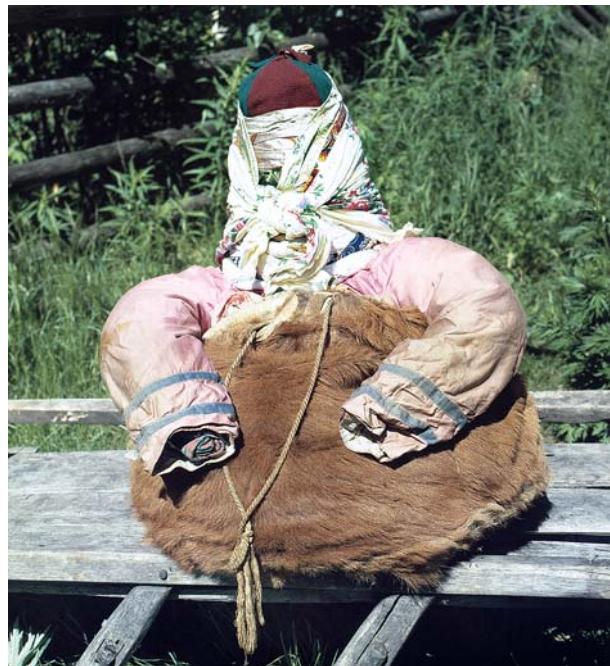

Рис. 205. Ютимс-оика (Евтымс-оика).

Рис. 206. Д.И. Самбиналов с домашними духами-покровителями.

Рис. 207. Али-хум, Луи-хум и Остлипп-урне-отыр.

[Менкв-я-пауль. Священное место Мис-хум-ойки]

Вначале Илья Васильевич Алкадьев зажёг чагу, поставив её у двери *ура*, а затем под ним жёг еловую ветку.

Менкв-ойку тоже кормят (на всякий случай) и со смехом лепят ему папиросу (в насмешку).

Подарок оставляют *Мис-хум-ойке* в конце посещения, при закрывании [дверцы] *ура* (рис. 208–212).

ТЕТРАДЬ № 2 ЗАПИСИ А. В. БАУЛО

Каждый раз мы собираемся уехать пораньше. Планируем на двадцатые числа мая, потом на самый его конец, наступает июнь, а мы всё торчим в городе и никуда не едем. Реки Севера в начале июля мелеют и нам на тяжелой моторной лодке

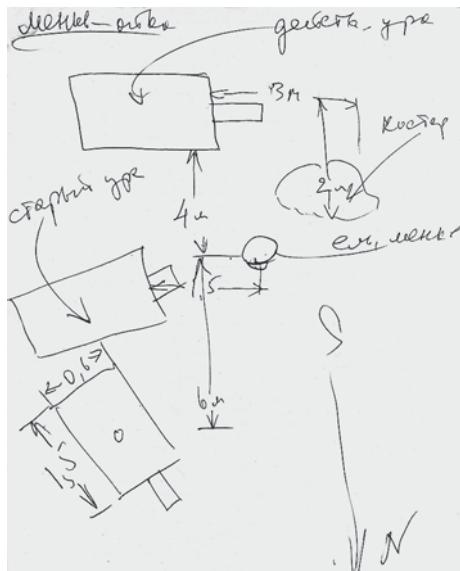

Рис. 208. Схема расположения объектов на святилище.

Рис. 209. Священные амбарчики.

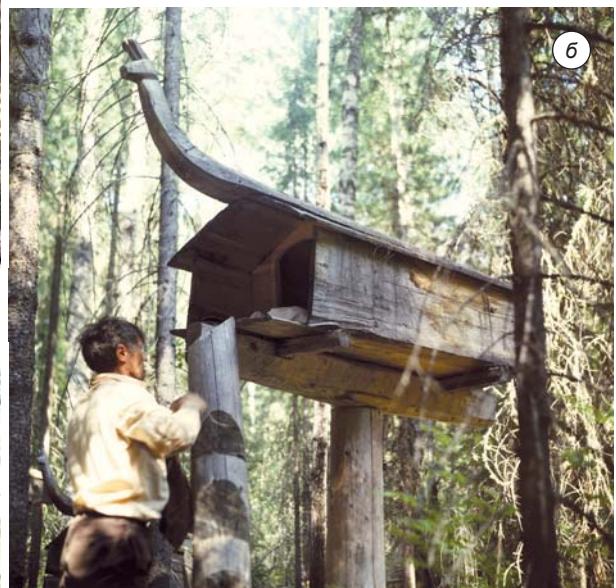

Рис. 210. И.Н. Гемуев и И.В. Алкадьев.

a

Рис. 211. И.Н. Гемуев и И.В. Алкадьев
у амбарчика.

б

в

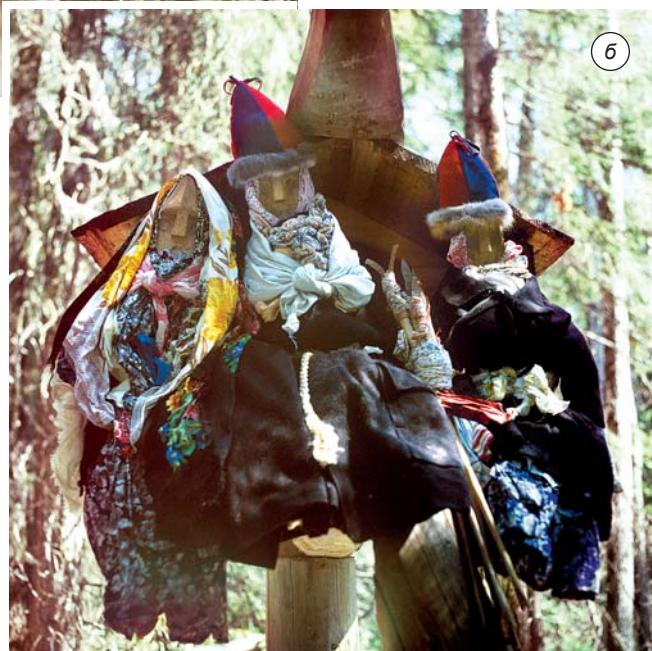

Рис. 212. Семья лесных духов.

«Прогресс-4» приходится несладко. Поэтому задача ставится простая: проскочить вверх по реке по большой воде как можно дальше, начать работу и при любом обмелении потихоньку сплавляться вниз.

В этом году мы задержались в городе дольше обычного, поэтому пришлось выбирать короткий маршрут: идём на скоростных судах типа «Восход» и «Метеор». Четыре дня пути, три ночевки – в Каргасоке, Нижневартовске, Ханты-Мансийске – и мы в Берёзово. Экономия времени достигается путем физического изнурения: сидеть в креслах по двенадцать часов, обедать чем придётся и спать непонятно где.

16 июня, суббота

Солнечное утро. Отправление в 8.00; встречаемся на пристани в семь часов, перетаскиваем багаж на теплоход. Унести за один раз четыре рюкзака, два спальных мешка, фанерный выручальный ящик и кое-что из мелочи не удается, приходится идти дважды. В ящике фотоаппараты, диктофон, кассеты, пленка, радиоприемник. Всё это лучше не давить и не терять, а потому ящик всё время на замке. Маленькие проколы начинают сигнализировать уже в первые минуты: Измаил забыл ключи от ящика и свои книги, которые были подготовлены в подарок нашим знакомым на Севере.

Наконец, всё занесено, уложено, пассажиры на местах, и ровно в 8.00 «Восход» плавно отходит от пристани. Через двенадцать часов он будет в Карагасоке.

Путешествие на «Восходе» считается комфортным: высокая скорость, мягкие кресла, изменяющие положение (не чета «Метеору»), буфет; с другой стороны, двенадцать часов просидеть в кресле – чем не пытка. Давно всё съедено и выпито, прочитаны газеты, неоднократно дремали, а ещё ехать и ехать. К вечеру прибываем в Каргасок, где пассажиры должны позаботиться о ночлеге. Публика остается в зале ожидания, устраиваясь на ночь на полу или жёстких скамейках.

Доходим до общежития аэрофлота, уговариваем дежурную и получаем две койки в пятиместном номере. Набор известный: кровати, между ними хромые стулья, в углу тумбочка и качающийся стол. Платяной шкаф с покосившимися дверками, издающими жуткий скрип в попытке сомкнуть их вместе. На стенах – масса комаров, на столике – мутный графин и пара пожелтевших стаканов. Удобства – на улице, телевизор с неубавляемой громкостью звука орёт в коридоре. Холодный ужин и ложимся спать.

17 июня, воскресенье

Встали пораньше, чтобы позавтракать в столовой, но она оказалась закрытой по случаю выходного дня. Опять весь день пить газированный напиток «Лесной аромат», жевать подсохший батон и поплыvший сыр.

К 16-ти часам прибыли в Нижневартовск и устроились на ночь в комнате отдыха на дебаркадере. Вышли в город на экскурсию, ужинали в столовой, в кино не попали, пришлось лежать на койках остаток дня и читать газеты. В школах сегодня выпускные вечера, все тянутся на набережную, довольно шумно. На пригорке виднеется единственный в округе туалет, но удобствами это назвать невозможно: похоже, в нём не убирали с момента основания города.

18 июня, понедельник

Рано утром сели на «Метеор», к вечеру прошли слияние рек Оби и Иртыша, разделительный бакен, поднялись вверх по Иртышу и оказались у причала Ханты-Мансийска. Лет десять назад его магазины ломились от множества сортов водки, включая корейскую. Сейчас, как и везде, полки пусты, талонная система. Единственno богатым остается книжный и газетный киоск. В кафе кормят невкусно, а цены высокие.

Устроиться на ночь нигде не удалось. Вещи сдали в камеру хранения, оставив спальные мешки. Местный речной вокзал является перевалочной базой для путешествующих по Оби, Иртышу и их притокам, поэтому в зале ожидания к ночи собралось более сотни пассажиров на утренние рейсы. Помещение небольшое, теснота, жара, дышать нечем. В углу стоит бак с теплой водой и сломанным краником. Пришлось бросить спальники на пол и лечь на них сверху, на зависть всем присутствующим. Облившись обильно «Октадэтом» от комаров, заснули.

Около трёх часов ночи как-то сразу нахлынули комары. Люди неистово хлестали себя газетами, никто не спал, удары и глухие разговоры слышались со всех сторон. Раздражающе горел свет.

Матери с трудом отгоняли комаров от детей, спящих в скрюченном положении на скамейках. Кроме них спал только Измаил, спрятавшийся в проходе между двумя рядами автоматических камер хранения. До рассвета было ещё далеко. Около нас стояли трое: два бодреньких старичка и здоровенный лысый детина в наколках. Путем коллективных умственных усилий им удалось вспомнить номер ячейки и достать оттуда канистру с пивом. Разливали в стакан и пили по очереди. Старики – быстро и жадно, молодой – степенно, глотками и после каждого протяжно хрипел под Талькова: «Рос-си-я...»

Вышел на улицу и бродил по дебаркадеру до рассвета.

19 июня, вторник

К вечеру пришли в Берёзово. Устроились в гостинине «Берёзка» в трёхместном номере: сосед не беспокоит, возвращается к вечеру, молчит, но внимательно и с видимым уважением слушает наши околонаучные разговоры.

Несмотря на позднее время, пошли навестить Андрея Канева. Ему около тридцати, шофер, трудяга, из хорошей крепкой семьи, недавно женился, растит дочь. В этом году строит себе дом – также основательно и крепко, на всю жизнь, да и внукам хватит. Зимой у Андрея хранится наша лодка и кое-что из имущества; он числится сторожем и получает за весь год около 80 рублей. Узнали поселковые новости, прогнозы на охоту и рыбную ловлю, большая ли вода в верховьях Сосьвы и, как обычно, закончили о политике.

20–22 июня, среда–пятница

По-прежнему сидим в Берёзово. Ждём погоды – резко похолодало, сильный ветер гонит волну и низко летящие тучи. По такой воде лодку моментально перевернёт.

В магазинах пусто. Посетил краеведческий музей, маленький и аккуратный, с неплохой экспозицией по истории северных народов. Примета времени – появился уголок «Троцкий в Берёзово», затмив традиционный «Меньшиков в Берёзово». Читали газеты, дважды ходили в кино.

Готовили вещи к маршруту. Распилили дужку замка на выочном ящике и повесили новый замок. Порвалась шторка у «Зенита», а у японского «Fuji» не работает вспышка. Невезенье продолжает нас сопровождать, и Измаил неоднократно заводит разговор о том, что год у него несчастливый. Впрочем, этот мотив звучал и в прошлом году.

Стало сложнее питаться, так как зимой сгорел единственный ресторан «Сосьва», где кормили дорого, но вкусно. Приходится идти на другой конец посёлка в столовую аэропорта или в гостиничный буфет, где обсчитывают и всё холодное.

23 июня, суббота

Уже неделю в дороге. Наконец-то установилась погода – потеплело, стих ветер, выглянуло солнце. На воде почти не видно баращков.

День ответственный – спуск лодки на воду. Нашему «Прогрессу» десять лет. Он прошёл многие реки Сибири и никогда не подводил, приходилось ли прыгать через бревна или налетать на перекаты. Краска во многих местах слезла, есть заплаты, оторваны причальные ручки – память о падении лодки с верхней палубы теплохода в Колпашево, но это – наш родной дом, здесь мы живём весь полевой сезон.

Андрей приехал на большой грузовой машине «Урал»; вместе с его отцом мы вчетвером втолкнули лодку в кузов, забросили канистры, сиденья, вёсла, тент и запчасти. На берегу Андрей глубоко заехал в воду, так что она едва не зашла в кузов, и мы без труда сбросили лодку и зачалили её у ржавой баржи. Поставили мотор, заменили возвратную пружину. Измаил ушёл обедать в аэропорт, а я мыл лодку внутри и снаружки. Предстояло более полутора тысяч километров пути, значит, важен порядок на корабле, чистота и комфорт.

Ездили на заправку, взяли восемь канистр бензина, 160 литров, что позволяет нам пройти с грузом около 450-ти километров.

В этом году мы собирались достичь самых верховьев Северной Сосьвы, дойти до озера Турват; от Берёзова это почти 800 километров. На лодке это сделать нелегко; первые 300 км до посёлка Сосьва мы идём на теплоходе «Платон Лопарев», а дальше и обратно – своим ходом.

К 17-ти часам мы подкатили к «Лопареву», капитан которого нам хорошо знаком. Помогли матросы и ручной лебедкой подняли «Прогресс» на корму теплохода, занесли вещи в 2-х местную каюту. Тесновато, койка одна над другой, у окна столик и табуретки – двоим не развернуться. Но всё равно уютно, чистое постельное белье, душ и спокойный сон на сутки пути.

«Платон» отходил в 21.00, поэтому пошли поужинать и купить на дорогу хлеба. После отхода перебрали рюкзаки, поужинали ещё раз, сходили в душ и простирнули бельишко. Перед сном поднялся на верхнюю палубу подышать воздухом. Замечательно красивое небо, немыслимых цветов и оттенков краски.

24 июня, воскресенье

Весь день шли на «Лопареве». Вода в этом году необыкновенно высокая. Сидел на верхней палубе и любовался проплывающими берегами. Одни и те же места смотрятся по-разному, в зависимости от того, идёшь по течению вверх или вниз. По одной реке получается путешествие дважды: вниз по течению сама река кажется шире, и многих мест узнать невозможно.

После обеда подошли к Сартынье. Небольшой посёлок, дома разбросаны по высокому берегу, большинство построек русские. Приход теплохода – событие ожидаемое, сравнимое с праздником: народ высыпает на берег, вглядываясь в приезжих, ожидая гостей, новостей и подарков.

Остаток дня идём к Сосьве – посёлку на одноимённой реке. Прибываем с опозданием, около девяти вечера, сбрасываем лодку, её постоянно относит в сторону волна от работающего на малых оборотах мотора. Измаил на верёвке обводит её вокруг кормы, по правому борту, и вот мы уже чалимся к берегу. Быстро по трапу сносим поклажу на влажный песок под любопытными взглядами местного населения. Берег высокий, сверху на нас удобно смотреть.

Сосьва – довольно большой посёлок, есть аэродром (куда садятся АН-2) а также школа, клуб, три магазина, сельский совет. Его председатель, Александр Огюстович Федотов, знаком нам с давних пор, когда он здесь же был участковым милиционером. Благодаря его доброму отношению мы ночуем в гостиничном номере в здании сельсовета, а это значит, что будет горячий чай, телевизор, стопки газет и сон на чистой постели. И всего-то за рубль с человека в сутки!

Правда, перед этим с лодки убираем всё, привлекающее внимание. Лестница к сельсовету уже никуда не годится, нет многих ступенек, а другая ломается прямо под ногой. И вот уже лежишь лицом в глине, не удержав равновесия под тяжестью двух канистр с бензином и рюкзака за плечами. А таких канистр восемь, а рюкзakov четыре (самый тяжелый мы ласково называем «призовой»), два спальника и выручный ящик. Всё это проходит под названием «мышечная радость». Измаил в это время готовит лодку на ночь: отсоединяет аккумулятор (его также предстоит поднять на яр), который незаметно разбрасывает вокруг себя капельки кислоты, от неё на одежду сначала появляются тёмно-коричневые пятнышки, а затем рваные отверстия, и поскольку они небольшие, то первыми их обнаруживают комары.

Мягкие сиденья красного цвета убираются в носовой трюм, навешивается замок, другим замком большим запираются цепь, продетая через ручку мотора, отверстие в корме, уключины вёсел и пустая канистра.

25 июня, понедельник

Проснулись рано, чтобы успеть привести себя в порядок до прихода работников сельсовета. Александр Огюстович вошёл в наше положение, и по его записке мы купили в магазине две бутылки водки и три бутылки красного болгарского «Прибрежного». В дорогу взяли хлеба, соли, вермишели, кабачковой икры и банку яблочного сока.

В лодке выпили по банке концентрированного молока со свежим хлебом и тронулись в путь. Едва Сосьва скрылась за поворотом, как было решено: не спешить, ибо путь долгий, а лучше отметить начало полевого сезона глотками благородного красного вина. Полчаса ушло на то, чтобы выбить из горлышка пробку. Сначала пытались продавить пробку пальцем, затем последовательно, погнув ложку, нож и отвертку, попробовали жать плоскогубцами, затем дужкой замка. Потом били по ней сверху молотком и, наконец, молотком по бородке... Красное вино, немного разбавленное холодной сосьвинской водой, в жаркий полдень, под ярко-синим небом, в окружении изумрудных сосновых берегов!

И дальше – в путь. Нажал кнопку, заработал мотор, и лодка понеслась, и вот уже развилка дорог – направо Ляпин, а мы по Сосьве уходим влево, оставляя позади маленький и какой-то домашний, всегда притягивающий к себе посёлок Патрасуй, а за ним вдали – высокие сопки возвышенности Люлимвор.

Прошли Кимкъясуи, ещё через минут сорок Верхнее Нильдино. Незаметно пролетели сто километров, солнце начало клониться к закату, пора было подумать о хлебе насущном. В прошлые годы – приставай к любой песчаной косе, на которой полно хворосту, принесённого высокой весенней водой, разжигай костёр, котелок и чайник на огонь, и через полчаса ужин готов. Сейчас же пристать было негде – деревья стоят «по колено» в воде, куда ни глянь – словно плывут заросли ярко-красного шиповника и белоцветной рябины. Непостижимый аромат, в который причудливо замешено всё – листья, трава, хвоя, цветы и вода.

За одним из поворотов выглянул высокий яр высотой полтора-два метра, заросший деревьями и кустарником.

На песчанную косу надежд не было, решили остановиться здесь, но ещё несколько минут на малых оборотах курсировали вперёд-назад, пытаясь найти удобную площадку. Уже в конце яра заметили колья от костра и пристали к берегу. Ноги сразу провалились до верха сапог в мокрую глину. Бросили несколько жердей к лодке, и уже по ним выбрался на сушу Измаил с неизменным чайником в руке.

Наверху было сухо и уютно. Между сосен виднелось старое кострище, лежали дрова и береста. За полчаса до этого нам удалось обменять баллончик «Октадэта» на щуку и два больших окуня; решено было варить уху. Пока Измаил чистил рыбу на носу лодки, я развёл костёр, набрал в котелок и чайник воды и достал из лодки всё, что было необходимо для ужина. После ухи пили чай и просидели так часа полтора. Стоял теплый солнечный вечер, никуда не хотелось спешить, смотрели на реку и думали о дороге (рис. 213).

Отдохнув, прошли ещё 60 километров и совсем уже поздним вечером оказались в Менквье. В деревне никого не было, пришлось на ночь устраиваться самостоятельно. Один из домов выглядел заброшенным, и дверь была не заперта. Внутри находилась железная печка, стол, две лавки, в углах – два топчана; на полу лежали оленьи шкуры. Постелив их на топчаны, поставили полога, хотя комаров в избе почти не было слышно. Пили чай и долго не спали: Измаил крутил ручку радиоприемника, переходя от «Свободы» к «Голосу Америки» или «Немецкой волне». Радиостанций в эфире было много, все говорили по-русски, так что уснули далеко за полночь.

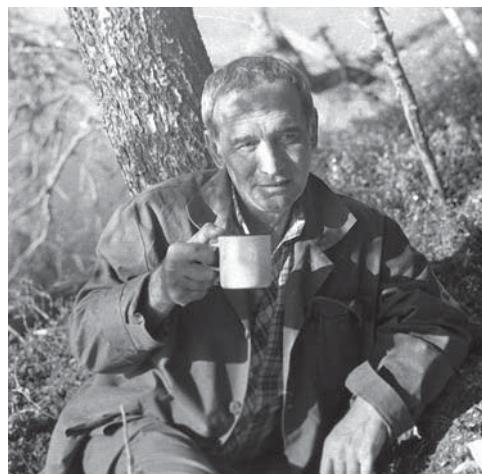
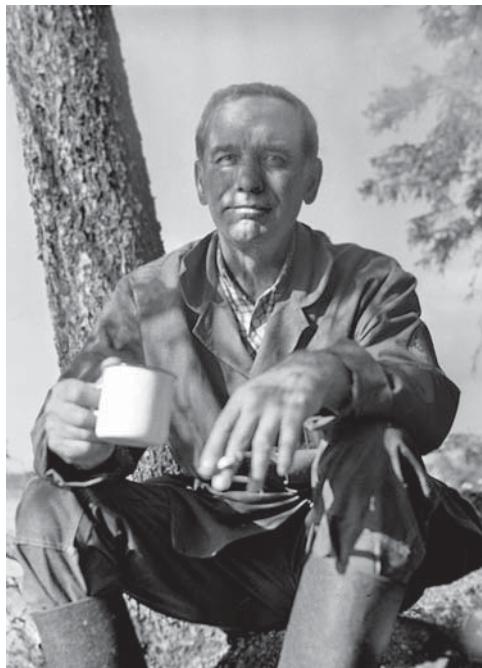

Рис. 213. И.Н. Гемуев на берегу
Северной Сосьвы.

26 июня, вторник

Проснулись от оглушающего звона комаров, полог снаружи был облеплен и они кишили на марле в поисках любого отверстия. Вылезать не хотелось, но и лежать было неприятно: казалось вот-вот прозвучит неведомый сигнал, и это полчище бросится пожирать полог и всё, что вдавившись в спальный мешок, ещё дышало внутри.

Герои всегда идут первыми. Резко откинув край марли, громко отпуская проклятия в адрес всех собравшихся, из полога выскочил в одних трусах старший научный сотрудник Измаил Нухович Гемуев, запрыгал по комнате и, схватив одежду, пулей вылетел одеваться на улицу. Через несколько минут снаружи до-нёсся его сладкий голос, приглашая последовать примеру начальника.

Резко откинув край марли, громко отпуская проклятия в адрес всех собравшихся, в одних трусах я выскочил из полога, запрыгал по комнате и, схватив одежду, пулей вылетел одеваться на улицу, прихватив головой низкий косяк двери.

Стояло солнечное утро, на улице было тихо-тихо, казалось, сама природа ещё только начала просыпаться. У плетня стоял довольный Измаил и смеялся.

Завтракали: лапша с тушёнкой и чай. Пока закипала вода, собирали вещи. В избе соорудили дымокур и открыли настежь дверь. Через полчаса, задыхаясь и кашляя, прорвались внутрь. Собрали со стола посуду, упаковали рюкзаки и свернули спальники.

День поднимался, наступала жара. До Хулимсунта рукой подать. В этот раз мы задержались здесь ненадолго. Обедали в столовой, совершили набег на универмаг, где Измаил приобрел очередные ботинки, и двинулись дальше по реке. Через три часа достигли Усть-Тапсуя, до которого ровно сто километров.

Хозяина дома не оказалось, жена нас узнала, но была настроена холодно, собаки лаяли беспрерывно. Время дорого, уже пошли разговоры, что начала падать вода, стоило поспешить.

К вечеру благополучно достигли Няксимволя, пройдя ещё 70 километров. Измаил пошёл навестить председателя сельсовета М.М. Подосенину и вернулся с ключом от гостиничной комнаты, в которой вторые сутки жил лейтенант из Берёзовского РОВД. Молодой человек лет примерно тридцати, невысокий, но крепкий, казахский татарин – так он нам отрекомендовался, оперативник от Бога. У нашего знакомого Устинна Петровича Анемгурова с лодки утащили мотор «Ветерок», а живут-то Устин с женой в тайге одни и до ближайшего жилья чуть не сто километров. Хозяин мотора с бравым лейтенантом двое суток лазили по тайге в поисках каких-либо следов, прямиком по нескончаемому северному болоту, практически беззащитные от комаров. Дед дал сапоги и штурмовку, но чувствовалось, что лейтенант был готов штурмовать трудности прямо в фуражке и кителе. Он с наслаждением рассказывал о поисках, о том, как тонули в болоте, часами шли под дождём, облепленные комарами, как мечтали закурить, а более всего – найти пропажу.

Мы прожили вместе три дня и расстались друзьями. Разговоры начинались сразу, как только мы переступали порог комнаты, и заканчивались моим демонстративным раскладыванием спальника. Чаю было выпито море, здесь лейтенант легко мог потягаться с лошадью барона Мюнхгаузена. Тяга к новым знаниям

у милиционера была необыкновенная: он готов был помолчать, если Измаил начинал говорить о чём-нибудь научном с использованием массы непонятных для лейтенанта, но завораживающих своей необычностью слов.

Наибольшим успехом в исполнении Измаила пользовалась «сказочка о ферменте». Название моё, подробно пересказать не возьмусь, хотя слушал неоднократно. Если люди хорошо выпьют, то разговор быстро переходит на водку и всё, что с ней связано. А поскольку у всех с ней связано много, беседа затягивается. И вот, когда уже казалось, что невидимый источник рассказов истекает, в бой тяжелой артиллерией своих убийственных аргументов вступал Измаил с вышеупомянутой «сказочкой». Она, оказывается, легко объясняла такой казус, что манси почему-то пьянеют медленнее, но остаются в таком состоянии значительно дольше, чем русские. По словам Измаила, опыт аборигенного населения в питии насчитывал каких-нибудь 400 лет, поэтому у них не успел выработать в организме необходимый фермент. Сюжет буквально завораживал слушателей и пользовался неизменным успехом, причём и русские, и манси начинали уважать себя значительно больше, а уважение к Измаилу вырастало в геометрической прогрессии.

27 июня, среда

День провели в Няксимволе. Получили бензин, купили на дорогу продукты. Сходил к старику Самбиндалову; вновь, как и в прошлом году, пытался уговорить его продать церковный колокол конца XIX в., но безуспешно. В прошлом веке здесь возвели небольшую церковь, которую после революции постигла обычная участь: храм закрыли, превратили в клуб, а затем здание разобрали на дрова, остался колокол, доживающий свой век в углу сарай некрещённого манси.

Вечером в гости приходил какой-то прошлогодний знакомый, мужичок лет около сорока, маленький, плохо одетый и давно, видимо, не мытый. Он долго мямлялся, не зная с чего начать, но уходить не собирался, так как у него к Измаилу было важное дело, а точнее просьба – купить в Усть-Манье, куда мы собирались ехать, пачек сорок сигарет «Астра». Он сильно заикался и потому не сразу мог объяснить, откуда он нас знает. Речь его была малоразборчива, так как он сначала бился выговорить одно слово и затем, вероятно, от радости, что оно получилось, автоматной очередью выпаливал несколько предложений подряд. Измаилу никак не удавалось вспомнить заветную встречу, после чего мы были просто обязаны привезти гостю ящик «Астры». И тогда мужичок пустил в ход, несомненно, самое яркое прошлогоднее впечатление от знакомства с нами: «Вы меня т-тогда угостили... си-и-и-гаретой... б-б-без фильтра...» Выдохнув, мужик радостно заулыбался, а мы от смеха повалились на кровати. Для заядлого курильщика сигареты с фильтром баловство, поэтому «Астры» и «Примы» идут на Севере нарасхват. Память об Измаиле в этих местах сохранится надолго...

Наш дальнейший путь лежал в Усть-Манью, находившуюся выше по реке, от Няксимволя на 100 километров. Как обычно, по карте выяснить толком ничего не удается, поэтому начинаются расспросы у праздно гуляющих по берегу: как добраться до Усть-Маньи и вообще далеко ли до неё. Разброс мнений велик, правда, в итоге многих разговоров выясняется, что рассказчик там никогда

не бывал. Собеседники единодушны только в одном: на нашем тяжелом «Прогрессе» туда не подняться – слишком мелко, вода падает, перекаты (близок Урал), русла не знаем.

28 июня, четверг

Утром не спешили – предстоящие сто километров не вызывали сомнений. Царило благодушие: вода высокая, мелей и перекатов в этом году не было. В несколько рейсов перенесли в лодку поклажу, два рюкзака с лишней одеждой оставили в кладовой сельсовета. Вымыли лодку, аккуратно расставили багаж, кружки на боковые полки, чайник между передними сиденьями. День был солнечный, изрядно припекало, снял рубашку, пользуясь отсутствием комаров во время передвижения по воде.

Тронулись осторожно, помня прошлогодние мучения, но уже вскоре дали полный газ, и около часу дня слева по борту показался Яны-пауль: на берегу стояли лодки, старик Самбиндалов с зятем и ребятишками тащили к воде невод. Выше селения мы ещё не были. По рассказам, где-то через пару километров ожидалась развилка – в Сосьву впадала Лепла, и мы помнили, что наш поворот – направо. Несмотря на напряжённое внимание, развилку мы не заметили и ещё полчаса катались взад-вперёд по Лепле, прежде чем обнаружили, наконец, узенький проход, проскочив который, оказались на Сосьве. Часа полтора после этого неслись на полных оборотах. Река едва достигала в ширину 15–20 метров и постоянно петляла.

Где-то в третьем часу дня прозвучал первый тревожный сигнал: на ровном месте налетели на перекат, сорвали шпонку у винта, мотор взревел и заглох. Течение было сильным, резко потянуло назад, стало видно, что хорошо просматривается дно на глубине не более 70 сантиметров. Поставив лодку кормой к берегу, подняли мотор для замены шпонки: с помощью молотка и топора я отрубил от большого гвоздя стержень нужной длины и заменил им уже срезанный; закрепил винт шплитом. Дело простое – были бы в достатке нужного диаметра гвозди.

Прикинули по времени пройденное расстояние – получалось, что до Усть-Маны оставалось не более 25–30 километров. Поехали медленней, стараясь предугадать мели и камни. Я стал чаще смотреть слева от себя на воду, ориентируясь нередко по глубине и рельефу дна. Измайл так же внимательно смотрел справа по борту. Так, переговариваясь, перешли на уже совсем малые обороты.

После очередного поворота перед нами предстала малоприятная картина. Вылетавшая слева узкая река вдруг разливалась широко, и обнажившаяся прямо по курсу каменистая полоска угрожающе говорила, что посередине Сосьвы не пройти. Основной поток воды с гулким ревом нёсся вдоль крутого поворота берега слева от нас и ударялся в мощный ствол упавшей сосны.

Поначалу решили попробовать пройти прямо по центру, но уже через минуту пришлось глушить мотор – слой воды едва достигал 20–30 сантиметров. Нас быстро отнесло назад, и мы приступили к отработке второго варианта. Обороты мотора самые малые, управлять лодкой приходится стоя, чтобы раньше заметить спрятавшийся под водой камень. Тело согнуто, палец левой руки постоянно чувствует кнопку, готовый мгновенно заглушить мотор. Течение столь стремительно, что иногда даже с работающим двигателем стоим на месте; осторожно прибавляем

обороты и потихоньку обходим ствол сосны, бортом отодвигая её ветви. Опыт подсказывает, что там, где мощное береговое течение, шума воды бояться не нужно – обычно здесь достаточно глубоко. Нависающие ветви деревьев заставляют постоянно пригибаться, и завершает всё ослепительное, бьющее в глаза солнце.

Удачно пройдя метров пятьдесят, неожиданно оказываемся в тупике: справа обнажился перекат, налево – резкий поворот, но мелко. Винт начинает цеплять камни, пространства для маневра нет, как и времени подумать. Измаил наваливается на нос лодки, пытаясь приподнять корму, следует толчок, резкий скрежет, мотор истошно взвыивает – сорвана шпонка! Безжизненный винт рушит наши надежды. Не успеваем обернуться, как мощный удар по корпусу лодки едва не сбрасывает нас в воду, судно разворачивается, ещё один удар о ствол сосны – прыгая через рюкзаки, пытаемся поднять мотор, чтобы уберечь редуктор, но уже всё тихо, всё спокойно: мы в ловушке. Осматриваемся: под углом 45 градусов к берегу в воде лежит сосна длиной не менее семи метров, верхушка ушла на дно, а нас держит, словно в мешке, мощное основание дерева.

При сорванной шпонке винт на движение не работает. Пытаемся заменить её прямо на воде, стоять приходится на скользком, покачивающемся стволе, гребной вал мотора находится под водой, и влепую дело совсем дрянь. Перспектива незаманчива: мокрые ствол и подошвы сапог – одно неосторожное движение и свалишься в воду. Зажмет между кормой и сосной, либо течением затащит под ствол, голову не уберечь, захлебнёшься. Ещё долгие годы местные жители будут рассказывать о духе воды *Вит-хоне*, утаившем на дно «научника».

Нужно было выбираться, причём лодку выталкивать против мощного течения. После перекура и раздумий начали заниматься эквилибриской: прижали лодку к стволу, я прошёл почти к макушке, равновесие держать трудно – втыкаю в дерево топор, вот и опора; прохожу два шага, вынимаю лезвие топора, всаживаю его дальше, делаю ещё шаг. Другой рукой пытаюсь тащить лодку за ручку носовой части. Измаил, постоянно соскальзывая со ствола, старается толкать лодку сзади, используя её одновременно в качестве опоры. После ряда усилий нос лодки находится ближе к верхушке сосны, в то время как я, погрузившись по колено в воду, стою на её чешуйчато-скользких сучьях. Дальше дороги нет, в одиночку же толкнуть лодку хоть на метр вперёд Измаил не может. Сдаем немножко назад. Держась за лодку, обрубаю мокрые ускользающие ветви, затем верхушку, укорачивая препятствие примерно на метр. Увы, это ничего не меняет. Ещё один вариант: встаю на конец ствола и начинаю поднимать нос лодки вверх, пытаясь завести его на ствол. Лодка собственной тяжестью придавливает дерево, а Измаил, упираясь в корму, пытается разворачивать судно на сосне до тех пор, пока оно полностью не перевалится через почти ушедшее под воду дерево. Тяжесть отчаянная, подбадриваем друг друга криками и, наконец, обессиленные, мокрые, валимся на дно лодки, оставляя позади недовольно покачивающую стволом сосну. Через мгновение вскакиваем, судорожно начинаем грести и толкаться вёслами, направляясь к берегу, иначе понесёт и очнёшься уже на пару километров ниже по реке.

Повторяем всё сначала: поднимаем мотор, ставим лодку кормой к берегу, снимаем винт, выбиваем срезанную шпонку. Пока Измаил развязывает мешок с инструментами, начинаю поиски заветных гвоздей. Ещё в Няксимволе я подо-

брал несколько образцов нужного диаметра и спрятал их в карман рюкзака. Стоит ли говорить, что именно этот рюкзак оказался в числе оставленных в посёлке. В наличии оставался один гвоздь, это три шпонки, по такой воде далеко не уйти.

Начинаем ещё раз: осторожноогибаем ствол сосны, проходим буруны, пытаемся вывернуть налево – скрежет, визг мотора, сорвана шпонка. Мгновенно хватаем вёсла и чудом успеваем увернуться от сосновой западни. Ещё две безуспешные попытки в течение получаса – и вот мы сидим на берегу, спешить некуда, день клонится к вечеру и положение отчаянное. Нет гвоздей и непонятно, как проскочить злополучное место. Километрах в семи ниже по реке мы видели сколоченный рыбаками навес, придётся сплавляться до него и искать старые гвозди. Разговор не идёт, чувствуется смертельная усталость и подавленность. Есть не хочется, хотя не обедали. Измаил курит, я уныло перебираю мусор в трюме, вынимая ржавые гайки, болты, клепки, тонкие гвозди – всё пустое.

Неожиданно в вечернюю тишину начали вторгаться какие-то звуки. Ещё через несколько минут стало ясно, что снизу идёт лодка. Настроение поднялось, воспрянули духом. Привели себя в порядок, стали ждать. Звук мотора приближался, потом он как-то сразу разился на два и, к нашему удивлению, одновременно – снизу и сверху – показались лодки. Мы подняли весло и через минуту радостно жали руки своих спасителей, раздавали сигареты и делились впечатлениями от реки.

Из Усть-Маны в Няксимволь спускались старик Самбиндалов и крупный мужчина, изучающий возможности организации здесь международного туристического маршрута. Навстречу им поднимались также двое: старик Саловар и некто Женя, оба изрядно навеселе. Прошлым летом мы видели мельком Саловара в Яны-пауле, но по местным понятиям это всё равно, что старые друзья. Оба экипажа шли на лёгких деревянных лодках-«горнячках», приспособленных словно скользить по речным перекатам. Самбиндалов пожертвовал нам пригоршню гвоздей и поспешил продолжить свой путь. Саловар с Женей не торопились, уверяя, что злополучный поворот они проскочат одним махом. Поскольку русла мы не знали, Женя пересел к нам, а Саловар двинулся вперёд один. Мы заворожённо смотрели, как он, искусно лавируя, обогнул сосну, прошёл поворот и скрылся из глаз. Настала наша очередь, Женя сел за руль и... его постигла известная участь. Мы лихо увернулись от сосны и пристали к берегу. Стало совсем грустно: оказалось, мы шли там, где надо, просто пройти по руслу сегодня уже было невозможно. Вода падала, и если ещё три дня назад мы бы не обратили внимания на этот перекат, то сейчас он стал для нас в полном смысле камнем преткновения.

Женя, однако, не терял надежды. Человек лет сорока с небольшим, невысокий, волосы светлые, неопрятная борода, масса морских наколок, вытянутые на коленях трико, расстегнутая на груди рубаха. Он представлял собой хорошо знакомый тип русского мужика, которому «всё по колено», который много не думает, но всё знает, за всё берётся, но мало что доводит до конца, словом, живёт легко, весело и бестолково. Когда-то, по его словам, он ходил матросом в загранплавание, и с тех пор в нём не утихала морская душа.

Ещё дважды мы штурмовали перекат, но как-то брез沃尔но, шпонки горели на глазах. Решили пробиваться посередине реки. Было понятно, что на моторе не проехать, следовало попытаться протолкнуть лодку на руках. Сняли мокрые брю-

ки, носки, надели сапоги на босу ногу, остались в трусах и штормовках. Не жарко, купаемся весь день, но работа греет. Почувствав открытое тело, налетели комары. Время уже потянулось к полуночи, опустились серые сумерки, но видимость была хорошей. Тёмной ночи в июне на Севере не бывает, поэтому мысль о ночлеге не возникала.

Женю отправили пешком по берегу, завели мотор, проехали, сколько могли, вперёд, выключили двигатель. Мотор, чтобы не цеплял камни, подняли и выпрыгнули из лодки. Измаил толкал с кормы, я шёл впереди, по-бурлацки обмотав руку носовым фалом. Пройти предстояло метров семьдесят, но против течения, да и вес гружёной лодки доходил до 400 кг. В некоторых местах днище скребло по камням, лодку то и дело приходилось сталкивать с возникшего на дороге валуна, крутить из стороны в сторону, пытаясь удержать носом против течения.

Рубеж был взят, хотя против течения лодку толкали впервые. Женя застыгнул к нам, и тронулись дальше. Шли на малых оборотах, с присутствием лишнего пассажира скорость совсем пропала. Наш спутник болтал без умолку, подавая советы; хотелось въехать в берег.

Так прошло ещё три часа. Несколько раз выбирались из лодки и тащили её на руках. Изрядно помучались на последнем перекате. Заранее подняв мотор, толкали лодку в узком проходе между двумя каменистыми островками. Сразу за ними было глубоко. Перевалившись через борт, Измаил мгновенно бросался к мотору, спеша опустить его в воду. Женя, воткнув весло в дно, пытался удержать лодку, а я – включить мотор, стараясь уйти от переката, на который несло со страшной силой. Пять попыток, по уши в воде, на груди – ссадины от острого борта лодки.

Перекаты и мели шли бесконечно и, казалось, нам суждено провести здесь всю жизнь. Преследовала мысль, что Усть-Маньи нет, это – призрак, мы идём в никуда. В три часа стало совсем светло. Всё чаще встречались отвесные скалы, затем по левому борту потянулся мощный глиняный яр, за вершину которого судорожно цеплялись сосны и, не удержавшись, многие бежали вниз и падали по дороге.

«Хо-хо», – прохрипел Женя, – «осталось километра два». Вглядывались напряжённо вперёд, надеясь за каждым поворотом увидеть крыши домов; повороты оставались позади, а деревня, словно навсегда, исчезла с этой планеты.

Река стала уже и глубже. Женя подгонял, уверяя, что здесь безопасно, и я добавил обороты. «Заяц, заяц! Смотрите, заяц!» – вдруг закричал моряк – любитель животных и, показывая рукой на песчаную отмель справа, засвистел. На берегу действительно сидел заяц, не обращая внимания на старого морского волка. Взревел мотор, и за километр до цели полетела шпонка. Проклиная любителя природы, подтянули лодку к топкому берегу. Винт долго не снимался, нещадно стучали по нему молотком, через раз попадая по пальцам. «Дальше доберётесь сами, я пошёл», – устало произнёс Женя и скрылся из глаз.

За поворотом действительно показались дома, вытянувшиеся в одну линию по левому берегу – серые избы на фоне тёмного леса. От воды поднимался низкий туман. Посёлок спал: ни дымка, ни лая собак. Было четыре часа утра. В мокрой, прилипшей к телу куртке как-то сразу стало холодно.

Последние полкилометра тянули лодку волоком. Монотонное шествие прерывалось, когда «Прогресс» застревал между двумя валунами. Лодку раскачивали, приподнимали, разворачивали. Освободившись, она обязательно вставала поперёк

течения. Измаил до пояса провалился в яму, стал взбираться на борт, в это время я рванул лодку вперёд, и он полетел спиной в воду. Сил возмущаться уже не было.

Так и брели до первого дома. Оркестр молчал. Цветов и свидетелей триумфального финиша не оказалось.

29 июня, пятница

Впечатление о спящей деревне оказалось обманчивым. Из-за угла вагончика, стоявшего на пригорке, вынырнул незнакомый мужик и направился к нам. Это был Женин сосед, Николай, человек примерно того же возраста и внешнего вида: мятые холщовые брюки, клетчатая рубашка под линялой штормовкой, давно нечёсанная борода. Глаза бегали по сторонам, ощупывая незнакомцев, их лодку, поклажу, стараясь отыскать спиртное. Женя, прежде чем повалиться на кровать, успел предупредить о прибытии гостей и отправил соседа позаботиться о нашем ночлеге. Оказалось, что мы пристали к берегу прямо напротив дома Саловара, но он ещё не вернулся. Как выяснилось позже, он немного не дотянул до посёлка, открыл припрятанную в кустах банку браги, попробовал её готовность и лёг спать в лодке, обернувшись полиэтиленовой пленкой от комаров и возможного дождя.

Береговой вагончик был переделан под баню, на дверях висел массивный замок вместе с ключом. Николай рекомендовал нам устроиться в доме Саловара, всё равно же дверь не заперта, но мы не решились переступить порог квартиры без её хозяина. Вещи перенесли в предбанник, развели на берегу костёр и поставили чайник. Уяснив, что на опохмелку не выгорит, Николай ушёл спать. Комары продолжали беспокоить, и мы решили завтракать в бане, разложив кружки, хлеб и консервы на чистых полках. Переоделись в сухую одежду. Вдыхая сырватый запах берёзового веничка, пили чай и ждали Саловара.

Около шести утра в дверь забарабанили, мы выглянули наружу и столкнулись с заспанным и помятым Саловаром, возмущавшимся, что дорогие люди брезгуют его гостеприимством.

Дед жил в другом вагончике, с пристроенными к нему сенями и сараем для коровы. В ограде были засеяны грядки, стояли пустые бочки и поленницы дров. Дом состоял из двух небольших комнат: в одной жил Саловар, другая служила пристанищем частым гостям старика.

Саловар, а точнее, Саловаров Виктор Петрович, уже несколько лет был на пенсии. Жизнь изрядно помотала его по просторам Севера, под старость остался один, но ещё охотился, рыбачил, держал хозяйство и даже, говорят, ездил иногда за много километров к одной «солдатке». Разбросанные чёрные с проседью волосы, окладистая борода, живые глаза, усыпанная шутками-прибаутками речь – всё в нём было очень красиво. Из него исходила какая-то невероятная любовь к жизни. Он не мог сидеть на месте ни минуты, всё время куда-то бежал, хлопотал, беспокоился о гостях, кошках, собаках, корове; он давно отвык думать только о себе.

Саловар отвёл Измаила к Жене, оставил меня в своём доме. Поставив полог над кроватью, я стал раздеваться. После долгой езды спина и руки нещадно ныли, хотелось скорей забыться. Глаза закрылись.

Неожиданно рядом заорал петух, сидевший в углу комнаты вместе с одногой курицей. Днём старик выпускал их на улицу, а на ночь загонял в большую

деревянную загородку в квартире. Петух, выдерживая минутные паузы, орал вдохновенно и радостно. В голову словно вбивали глубже и глубже тупой гвоздь. Брошенный сапог ещё больше возбудил певца, он как-то причудливо выругался и заголосил в полную силу. Какой тут сон! Пришедший в десять утра Измаил застал меня за столом: умывшись, я мрачно поправлял дневниковые записи.

Мы вышли на улицу. В яркий солнечный день окрестности смотрелись привлекательней. Тайга прижимала посёлок к реке, и с постройкой домов Усть-Манья всё более вытягивалась вдоль берега Сосьвы, практически не пытаясь потеснить вглубь могучий сосновый бор. Преобладали двухквартирные дома, вагончики и мансийские избы составляли явное меньшинство. Посёлок служил пристанищем вахтенным рабочим, которых в нужные сроки забирал и возвращал вертолёт.

Завтракали и обедали у Жени. С женой Ларисой они приехали сюда два года назад, оставив в Москве квартиру дочери. Что привело их в эту глухомань – они не говорили, но если Женя быстро стал своим, то Ларису иначе как «москвичкой» не называли. Первой в посёлке она стала высаживать возле дома цветы, одеваясь по-городскому и окончательно сразила всех тем, что круглый год купалась в реке, вода в которой большую часть времени ледяная.

За разговорами прошёл день, попутно Измаил выяснял возможности дальнейшего пути. Мы стремились на озеро Турват, где по рассказам жили две мансиjsкие семьи, сохранившие традиционный уклад и образ жизни. Предстояло подняться вверх по реке около тридцати километров до Стрелки – места слияния Большой и Малой Сосьвы. По последней до озера оставалось немногим более двадцати километров. Было ясно, что «Прогресс» придётся оставить в Усть-Манье и на чьей-нибудь «горнячке» подняться до Турвата. Вверх по реке нас вызвался отвезти Саловар, но ждать там ему было не с руки – надолго не отпускало беспокойное хозяйство. Оказалось, что на озере второй год разводят чёрнобурых лис, и сейчас там находился некто Валентин, к которому его начальник отправлял посылку с просьбой снабдить нас надувной резиновой лодкой, на которой мы могли сплавиться обратно. Валентин несколько дней не выходил на связь, и наша поездка была кстати.

На исходе дня тронулись в путь. Деревянная лодка по размерам и грузоподъёмности не была приспособлена для трёх мужчин, пришлось экономить на поклаже. Взяли два рюкзака с фотоаппаратами и немного пищи, спальники и палатку оставили в доме. Старенькому мотору «Ветерок-8» сил хватило только на то, чтобы пройти вдоль посёлка, сразу за последним домом он заглох. Провозившись с ним полтора часа, сплавились на вёслах обратно. Судьба нас берегла: ночью пошёл проливной дождь, и мы переждали ненастье под крышей, к тому же к утру в реке поднялась вода.

30 июня, суббота

Утром распогодилось, но ещё часа два старик занимался с мотором, и выехали только в обед. Бензина взяли сорок литров, с большим запасом на случай, если куда-нибудь придётся ехать на Турвате. До Стрелки рассчитывали истратить не более 10–12 литров.

Сразу за посёлком Сосьва разлилась широко, и глубина воды едва достигала 20–25 сантиметров. Винт на «Ветерке» крепится тонким гвоздем, и наехать

на перекат не так страшно, как на нашем «Вихре». Часа полтора крутились на одном месте, рвали гвозди, приставали к берегу и меняли их. Пытались пройти то левее, то правее, но Усть-Манья никак не хотела исчезать за поворотом. Только прибегнув к испытанному способу – тащить лодку волоком – стали продвигаться вперёд.

Следующие несколько километров вознаградили нас за усилия: стало глубже, и лодка шла почти без остановок. Появились горы, невысокие скалы с островками сбегающих сосен придавали пейзажу особенный колорит.

Саловар вёл «горнячку» уверенно – за долгие годы он выучил русло наизусть. Идиллия, однако, продолжалась недолго. Пошли частые мели, тогда Измаил с середины лодки переместился вперёд, а я налёг всем телом на нос, пытаясь немного приподнять корму с мотором. От носа лодки, рассекающего волну, прямо в лицо и на куртку неслись тысячи брызг. На перекатах высакивали и тащили лодку с сидевшим в ней Саловаром, готовым завести мотор и уйти на сравнительно глубокое место. Продвигались медленно, тело от долгого сидения ныло, хотелось выпрямиться во весь рост, но это было чревато потерей равновесия.

В седьмом часу вечера остановились на галечной косе. Старик сказал, что до Стрелки осталось немного, поэтому решили костёр не разводить, а перекусить сухим пайком. Банка тушёнки, банка кабачковой икры, хлеб – ужин на троих. Для поднятия духа моториста Измаил достал бутылку лимонной настойки, которая получила высокую оценку.

Оказалось, что двадцатилитровую канистру мы уже израсходовали, в запасе оставалась вторая, и это не вызывало беспокойства, хотя было заметно, что сильно перегруженная лодка и постоянное движение против сильного течения увеличили расход бензина.

Ещё через час наше путешествие едва не закончилось преждевременно. Заглох мотор, и когда, пристав к берегу, его подняли из воды, то обнаружили, что редуктор держится на единственном болте, тогда как остальные, вероятно, вследствие тряски по камням, вылетели на ходу. Попутно выяснилось, что канистра с бензином стала значительно легче. Увы, мы слишком поздно заметили, что бензонасос неисправен и часть горючего напрямую сливалась за борт. Стало очевидно, что может не хватить бензина. Мы старались отогнать эту тревожную мысль, но около десяти вечера мотор последний раз вздохнул и замолчал. Канистра была пуста, как пивная бочка летним вечером. День был на исходе, причалили к берегу. Солнце опустилось за лес, стало прохладно. Такого исхода не предвидел никто.

Голод и усталость пришли одновременно, отогнав попытки идти дальше и даже думать о подобной возможности. Следовало позаботиться о том, как провести предстоящую ночь. Саловар углубился в лес и среди деревьев расчистил место для костра. Хворост и береста были в избытке, и скоро языки пламени высоко подпрыгивали, старясь ухватить низкие берёзовые ветви. В лодке был чайник, в рюкзаке тушёнка и хлеб; котелок и лапша остались в Усть-Манье каравулить палатку и спальники (рис. 214).

После ужина разговоры о том, что отдохнём вот так часика два и дальше в путь, куда-то исчезли. Саловар подбросил пару поленьев в костёр, сунул под голову рюкзак, повернулся на бок и моментально заснул. Измаил крутился дольше,

Рис. 214. В.П. Саловаров (слева) и А.В. Бауло (справа).

примеряя мой плащ то под себя, то в качестве покрывала, обильно поливал руки и одежду «Рефтамидом» и звал присоединяться.

Стало темно, дрова быстро прогорали, и сразу чувствовался ночной холод. В штормовке было зябко, приходилось постоянно поддерживать огонь, чтобы окончательно не замерзнуть. Последние надежды на сон безжалостно отгоняли комары; струя аэрозоли, спасающая от них, казалась ледяной. Оторвав кусочек бересты, стал сочинять коротенькое письмо, выдавливая ножом буквы, слова и складывая их в сухие предложения. Подобное занятие Измаил ласково называл «конспектом на родину».

1 июля, воскресенье

Уже июль. Середина лета. Середина дороги. День воскресный – рабочий. Разбудил спутников в семь утра, попили горячего чайку, вытащили на берег лодку и накрыли её пленкой. Двинулись в путь с надеждой на недолгую дорогу. Как уверял Саловар, до Стрелки оставалось километра три. Это максимум. Может, меньше. У нас с Измаилом за спинами рюкзаки, в моём – три фотоаппарата, несколько баллончиков «Рефтамида», три бутылки водки, банки с тушёнкой, хлеб, чай, полог и плащ. Старик идёт бодро, налегке.

Марш был недолгим. Уже через полкилометра тропинка обрывалась – на пути вставала скала, налево она резко уходила верх, а справа на протяжении сотни шагов омывалась тёплым течением воды.

«Ерунда, – сказал Саловар, – обойдём по горе». Не дожидаясь нас, ловко хватаясь за стволы и ветви деревьев, он стал карабкаться вверх и быстро скрылся из глаз. Изредка доносился его ободряющий голос, затем пропал и он. Мы не спешили присоединиться: сняв рюкзаки, сидели на пригорке, перебирая возможные

в нашем положении варианты. Закончив курить, Измаил снял брюки и носки, налегке подошёл к воде и сделал несколько пробных шагов. Почти сразу его качнуло, затем ещё раз и ещё – скользкие камни и течение стремились уронить дерзкого путника, и Измаил почёл за благо вернуться назад.

Посидели ещё немного, но время шло, и нужно было на что-то решаться. Надев рюкзаки, начали медленно подниматься в гору. Сразу стало жарко, а на душе тоскливо.

Склон изгибался круче, а вершина по-прежнему пряталась за деревьями и не спешила показываться. Сосьва уже давно превратилась в маленький извилистый ручеёк, и с такой высоты стало неприятно смотреть вниз. Ноги гудели, всё чаще задевая за корни и упавшие стволы деревьев, стучало в висках, рюкзак нещадно тянул спину.

Падать уже было далеко и долго. В просвете между сосен показался пик, за ним склон резко убегал вниз, вновь поднимался, и так повторялось несколько раз. Мы явно переоценили свои силы, оставалось красиво отойти. Измаил стал осторожно сползать вниз, постепенно ускоряясь с приближением к реке. Слалом продолжался: судорожно уворачиваясь от набегающих навстречу сосен, обламывая сухие ветви и прикрывая рукой глаза, я заспешил вниз с такой скоростью, что казалось по инерции смогу перебежать реку.

Долго не могли отдохнуться. Тем временем, а было около десяти утра, испортилась погода: ушло солнце, потянулись первые тучки, и лезть в воду окончательно расхотелось. Однако Измаил был настроен решительно, прекрасно понимая, что другой возможности попасть на Турват может больше не представиться. Он вновь разделся и пошёл на разведку дороги вдоль скалы. Вернувшись, сообщил, что там совсем неглубоко и можно пробраться.

Помаленьку пробирались, левой рукой нашупывая выступы в скале, а правой балансируя в поисках равновесия. Сквозь тёмную воду слабо просматривалось дно, заваленное камнями. Попадались массивные валуны. Забравшись на них, можно было передохнуть, но затем приходилось сползать, осторожно ставить ногу и делать ещё один шаг. В некоторых местах вода достигала пояса, и куртку нужно было подворачивать как можно выше.

Наконец, опять пошёл ровный берег, и через полкилометра мы набрели на ожидавшего нас Саловара. Вид у него был усталый: поход через горы отнял много сил, но он по-прежнему уверял, что выбрал лучший путь, что мы напрасно не присоединились к нему, а предпочли мокнуть сами, мочить одежду и вещи.

Затем опять шли вместе по узкой полоске берега, усеянной разнокалиберной галькой, и тело постоянно бросало из стороны в сторону. Вновь выросли скалы, но пробираться под ними предстояло уже метров триста вдоль пологого поворота. Старик решительно отказался идти за нами, сказав, что попробует потихоньку перейти на другой берег. Ждать его не стали и сразу двинулись вперёд. К концу водного перехода погода испортилась окончательно, небо затянуло, пошёл дождь, который следовало переждать. На ветви дерева накинули плащ и сели под него, тесно прижавшись, друг к другу. Почти сразу со всех сторон начало подтекать, куртки намокли, стало зябко. Выпив по глотку водки, немного согрелись, просидели так больше часа. Дождь не переставал, небо окончательно затянуло, ждать

было нечего. Двинулись под дождём, в состоянии глубокой апатии, покрыв в таком настроении ещё пару километров.

На пути опять встала скала. Я двинулся вперёд, вода угрожающе поднималась уже выше пояса, рюкзак с трудом удерживался над водой, а резкий поворот не давал возможности увидеть, что дальше. Шедший сзади Измаил сорвался с камня и упал рюкзаком в воду – это окончательно заставило нас проторзевть от дождя, усталости, реки, дороги и вспомнить о том, что жизнь действительно даётся человеку один раз.

Пришлось перебираться на другую сторону. Вода едва закрывала щиколотку, но течение было столь стремительным, что внимание приходилось уделять каждому шагу. Внимательно смотрели – куда поставить ногу, чтобы не оступиться на скользкой гальке, равновесие удерживалось большими усилиями, и ноги постоянно пытались убежать от тела вниз по реке.

Нудный дождь сопровождал нас и дальше; ещё километра два брали по правому берегу, иногда натыкаясь на следы старика. Наконец, и они исчезли вместе со стариком и мифической Стрелкой. Мир вокруг нас стал совсем чужим, словно люди остались где-то очень далеко, и мы оказались на другой планете, уходя в совершенное никуда.

Перешли на левый берег, поднялись по яру и углубились в лес, мечтая об укрытии и тепле. Между деревьев нашли кострище, могучие ветви прикрывали нас от дождя, и мы решили немного передохнуть. Развели костёр, на огне подогрели тушёнку, на высокие колья повесили сушиться одежду. Прислонившись к сосне, Измаил уснул, измученный дорогой.

Я пошёл на разведку, проваливаясь по мокрому песку и переходя извилистые ручейки. Довольно скоро увидел след сапога, потом следы пошли чаще – старик проходил здесь не так давно. Разбудил Измаила, собрали вещи и с некоторой надеждой побрали вперёд. Дождь почти прекратился. Река делала широкий поворот, и вдалеке мы увидели сидящую на камне маленькую фигурку. Опять шли в гору, пробирались в воде под скалой и, наконец, добрали до нашего спутника, такого же мокрого и уставшего, но ещё более голодного.

Оказалось, что Стрелка рядом, по хорошей дороге километр пути. У высоких скал здесь сливались Малая и Большая Сосьвы, нас интересовала первая, но вдоль её берега дороги не было. До дома Самбидалова считали около 12 километров пути, а напрямую – через болота и по горам – выходило только восемь. Поднялись наверх и двинулись по узкой тропинке среди густых зарослей деревьев. Почва под ногами хлюпала, тяжело вздыхала, проваливалась, было грязно; шли на автопилоте. Старик впереди, на метр сзади след в след шёл я, опустив голову и видя перед собой только его сапоги. Измаил почти сразу отстал, заявив, что теперь можно и не спешить. Через час пути остановились на перекур, устроившись на стволе поваленной осины. Измаила всё не было. Пошёл обратно и через километр нашёл его сидящим на мокром стволе с папирской в зубах. Начальник просил не беспокоиться, а мы-то подумали – сердце или мало ли чего, место глухое, всякое бывает.

Следующий час шли с Саловаром быстрее – надвигалась ночь, зарядил нудный дождик, хотелось скорей добраться до дома. Задержало мокрое болото: неуклюже прыгая с кочки на кочку, скользя по влажной траве, набрали полные сапоги воды, а я ведь давно не упоминаю о комарах.

Тропинка пропала, заваленная деревьями, брели наугад, так как стариk не был в этих местах несколько лет. На исходе третьего часа пути с горы где-то далеко внизу увидели реку и на другой стороне постройки. Спустились вниз, перешли глубокий ручей, продрались сквозь высокую траву и кустарник, остановились на берегу. Река – ерунда, ширина семь метров, за ней – дом, там живут люди и бегают собаки. Но течение жуткое, нечего и пытаться, събьёт на первом шаге, и начнёшь считать головой по дну уральские камешки.

«Э-эй!» – закричали мы изо всех сил. Из дома вышел человек, прыгнул в лодку, оттолкнулся пару раз шестом и оказался рядом с нами. Это был Алексей, семнадцати лет, старший сын Владимира Петровича, хозяина дома. Он остался за главного, пока отец ставил сети на озере.

Было около полуночи, когда мы вошли в дом. Приготовили чай, Лёша поставил на стол миску свежесолёного хариуса и тарелку с хлебом. Пока развесивали мокрую одежду и разбирали поклажу, он отправился за реку навстречу Измаилу. Через час мы ужинали вместе.

Изба была однокомнатная, но просторная. Сразу у входа стояла железная печка, у единственного окна – стол и две лавки, у задней и правой стены – три топчана. На одном из них кашляла и что-то глухо по-мансийски проговаривала старуха – мать Владимира Петровича. Монотонное бормотание то становилось угрожающим, то резко стихало, долго тянулось на заунывной ноте и так практически без пауз, пока сон окончательно не сморил нас.

2 июля, понедельник

Проснулись около десяти утра. Леша наловил рыбы, была готова уха, стоило поспешить. День обещал быть жарким. На берегу реки, на небольшом участке земли, уместились дом, летняя кухня, лабаз на четырёх ножках и навес, под которым сушилось нарезанное тонкими ломтиками оленье мясо. За горой жила ещё одна семья, откуда посмотреть на гостей пришёл брат Владимира Петровича – Роман, мужчина лет сорока пяти, хромой, его подслеповатые глаза прятались за треснутыми стеклами очков. Работой он обременён не был и охотно согласился отвести нас на Турват. Пряником по болоту туда считали шесть километров.

Вышли после обеда. Саловар договорился с Лёшой вернуться на лодке последнего в Усть-Манью и по пути забрать лодку старика. Мы тепло попрощались и перешли под опеку другого проводника.

Роман налегке, опираясь на палку, не спеша, идёт впереди, наши большие рюкзаки не располагают к столь плавной прогулке, но торопить не принято. Тропинка забирается в гору и выходит на широкий глинистый зимник, развороченный лесовозами. Обходим бесконечные лужи и ручейки, сапоги вязнут в глине, плечи ноют от безжалостных лямок рюкзаков. Делаем привал, устроившись на стволе сосны, коих во множестве повалено вдоль дороги. Разговор обычный: сколько прошли, сколько осталось; папиросы докурены, снова в путь. Сворачиваем налево, в лес, на мокрую и узкую тропинку, прыгаем по кочкам, часто проваливаясь по щиколотку в болотную жижу. Со всех сторон глухой лес, тишина нарушается лишь звоном комаров. Неожиданно лес расступается и перед нами открывается большое поле, в котором чего-то не хватает и от этого сразу возникает

неприятное ощущение. Предстоит переход по мокрому болоту, нужно идти точно в след Роману, иначе беды не миновать, скот тонул здесь не раз. До кромки леса на другой стороне метров триста, всё ходит ходуном, и чем-то нежилым веет от этого пейзажа. Вокруг всё мертвое, и даже не кружатся птицы.

После болота тропинка вывела нас на поляну, где стояли бочки с соляркой, здесь иногда садился вертолёт; за площадкой виднелся новый дом, построенный в этом году. Перед ним устроен навес, в примитивном очаге горел огонь. Навстречу нам поднялись двое: сам хозяин, Владимир Петрович Самбиналов, и его младший сын, окончивший пятый класс и проводивший лето с отцом. Внутри дома, построенного рабочими леспромхоза, было пусто, только в дальнем углу находились нары. Сели ужинать в темноте, так как не нашлось даже свечи. Мы выставили бутылку «Пшеничной», хлеб, чай, сахар, хозяин – котелок ухи. Разговор шёл трудно, мы просили показать нам священное место на берегу Турваты. Самбиналов сначала отнекивался, уверяя, что «старинного» уже ничего не осталось, потом и вовсе на нас повеяло какой-то напряжённой агрессивностью, перемежавшейся возгласами: «Я – хозяин Турваты, захочу – покажу, захочу – нет». Ложились спать в подавленном состоянии: так далеко забраться, столько отдать сил и всё напрасно? Роман, как мог, ободрял нас и обещал содействовать.

3 июля, вторник

Утром хозяин оказался более покладистым и согласился показать нам местное мансиjsкое святилище. Берег озера был рядом, к нему через лес вела узкая тропинка. Озеро Турват в ширину едва достигает километра, но далеко разбегается в длину, так что его правый край уже теряется за тонкой полоской леса. На противоположной стороне открывается панорама Уральских гор, куда в летний период уходят со своими стадами манси-оленеводы (рис. 215).

Пока снаряжали «горнячку», справа послышался шум мотора, и вскоре мы увидели медленно приближающуюся лодку «Прогресс» с изрядно помятыми и облезшими боками. Это был Валентин, он держал здесь ферму чёрнобурок, и к нему у нас было письмо из Усть-Маны с приветами и просьбой помочь резиновой лодкой на обратную дорогу. Цель приезда мы не объясняли, сказав только, что нам необходимо сделать для новой книги несколько снимков озера и Уральских гор.

Тем временем Владимир Петрович установил мотор и погрузил в лодку нашу поклажу. Большая «горнячка» вместила хозяина, нас двоих, Романа и мальчишку. Шли на малых оборотах, так как озеро было мелкое, и винт постоянно цеплял траву. Встретивший берег оказался болотистым, пришлось часть пути прыгать по кочкам, затем тропинка стала посушее, а лес пореже, и некоторое время спустя сквозь стволы деревьев мы увидели первый амбарчик, стоявший на опоре: до-мик покосился и был готов упасть. Амбарчиков оказалось три, с десяток метров отделял их один от другого, и была хорошо заметна их возрастная разница. Два первых оказались пустыми. Остановились и развели костёр у третьего.

Сумьях был установлен на кедровом пне и выполнен из колотых плах; на четырёх углах строения были прибиты вертикально установленные столбы, причём на макушках передних были вырезаны личины лесных духов *менквов*. Передняя стенка амбарчика, с небольшим квадратным оконцем в середине, одновременно

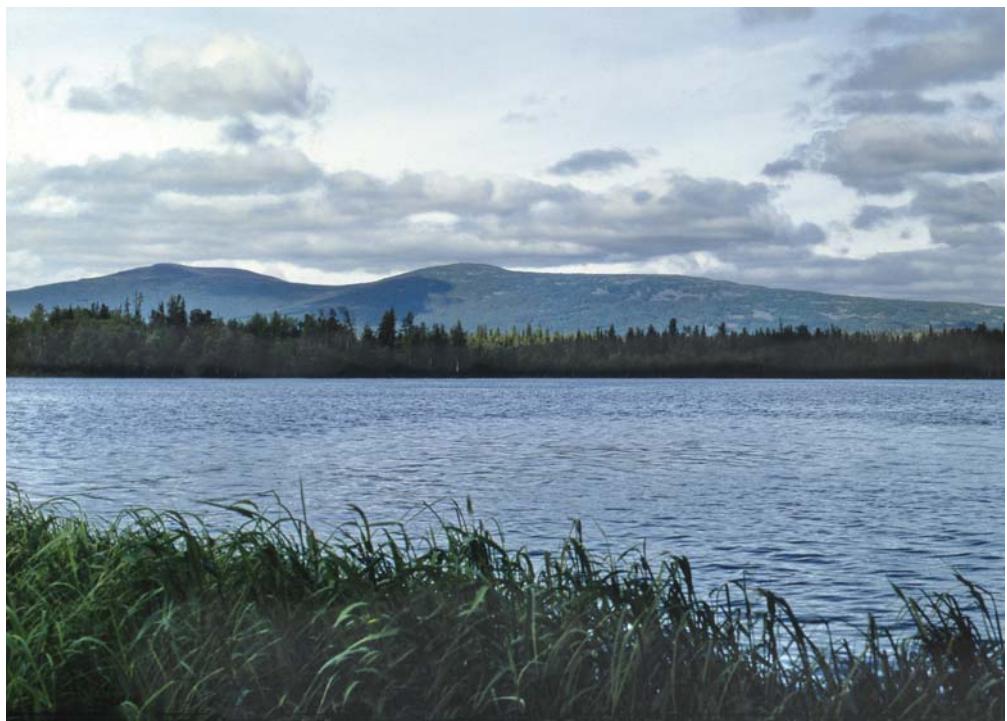

Рис. 215. Озеро Турват.

выполняла и роль дверцы, удерживаемая поперечной выструганной палкой, продетой сквозь отверстия в боковых стенах. Рядом на траве лежало бревно с выемками, служившее лестницей.

Приставив его к амбарчику, Владимир Петрович забрался повыше, убрал перекладину и снял дверцу. В отличие от большинства предыдущих посещений подобных культовых мест, здесь хозяин категорически запретил вынимать фигуры духов-покровителей. Разрешено было лишь подняться по бревну и заглянуть внутрь, где прислонившись к задней стене «сидели» *Нер-ойка* и *Чохрынь-ойка*. Ещё до войны святилище было ограблено и наиболее ценные приклады унесены.

После традиционной совместной трапезы, во время которой угощение в первую очередь было поставлено духам, Измаил ещё долго продолжал расспрашивать хранителя места об особенностях обряда посещения, а я фотографировал амбарчики, снимал их размеры, рисовал план ритуальной площадки (рис. 216–219).

Наконец дверцу установили на место, положили лестницу и двинулись в обратный путь. На другом берегу озера нас ждал Валентин и ярко-оранжевая резиновая лодка. До дома Самбингдалова было рукой подать, но мы решили опробовать навыки вождения и сплавиться на километр вниз по р. Турахтъя.

Река сонно вытекала из озера, достигая в ширину шести–восьми метров, и петляла в зарослях мелкого кустарника. Можно было не гребсти, лишь изредка приходилось отталкиваться единственным веслом от берега или нависших над водой деревьев. Где-то через час мы заметили небольшой домик – баню, причалили и вышли прямо на летнюю кухню, где хозяева и Валентин ужинали с бражкой. Собрали вещи и из молоденьких сосенок вырубили два шеста, зная, что вскоре река превратится в бешеный скоростной поток, и весло делу не поможет. Нас приглашали выпить чаю и остаться на ночь, но наступал вечер, и нам предстояло 12 километров пути по горной реке. Услышав отказ, стали пророчить разного рода напасти – что мы не доберемся до места, обязательно перевернём лодку и вообще мы «такие-сякие» и нам «никогда», а вот он, Самбингдалов, «запросто и хоть сейчас».

Рюкзаки поставили на дно лодки, и сразу стало тесно; я сел впереди на по-перечное деревянное сиденье, а Измаил устроился сзади прямо на днище. Первый километр река спокойно катила свои воды, любое движение шестом по воде вызывало быстрое вращение лодки на месте, и мы старались сидеть без движения. На одном из поворотов упавшая берёза перегородила реку, пришлось выбираться из лодки и переваливать её через ствол. Мы уже начали уставать от монотонного движения, как где-то в стороне послышался шум, постепенно усиливающийся при нашем приближении. Очевидного наклона местности не ощущалось, но скорость течения реки стала увеличиваться прямо на глазах. Ещё немногого и нас рвануло вперед, что отдаленно напомнило самолет на взлете: медленно катится по полосе, замирает, затем угрожающе взревают моторы, и вдруг он, словно неведомой силой, срывается с места.

Мы пролетели оставшиеся десять километров, наверное, за час. Река постоянно петляла, вряд ли более пятидесяти метров нам удавалось проскочить по прямой и – новый поворот; слева и справа – скалы, а на пути масса выглядывающих из-под воды валунов. Увернёшься от скалы – налетишь на камень, успеешь отвернуть и уже несёшься на скалу, с ужасом понимая, что времени

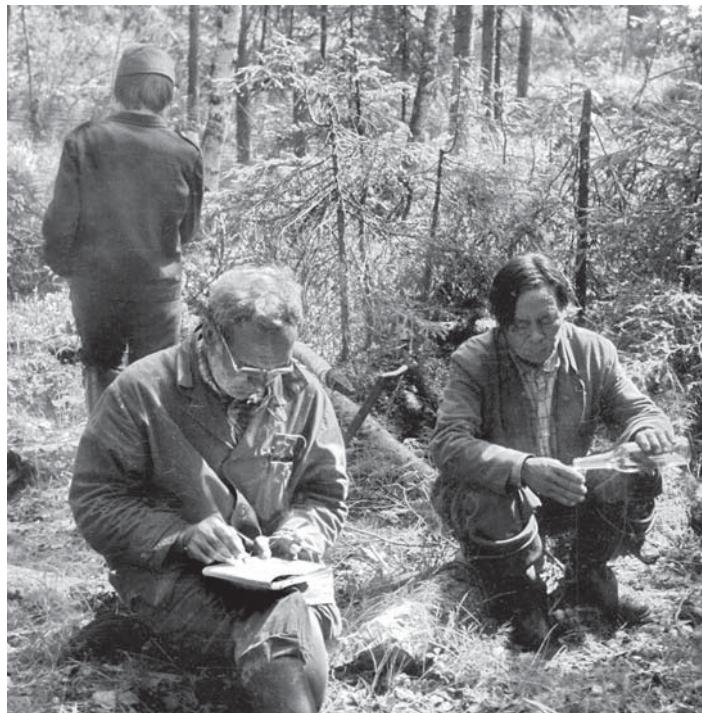

Рис. 216. И.Н. Гемуев (слева) и В.П. Самбиндалов (справа).

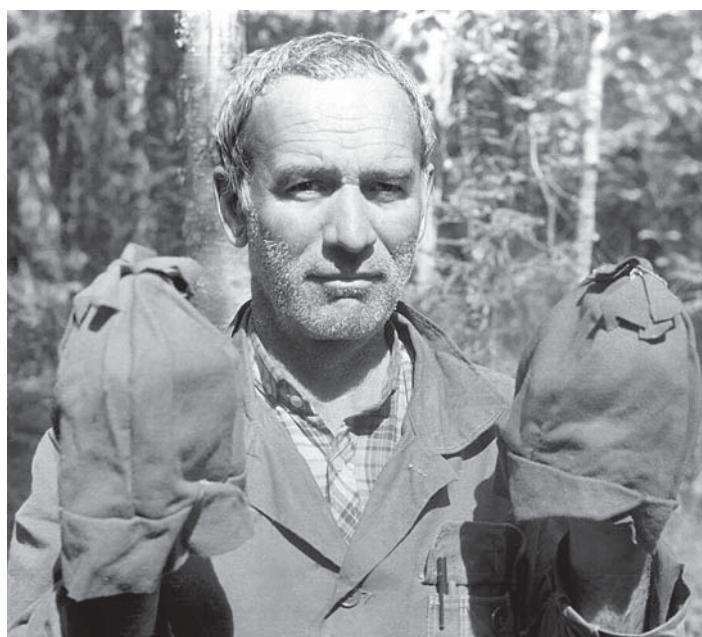

Рис. 217. И.Н. Гемуев с головными уборами божеств.

Рис. 218. И.Н. Гемуев (слева) и В.П. Самбиндалов (справа).

Рис. 219. В.П. Самбиндалов с сыном на священном месте.

для маневра нет, успеть поставить шест, да поберечь голову. Охвативший вначале страх сбылся азартом, да и не было секунды подумать о нём, всё внимание занимало движение. Моя спина мешала Измаилу видеть что-либо впереди, и потому приходилось кричать. «Влево!» – и мы лихорадочно начинали отгребать шестами, пытаясь слева проскочить мимо торчащего посередине реки камня. «Вправо!» – неистово ударяя шестами по воде, пытаемся увернуться от стремительно вылетающей из-за поворота скалы. В последнее мгновенье успеваем подставить между скалой и лодкой шест, упираемся, и лодка начинает вращаться вокруг оси, и ничего не видно в этом бешеном мельканье, как вдруг удар, крики... и тишина. Мы намертво, всем днищем, сидим на валуне и молим Бога, чтобы оно осталось в целости и сохранности, а ведь на днище сидит Измаил, ощущая многострадальным телом коварный рельеф дна.

Где-то в середине пути стало заметно, что из лодки понемногу выходит воздух, пристали к островку и провели профилактический осмотр. Всё было в норме, поработали помпой, перевели дыхание и устремились в бешеный поток.

На полной скорости, едва не пролетев мимо, выкатили на берег у старого дома Владимира Петровича. Забрали из лодки вещи, перевернули её на траве и вошли в дом. Приближалась ночь, сил ужинать не было, только горячий чай и сразу под полог в спальники.

4 июля, среда

Встали рано и за завтраком решили после полудня продолжить путь по реке. До Усть-Маны оставалось около 40 километров. Но прежде необходимо было посетить дома за горой. Тропинка была хорошо натоптана, и мы легко достигли цели. На небольшой площадке, окружённой лесом, стояло несколько строений – три дома и хозяйственные амбары на четырёх ножках. В самом маленьком доме жил почти слепой старик Дмитрий, в другом – Степан с женой и шестью детьми мал-мала меньше. Поодаль стоял большой дом, в котором, судя по всему, летом не жил никто (рис. 220–222).

Солнце поднялось уже высоко, а Дмитрий ещё спал. Жизнь текла размеренно, по известному порядку, и торопиться не стоило. Не вставая с постели, он долго взглядался в нас, стараясь и рассмотреть, и понять, кто мы такие, какие черты нас принесли; но добрые слова, приветы от общих знакомых, предложенная сигарета быстро смягчили обстановку. Пошли разговоры – больше о погоде и видах на осенний сбор ягод, так как охотой он уже не занимался. Постепенно мы нажимали на него с просьбой посмотреть старый дом и заснять на пленку его интерьер. Наконец, Дмитрий, накинув пиджак на рубаху и натянув сапоги (в остальном он так и спал), вышел на улицу.

Дом, к которому было приковано наше внимание, стоял на окраине поляны, слева к нему вплотную подбирался молодой березняк. Глухие сени вели в большую комнату: слева у двери – железная печка и стол у окна, у окна справа – большая кровать. Ещё одна кровать стояла у задней стены, над ней была сооружена широкая полка, закрытая занавеской. Справа от кровати, на тумбочке, один на другом, стояли два закрытых на замки сундука. Было понятно, что там, равно как и на полке, находится масса интересных вещей, но торопиться не стоило.

Рис. 220. Хозяйственный лабаз.

Рис. 221. Жители Турват-пауля.

Рис. 221. Жители Турват-пауля (продолжение).

Рис. 222. Санквылтап.

Сели за стол, пошёл обычный разговор, умело направляемый Измаилом в нужное русло. Дмитрий не заставил уговаривать себя долго и разрешил отдернуть занавеску в сторону. На полке лежали *санквылтап* и несколько мешков размером с большую подушку. Один из них был сшит из оленьей шкуры, остальные – из ситца и хлопчатобумажной материи. Рядом «сидели» три антропоморфные фигуры. Изготовлены они были достаточно традиционно: несколько сшитых или купленных рубах надели одна на другую и перевязали поясом; голову оформили остроконечной шапкой, сшитой из разноцветных клиньев сукна и повязанной платками.

Неожиданно тяжелым оказался мешок из оленьей шкуры, в котором хранился *Евтымс-ойка* – покровитель всех Самбиндаловых. Дважды в год они съезжались сюда на жертвоприношение: выставляли *Евтымс-ойку*, в честь которого убивали оленя, подносили подарки и возносили молитвы. Фигура духа-покровителя, состоящая из множества одежд, отличалась внушительными размерами, а её вес приближался к двадцати килограммам. Увы, узнать, было ли что-то у неё внутри, нам не удалось. Не пришлось заглянуть нам и в сундуки, находившиеся в доме.

Они принадлежали Владимиру Петровичу, а опыт общения с ним не позволял надеяться, что он пойдёт навстречу.

В четыре часа дня пустились в обратный путь. Первые девять километров шли по Малой Сосьве, река становилась шире, скорость течения уменьшилась, прибавилось мелей с хищно выглядывающими из-под воды мелкими острыми камнями, готовыми при малейшей нашей оплошности разодрать дно лодки. Некоторые повороты оказались твердым орешком, и нередко мы не успевали отвернуть от стремительно налетевшей скалы. Выручал опыт. Вокруг было хорошо: невысокие горы, заросшие ельником, обступали петляющую речку, вспыхивающую серебром в лучах яркого июльского солнца.

После Стрелки вышли на Большую Сосьву, или просто Сосьву, и скорость течения сразу упала. Река неспешно несла лодку, и мы наслаждались покоем, тишиной, теплым вечерним солнцем. Глубина едва достигала полуметра, и кристально чистая вода открывала множество гладко отшлифованных камней, среди которых сновали сотни мелких рыбёшек (рис. 223).

Часам к десяти вечера достигли того места, где несколько дней назад оставили лодку Саловара. Сделали привал, ужинали, пили чай у костра. Через час тронулись дальше. Стало заметно холодней, надели под куртки свитера. Опустились сумерки, но темноты не было. Тело уже устало находиться без движения в тесном пространстве лодки. Тихое течение, ещё недавно радовавшее нас, стало вызывать раздражение, ждали малейшего переката, чтобы немного пройти на скорости.

Около двух часов ночи впереди по реке послышался шум мотора, было похоже, что где-то работает тягач. Возникло предположение, что это Усть-Манья, но нас несло вперёд, а шум не приближался. Затем он исчез совсем. Вскоре по правому берегу действительно показался тягач-лесовоз, который ввиду отсутствия дорог в летней болотистой тайге использовал край берега и дно мелкой реки в качестве шоссе. У кабины сутились два мужика, приветливо махнувшие таким же ночным скитальцам. Последний час мы практически шли вместе – впереди по берегу двигался тягач, сотрясая рёвом сонную тайгу, затем мотор в очередной раз глох, и мы ненадолго уходили вперёд. Тягач снова ревел сзади, и было полное ощущение, что он старается нас задавить, а мы пытаемся уйти от погони.

В 4.10 утра мы пристали к берегу Усть-Маньи. Несколько дней назад мы прибыли сюда из Няксимволя ровно в это же время.

5 июля, четверг

Посёлок спал. В природе царили серые краски и тишина, даже река стремилась обогнать посёлок бесшумно. Дверь Саловара на ночь не запирал, и мы без стука зашли в вагончик. Старик сидел на кровати и курил. В другой комнате спал Алексей: на пути в Усть-Манью они перевернули лодку и разбили мотор. Ремонт старого «Ветерка» продвигался с трудом, ему пришлось временно задержаться у старика.

Бросилось в глаза подавленное состояние Саловара: против обычного, он не шутил и не проявлял интерес к разговору. Оказалось, вчера весь день болело сердце и сейчас немного мутило. Пить чай он не стал, и пока мы завтракали, продолжал молча курить. Сказал только, что, видимо, устал от похода на Турват.

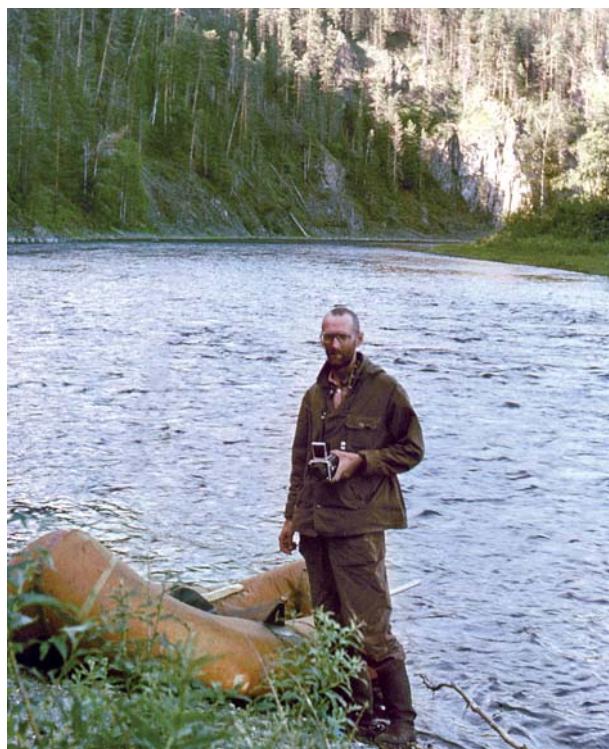

Рис. 223. А.В. Бауло во время сплава по Северной Сосьве.

После чая я ушёл спать в дальнюю комнату. Измаил собирался устроиться на полу в комнате Саловара, но старик сказал, что ложиться уже не будет и пойдёт на реку мыть мясо, таким образом, Измаилу досталась его кровать.

Спали недолго. В половине двенадцатого утра в дом вбежала женщина и крикнула, что старик умер. Мы выскочили за ней и бросились к реке. Саловар лежал в воде у самого берега, лицом вверх, руки были сложены на груди, словно он сам приготовился к смерти. Рядом на дне виднелось пустое ведро. Видимо, старик зачерпнул полное ведро воды, потянул на себя, и сердце остановилось. Тихо опустился и лёг в воду, повернулся лицом к небу и умер.

6 июля, пятница

Вчера пришлось остаться на ночь – ждали приезда врача или милиционера из Няксимволя. Пошёл слух, что старика порешили мы.

В 10.30 устра вышли из Усть-Маны и только в пятом часу вечера оказались в Няксимволе. Опять пробирались по мелям, приходилась вылезать из лодки и толкать её до глубокого места; запрыгивая на ходу, сильно ударился грудью о борт лодки. Сломали винт, но всё вниз по течению ехать было много легче. Очень жарко.

Купили бензин у частников и 15 банок сгущёнки домой.

7 июля, суббота

Оставались в Няксимволе. Поднимались по Няйсу с Н.Г. Номиным и Юнаховым из избушки последнего – 50 км вверх по реке на нашем «Прогрессе». Хранится единственный чемодан с арсынами. Купили у Номина жертвенное покрывало.

Вечером ходил к Самсону Васильевичу Самбиндалову и наконец-то купил колокол: заплатил 30 руб., добавил бутылку водки и 3 баллончика «Рефтамида». Вокруг полно пьяных по случаю наступающего Дня рыбака. Самсон предложил выпить и даже порывался отдать колокол даром. Но цена была заранее оговорена с его сыном.

8 июля, воскресенье

В 8.40 утра вышли из Няксимволя вниз. Выбило пробку в головке цилиндра. В Усть-Тапсую все пьяные. Жара. Обедали в охотничьей избушке на реке.

Останавливались у Т.И. Номина. Тихон достал с чердака новый бубен. Бабка против прошлого года была настроена к нам очень дружелюбно. Фотографировал старика с бубном.

Вечером доехали до Хулимсунта и заселились в общежитие. Ходили в старый Хулимсунт (рис. 224–226).

9 июля, понедельник

Провели день в Хулимсунте, отдыхали, стирались.

10 июля, вторник

Утром выехали вниз. Остановились в Менкв-я-пауле. Ходили с Ильей Васильевичем Алкадьевым на священное место. У него в доме ночует моло-

Рис. 224. Т.И. Номин с женой.

Рис. 225. И.Н. Гемуев с женой Т.И. Номина.

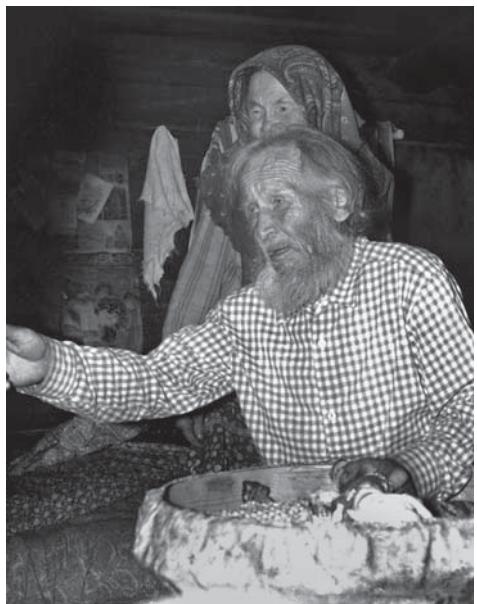

Рис. 226. Т.И. Номин с шаманским бубном.

Рис. 227. И.Н. Гемуев. Купание с красным вином.

дая пара, которая ищет снежного человека; они почему-то соотносят менков и снежного человека.

Не доехав до Кимкъясуя, остановились на высокой песчаной косе, купались (рис. 227).

За 2 км до пос. Сосьва неожиданно закончился бензин. Минут 40 сплавлялась, пока не встретили местных на лодке, которые дали немного бензина.

Ночевали в сельсовете.

11 июля, среда

Заправились горючим и двинулись вниз до Берёзова. Везём пассажира, и лодка троих практически не тянет, мотор просто пожирает бензин. К ночи дотянули до Анеево и искали бензин в посёлке. В итоге поменяли бутылку «Столичной» на канистру бензина.

12 июля, четверг

Дотянули до Игрима, где рано утром, опять же за водку, приобрели немного бензина. К обеду прибыли в Берёзово. Жара, тучи мошки.

С Андреем Каневым поставили лодку на хранение на зиму. С воды заезжали прямо в кузов «Урала».

13 июля утром улетел в Тюмень и 14 июля был дома.

СЛОВАРЬ

мансиЙСКИХ терминов и наименований божеств

Ави	— дверь.
Анквал	— столб.
Апа	— люлька.
Аращкан	— костище.
Арпи	— запор, сооружение для ловли рыбы.
Арсын	— кусок ткани.
Ахвтас-ойка	— «Камень-старик», дух-покровитель.
Вакрип	— крючок; «курица» — жердь с загнутым крюком.
Ворсик-ойка	— «Трясогузка-старик», дух-покровитель.
Ёвт	— лук (оружие).
Ёр	— рубанок.
Ёрн-кол	— чум из шкуры лося.
Ёса	— камусные лыжи.
Имда	— каркас из черемуховых прутьев для крепления медвежьей шкуры.
Иснас	— окно.
Иттерма	— временное вместилище души умершего.
Йипыг-ойка	— «Филин-старик», дух-покровитель.
Йир	— жертвоприношение.
Калтась-эква	— жена Нуми-Торума, богиня-жизнеподательница.
Кан	— священное место.
Кассум няраг	— летняя (домашняя) обувь.
Катым ёр	— ручной струг (инструмент).
Кер	— седельник (русский вариант).
Койп	— бубен.
Колала нор	— прогон.
Колкан	— пол.
Коссум лахтэн	— берестяная «бочка».
Куль-отыр	— хозяин Нижнего мира.
Лайлын-кер	— висячий скребок (зырянский вариант).
Лестэн	— оселок, точило.
Луски-ойка	— дух-покровитель жителей д. Луски (Ложки).
Мант	— деревянная лопатка (ложка).
Мань кап	— калданка, вид деревянной лодки.

Мань-кол	– избушка для женщин в период родов и месячных.
Мань сун	– грузовая нарта.
Менкв	– лесное существо.
Мир-сусне-хум	– «Мир озирающий человек», младший сын Нуми-Торума.
Мис-махум	– люди Мис.
Мис-нэ	– женщина Мис.
Мис-хум	– мужчина Мис.
Мойт	– сказка.
Мул	– стена дома, расположенная напротив входа.
Напар	– коловорот (инструмент).
Нер-ойка	– «Гора-старик», дух-покровитель.
Нёвль	– мясо.
Новтуп	– скребок.
Нор	– охлуп.
Норма	– полка.
Нуй сахи	– женская суконная шуба.
Нуми-Торум	– верховное божество манси.
Нэмта	– игольница.
Няйт	– шаман.
Нял	– стрела.
Няль	– слопец, охотничья ловушка давящего типа.
Ойка	– старик, мужик.
Отыр	– богатырь.
Пайп	– берестяной туес.
Пайпинг-ойка	– дух-покровитель жителей д. Хошлог.
Пал	– верхние нары.
Пасылан	– лучковая дрель.
Перна	– крест.
Полум-Торум	– Пелымский бог.
Полум-торум-пыг	– сын Пелымского бога.
Пори	– жертвоприношение.
Порнэ	– тесло для изготовления лодки.
Пупыг (пубы, пубы-ойка)	– божок.
Пупыг-норма	– священная полка.
Пупыг-тотап	– священный ящик (сундук).
Пурлахтын ма	– «кугощения земля», священное место невысокого ранга.
Путуп	– острога.
Пыг	– сын.
Савын кан	– кладбище.
Сайм-нум	– дикий лук.
Сайрап	– топор.
Самсай-ойка	– «Заглазный старик», домовой.

Санквылтап	– струнный музыкальный инструмент.
Саран суп	– берестяная табакерка.
Сас нел	– берестяная маска.
Сат виклы	– семь ненцев.
Сат менкв	– семь менков, лесных духов.
Сумъях	– амбарчик.
Сун	– нарта.
Тагт-котиль-ойка	– «Среднесосьвинский старик», дух-покровитель.
Тал кол	– навес из тонких деревьев.
Тикталап	– точильный камень.
Тир-ийв	– жертвенное дерево.
Товлынг-ойка	– «Крылатый старик», дух-покровитель.
Товт	– деревянные лыжи.
Толох па	– могила.
Толы	– невод.
Тор	– платок.
Торум кан	– священное место жителей дер. Ломбовож.
Тур	– озеро.
Тутчан	– женский мешок для хранения швейных принадлежностей.
Тынзян	– аркан из кожи оленя.
Ур	– возвышенность, холм.
Ура	– амбарчик на опоре.
Хайта-хум	– сват.
Халев-ойка	– «Чайка-старик», дух-покровитель жителей д. Анеево.
Хартне сун	– ручная нарта.
Хоза аны	– плоская деревянная чаша.
Хонт-Торум	– бог войны, дух-покровитель высокого ранга.
Хотал	– солнце.
Хулуп	– рыболовная сеть.
Чохрынь (Щохрын)-ойка	– «Стрекоза-старик», дух-покровитель.
Эква-пурлахтын-ма	– женское священное место.
Эква-пырищ	– одно из имен Мир-сусне-хума.
Энтап	– пояс.
Эти апа	– ночная люлька (колыбель).
Этпос	– месяц, луна.
Ялпус-ойка	– дух-покровитель в облике медведя.
Ялпынг (ялпын, ялбын)	– священный.
Ялпынг ма	– священная земля.
Ялпынг рось	– священный песок.
Ялпын кол	– церковь.
Ярмак сахи	– шёлковый халат.

**СПИСОК ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
1986, 1989 И 1990 ГОДОВ**

- Бауло А.В.** Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 160 с.
- Бауло А.В.** «Тобольское серебро» в обрядах vogулов и остяков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 176 с.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990а. – 232 с.
- Гемуев И.Н.** Святилище Халев-ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990б. – С. 78–91.
- Гемуев И.Н.** Вина демиурга // Обские угры (ханты и манси): мат-лы к сер. «Народы и культуры». – М., 1991. – Вып. 7. – С. 175–180.
- Гемуев И.Н.** Все против всех (по данным мансиjsкого фольклора) // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1997. – С. 106–109.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.
- Мифология манси** / Бауло А.В., Гемуев И.Н., Люцидарская А.А., Сагалаев А.М., Соколова З.П., Солдатова Г.Е. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 196 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИФФ СО АН СССР	– Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
ХМАО	– Ханты-мансиjsкий автономный округ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Экспедиция к манси 1986 года	6
Тетрадь № 1. Записи И.Н. Гемуева	6
Тетрадь № 2. Записи И.Н. Гемуева	78
Глава 2. Экспедиция к манси 1989 года	104
Тетрадь № 1. Записи И.Н. Гемуева	104
Тетрадь № 2. Записи А.В. Бауло	139
Глава 3. Экспедиция к манси 1990 года	171
Тетрадь № 1. Записи И.Н. Гемуева	171
Тетрадь № 2. Записи А.В. Бауло	178
Словарь мансиjsких терминов и наименований божеств	218
Список изданий, в которых опубликованы экспедиционные материалы 1986, 1989 и 1990 годов	221
Список сокращений	222

Научное издание

Бауло Аркадий Викторович

**ЭКСПЕДИЦИИ
ИЗМАИЛА ГЕМУЕВА
К МАНСИ**

**Этнокультурные исследования
в Нижнем Приобье**

Том 2: 1986–1990 годы

Редактор *M.A. Коровушкина*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнеры *М.О. Миллер, А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 04.12.2017. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 16,6. Тираж 300 экз. Заказ № 433.

Издательство ИАЭТ СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17
<http://www.archaeology.nsc.ru>